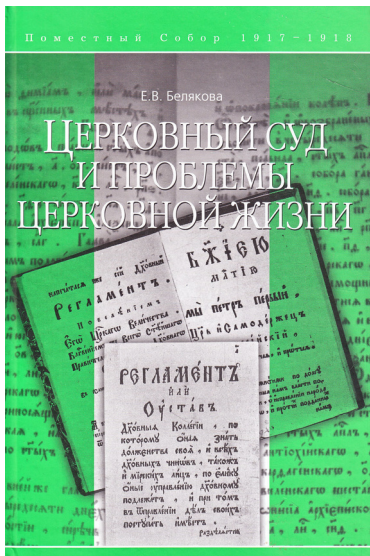

Елена Владимировна Белякова
Церковный суд и проблемы церковной жизни
Серия «Церковные реформы»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094466
Церковный суд и проблемы церковной жизни: Духовная библиотека; 2004
ISBN 5-94270-024-9

Аннотация

«...Тридцать лет назад, когда я впервые почти случайно „обнаружила“ Деяния Собора 1917–1918 гг. в картотеке Государственной публичной исторической библиотеки (хорошо известной „Исторички“, без которой не обходилось ни одно московское исследование по истории Церкви), для меня все эти тома стали настоящим открытием...»

«...Сегодня сделались известными многие факты истории Церкви XX века. Пока продолжалась работа над книгой, было завершено издание Деяний Поместного Собора 1917–1918 гг. Однако церковная наука и церковно-общественная жизнь еще не вернулись к тому высокому уровню, на котором стояли в начале XX в. Слишком долго длился период молчания, и для того, чтобы вернуться к обсуждению проблем церковной жизни, нужно заново учиться говорить...»

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	11
Особенности создания церковной организации на Руси	11
Период московской автокефальной митрополии	14
Период патриаршества	16
Реформы Петра I	18
Издание Книги правил	20
Университетская и академическая наука	22
Проблема кодификации канонов	27
Глава 2	30
Революция и «каноническая реставрация»	30
К каким канонам возвращаться? Вопрос об изменяемости канонических норм	37
Отзывы епархиальных архиереев	42
Проблема понимания и изменяемости канонов в Предсоборном Присутствии	44
Что дальше?	50
Глава 3	54
Отдел о церковной дисциплине	54
Доклад епископа Андрея	57
Кодификация и пересмотр канонов	60
Последующее рассмотрение: Всеправославные совещания	65
Глава 4	66
Церковный суд в древности	67
Каноны церковных Соборов о суде	69
Особенности церковного суда на Руси	70
Церковный суд в Синодальный период	73
Вопрос о церковном суде в русском обществе в эпоху реформ	75
Печать начала XX века о церковном суде	83
Отзывы епархиальных архиереев	86
Предсоборное Присутствие	100
Предсоборное Совещание	112
Предсоборный Совет	116
Отдел о церковном суде Поместного Собора 1917–1918 гг	118
Обсуждение Общих положений об основании устройства церковного суда. Дискуссия о роли епископа	118
Высшие судебные инстанции	122
Завершение работы над докладом церковного суда	122
Устав о церковных наказаниях (Церковно-карательный устав)	123
Проблема лишенных сана	123
Давность наказуемых преступлений	127
Дополнения, связанные с революционными событиями	128
Временные правила о церковном суде	128
Итоги работы Отдела	130
Обсуждение на Соборе	131

Конец ознакомительного фрагмента.

138

Елена Владимировна Белякова

Церковный суд и проблемы церковной жизни

© Е.В. Белякова 2004

Тридцать лет назад, когда я впервые почти случайно «обнаружила» Деяния Собора 1917–1918 гг. в картотеке Государственной публичной исторической библиотеки (хорошо известной «Исторички», без которой не обходилось ни одно московское исследование по истории Церкви), для меня все эти тома стали настоящим открытием. Поражал и сам факт, что этот Собор состоялся, и те вопросы, которые на нем поднимались, и, более всего, живость и острота дискуссий. И совсем драматичным выглядел фон, на котором разворачивались эти споры– события 1917–1918 годов. Думаю, что немногие из моих современников знали тогда, что такой Собор, который сегодня признается одним из главных событий церковной истории XX в., вообще когда-то был. Все сведения по истории Русской Церкви XX в. приходилось собирать буквально по крупицам, как это и делали в то время многие. Но и награда за поиск была безмерно высока – еще были живы те, кто прошли через испытания XX века и оказались достойными своей эпохи. Встречи с этими людьми преображали жизнь.

Сегодня сделались известными многие факты истории Церкви XX века. Пока продолжалась работа над книгой, было завершено издание Деяний Поместного Собора 1917–1918 гг. Однако церковная наука и церковно-общественная жизнь еще не вернулись к тому высокому уровню, на котором стояли в начале XX в. Слишком долго длился период молчания, и для того, чтобы вернуться к обсуждению проблем церковной жизни, нужно заново учиться говорить.

Произошло и изменение в церковном обществе, которое обострило все проблемы. Из жизни ушло поколение, воспитанное еще в православной культуре. Современному человеку приходится самому отвечать на вопрос о том, как подобает жить христианину в нынешнем мире. И какое разнообразие ответов можно сегодня наблюдать! Сколько новых явлений входит в православную жизнь, выдавая себя за старый обычай! Тему церковных канонов, церковной дисциплины уже никак нельзя отнести к предмету церковной археологии– она становится самой актуальной.

Вопросы об исповеди, о покаянной дисциплине, о старчестве вновь поднимаются на заседаниях Священного Синода. Архиерейский Собор 2000 г. принял решение о воссоздании системы церковных судов– но многие ли знают, что это такое? А миряне могут подпасть под действие этого суда? А чем будет руководствоваться суд?

Вопрос о том, что «канонично», а что нет, становится предметом и журналистских споров, и политических дискуссий.

Дать представление о том, что уже «наработано», что было продумано русскими канонистами, какие проблемы оказались нерешенными и почему вопрос о возможности влияния Церкви на паству стал для Поместного Собора 1917–1918 гг. одним из самых болезненных – одна из задач данной книги.

В ходе исследования автору стало очевидным, что нельзя ограничиться только дискуссиями начала XX века. Это было бы методически неправильно. Необходимо хотя бы кратко остановиться на вопросах о том, каково было действительное место канонов в истории Русской Церкви и почему в начале XX в. громко стало звучать требование о необходимости возвращения к каноническим нормам. В этом и состоит «исторический метод», о необходимости применения которого в изучении церковных институтов писали многие канонисты.

Предисловие

Да не преступаются правила отец, да не вкрадывается под видом священнодействия надменность власти мирския, да не утратим помалу, неприметно, тоя свободы, которую даровал нам Иисус Христос.

III Вселенского Собора правило 8-е

Тридцать лет назад, когда я впервые почти случайно «обнаружила» Деяния Собора 1917–1918 гг. в картотеке Государственной публичной исторической библиотеки (хорошо известной «Исторички», без которой не обходилось ни одно московское исследование по истории Церкви), для меня все эти тома стали настоящим открытием. Поражал и сам факт, что этот Собор состоялся, и те вопросы, которые на нем поднимались, и, более всего, живость и острота дискуссий. И совсем драматичным выглядел фон, на котором разворачивались эти споры – события 1917–1918 годов. Думаю, что немногие из моих современников знали тогда, что такой Собор, который сегодня признается одним из главных событий церковной истории XX в., вообще когда-то был. Все сведения по истории Русской Церкви XX в. приходилось собирать буквально по крупицам, как это и делали в то время многие. Но и награда за поиск была безмерно высока – еще были живы те, кто прошли через испытания XX века и оказались достойными своей эпохи. Встречи с этими людьми преображали жизнь.

Сегодня сделались известными многие факты истории Церкви XX века. Пока продолжалась работа над книгой, было завершено издание Деяний Поместного Собора 1917–1918 гг. Однако церковная наука и церковно-общественная жизнь еще не вернулись к тому высокому уровню, на котором стояли в начале XX в. Слишком долго длился период молчания, и для того, чтобы вернуться к обсуждению проблем церковной жизни, нужно заново учиться говорить.

Произошло и изменение в церковном обществе, которое обострило все проблемы. Из жизни ушло поколение, воспитанное еще в православной культуре. Современному человеку приходится самому отвечать на вопрос о том, как подобает жить христианину в нынешнем мире. И какое разнообразие ответов можно сегодня наблюдать! Сколько новых явлений входит в православную жизнь, выдавая себя за старый обычай! Тему церковных канонов, церковной дисциплины уже никак нельзя отнести к предмету церковной археологии – она становится самой актуальной.

Вопросы об исповеди, о покаянной дисциплине, о старчестве вновь поднимаются на заседаниях Священного Синода. Архиерейский Собор 2000 г. принял решение о воссоздании системы церковных судов – но многие ли знают, что это такое? А миряне могут подпасть под действие этого суда? А чем будет руководствоваться суд?

Вопрос о том, что «канонично», а что нет, становится предметом и журналистских споров, и политических дискуссий.

Дать представление о том, что уже «наработано», что было продумано русскими канонистами, какие проблемы оказались нерешенными и почему вопрос о возможности влияния Церкви на паству стал для Поместного Собора 1917–1918 гг. одним из самых болезненных – одна из задач данной книги.

В ходе исследования автору стало очевидным, что нельзя ограничиться только дискуссиями начала XX века. Это было бы методически неправильно. Необходимо хотя бы кратко остановиться на вопросах о том, каково было действительное место канонов в истории Русской Церкви и почему в начале XX в. громко стало звучать требование о необходимости

возвращения к каноническим нормам. В этом и состоит «исторический метод», о необходимости применения которого в изучении церковных институтов писали многие канонисты.

* * *

На Руси Церковь встретила с системой «варварского права», которое оказывало влияние и на церковное законодательство. Жизнь Церкви постоянно ставила вопрос о том, на что следует ориентироваться: на сложившуюся церковную практику, или на церковные каноны, которым эта практика не всегда соответствовала.

Русские церковные Соборы утверждали нормы практики, порожденной обстоятельствами жизни. Это хорошо видно на примере вопроса о вдовых священниках, которым предписывалось постригаться в монахи. Спор о соответствии этой нормы канонам вызвал появление трактата об изменчивости канонов, включенного в состав Стоглава и приписанного преподобному Иосифу Волоцкому. Смена ориентации на греческую практику, происшедшая в ходе реформ патриарха Никона, проявилась и в отмене постановлений Стоглава и Собора 1620 г.

Изданная в 1653 г. печатная Кормчая имела удивительно стабильный характер (по сравнению с рукописной русской редакцией) и сохраняла его с незначительными сокращениями вплоть до выхода Книги правил (1839). Между тем, церковное управление претерпевало значительные изменения: был организован Монастырский приказ, отменено патриаршество, учрежден Синод. Неизменность Кормчей не препятствовала этим реформам. Церковный порядок регулировался в основном государственными законами, которые приспосабливали церковный организм к решению прежде всего государственных задач. Это подчинение церковного строя государству продолжалось и в XIX веке.

Однако развитие общественного сознания поставило на повестку дня вопрос о понимании Церкви как института, имеющего собственные задачи и собственное законодательство. Немало способствовало развитию этого сознания и становление русской канонической школы. Сегодня ее достижения – забытое наследие. Работы русских канонистов мало известны как историкам, так и специалистам в области права. Они давно стали библиографической редкостью, многие из них отсутствуют даже в библиотеках церковных учебных заведений. Труды русских канонистов мало известны и в других Православных Церквях, они проигнорированы в новом греческом издании курса церковного права¹. В нашем исследовании мы отвели обзору этих работ небольшую главу, чтобы показать, как много было сделано русскими канонистами, как остро ставились нерешенные и спорные вопросы.

Развитие общественной жизни опережало исследования канонической школы. В стране происходили значительные экономические и социальные сдвиги, шло разрушение традиционных общественных институтов, патриархального уклада, и Церковь должна была дать ответы на эти изменения.

Во время революции 1905 г. «возвращение к церковным канонам» стало главным лозунгом предсоборного движения. При этом имели в виду прежде всего созыв церковного Собора. Однако в ходе работ Предсоборного Присутствия выяснилось, что церковные каноны можно истолковывать по-разному, что сами они не дают однозначного ответа на все вопросы о том, как же должна быть организована церковная жизнь. Из тем, обсуждавшихся на Предсоборном Присутствии, мы рассмотрим ключевые для нашей книги вопросы церковного суда, развода и некоторые вопросы церковной дисциплины. Это не значит, что проблема истолкования церковных канонов не возникала в связи с обсуждением других тем. Но

¹ См.: *Μπούιης*.

дискуссии о патриаршестве и о реформе церковного управления должны стать предметом особого исследования.

На Поместном Соборе 1917–1918 гг. были подняты две важнейшие церковно-канонические проблемы: о кодификации церковного законодательства и о пересмотре церковных канонов. Ни та, ни другая тема не получила оформления в виде соборного решения из-за недостаточной разработанности подходов к решению этих вопросов. О том, что эти темы остались актуальными, свидетельствовал митрополит Арсений Стадницкий на предпоследнем 169 заседании Собора:

Почему же нашему или следующему Собору не заняться этим вопросом и не решить, что одни каноны, как догматические, имеют основное и неизменное значение, другие – только нравственное, а третьи уже утратили свое значение для всей Церкви. Ведь это предоставлено свободе Церкви, и мы не должны думать, что Церковь могла свободно творить каноны только в период своего расцвета в первые семь веков. Разве Дух Святой только тогда действовал в Церкви, а теперь не действует? Разве мы не можем, по сношении с автокефальными Церквями, разрешить этот вопрос? <...> Канонично было то, что разумно применялось: в одной Церкви одна форма, а в иной – другая. Вот почему и мы, занимаясь устройством русской церковной жизни, несомненно, на канонических началах, должны применяться к данным условиям².

Среди вопросов, которые были вынесены на Поместный Собор, важное место занимал вопрос о реформе церковного суда. Эту реформу обсуждали еще с 70-х гг. XIX в. Не было церковной газеты или журнала, в которых бы не писали о несовершенстве существовавшего консисторского суда. Отсутствие единого свода законов для церковного суда давало широкое место судебному произволу. Представление о церковном суде как органе, который может защитить достоинство священнослужителей, отсутствовало в обществе. Приведение церковного суда в соответствие с системой светских судов – задача, которая многократно высказывалась как в церковной, так и в светской публицистике. В ходе подготовки Поместного Собора были выработаны проекты устройства церковного суда и разработан Устав о церковных наказаниях.

Возможно, если бы проект о церковном суде был окончательно принят Собором и введен в действие, это помогло бы преодолеть церковные расколы 20-х – 30-х гг. XX в., умело спровоцированные действиями власти, стремившейся уничтожить Церковь.

Церковный суд и тесно связанная с ним тема брака и развода – это проблемы, которые и сейчас остаются актуальными для Русской Православной Церкви. Церковь не может быть тем пространством, где не действует ни гражданское, ни церковное право.

Происходящее в современном мире разрушение семьи вызывает тревогу у всех христиан и, в первую очередь, у пастырей. Значительный рост венчаний в нашей стране не повлек за собой сокращения числа разводов. В выступлениях русских иерархов тема сохранения семьи звучит постоянно. Нам было важно показать, что эта проблема встала перед русским обществом уже в начале XX в. в связи с происходившими в стране изменениями, и что решение Поместного Собора 1917–1918 гг. о расширении поводов к расторжению брака было вызвано, хотя это и кажется на первый взгляд парадоксальным, стремлением сохранить христианскую семью.

В книге рассмотрены те вопросы, которые обсуждались в Отделе церковной дисциплины Поместного Собора 1917–1918 гг., начавшего свою работу под председательством

² Обзор III. 359–360.

священномученика митрополита Владимира (Богоявленского). Постановка этих вопросов в Отделе и на Соборе была вызвана необходимостью найти новые формы церковной жизни, адекватные изменившейся общественной ситуации.

В условиях затянувшейся войны, в преддверии гонений, уже разворачивающихся на глазах членов Собора, остро встал вопрос об участии женщин в церковной жизни, о воссоздании чина диаконисс.

Новая, грозная для духовенства ситуация поставила на повестку дня вопрос о celibате священников. Рассмотрел Отдел и вопрос о второбраии духовенства – один из старых, болезненных для всех славянских Церквей вопросов. Неудовлетворенность многих членов церковного общества тем, как был решен этот вопрос на Соборе, была впоследствии использована обновленцами.

Был поставлен в предсоборных дискуссиях и вопрос о монашестве епископов.

С разрушением патриархального крестьянского быта связана также новая постановка вопроса о постах. Те традиционные формы религиозности, которые еще сохранялись в деревне, в городских условиях неотвратимо разрушались. Необходимость новых церковных форм ощущалась в обществе: отсюда и попытки создания общин диаконисс, предпринимавшиеся в разных местах, и поиск новых форм общественного богослужения (например, введение общей исповеди святым праведным Иоанном Кронштадтским), создание братств и сестричеств с широкой социальной деятельностью, введение женского духовного образования, проведение съездов духовенства и мирян.

Новые формы вызывали резкую критику; они нуждались в осмыслении с канонической точки зрения и в церковном обсуждении. Только часть этих вопросов сумел рассмотреть Отдел о церковной дисциплине и вынести по ним доклады на Поместный Собор.

Перед Отделом церковной дисциплины встал и другой серьезный вопрос, не получивший окончательного разрешения на Поместном Соборе: укрепление церковной дисциплины, предотвращение «большевизма» в Церкви, выразившегося впоследствии в том числе и в деятельности «обновленцев».

Новая государственная власть начала решительную борьбу с последними остатками церковной независимости: ввела гражданский брак и запретила деятельность церковных судов. Рассмотрение церковной властью дел о разводах стало преследоваться.

Хотя церковный брак и не был запрещен законом, но количество церковных венчаний резко сократилось³ и власти вплоть до 80-х гг. XX века тщательно следили за совершением венчаний, используя различные формы давления на тех, кто решался вступить в церковный брак.

Институт церковного брака, столь охраняемый законодателями XIX в., оказался почти совершенно разрушен, а вместе с ним была уничтожена и традиционная семья. Не является ли это одной из основных причин сегодняшнего демографического кризиса в стране?

* * *

Предлагаемую читателям работу нужно считать не завершением, а началом исследования.

Автор стремился не к тому, чтобы высказать свое суждение по сложным и противоречивым вопросам, а к тому, чтобы донести до читателя мнения и позицию людей, участвовавших в дискуссиях начала XX века. Многие из них прошли впоследствии через лагеря и

³ Д. Поспеловский указывает, что на 1928 г. в Москве венчались 12 % вступивших в брак, однако точность этой цифры вызывает сомнения: в годы начавшихся гонений церковная статистика могла быть только весьма условной. См.: *Поспеловский*. 165.

были расстреляны. Их яркие выступления остались в архивных фондах и неизвестны читателям. Целиком в архивах остались и проекты реформы церковного суда, над которыми так много трудился будущий патриарх Сергей (Страгородский), председатель Отдела о церковном суде. Сделать эти документы доступными, ознакомить с их содержанием – задача данной книги.

Хочется высказать надежду, что поставленная в книге проблема роли церковных канонов станет предметом серьезного и всестороннего церковного обсуждения.

Ведь каноны определяют не только формы церковной организации, но и жизнь каждого христианина. По определению епископа Никодима (Милаша),

правилами (*κανόνες*), называются те письменные определения, которые законодательная власть церковная издала в течение нескольких веков и которые доселе имеют силу в Православной Церкви, как положительные и вообще обязательные законы для всех и каждого, кто есть член этой Церкви⁴.

Все ли каноны, собранные в Кормчей и Книге правил, имеют такое значение?⁵ Каким образом сегодня руководствоваться святыми канонами? Этот вопрос возникает неизбежно у всякого человека, сознательно относящегося к церковному преданию.

Церковные каноны и церковная дисциплина призваны служить той оградой, которая позволяет Церкви не терять своей свободы. Но для этого каноны должны стать частью церковной жизни, а не храниться на архивной полке.

Выражаю благодарность моей дочери Н. А. Беляковой, аспирантке исторического факультета МГУ, за помощь в сборе архивного материала.

Она является также соавтором следующих глав: «Проблема брака и развода», «Проблема монашества епископов», «Женщины в Церкви» и в разделах главы о церковном суде: «Церковный суд в синодальный период», «Вопрос о церковном суде в русском обществе в Эпоху Реформ», «Печать начала XX века о церковном суде», «Предсоборное Совещание», «Предсоборный Совет».

⁴ Никодим. Правила. I. 7.

⁵ См. об этом: Цытин. Каноны и церковная жизнь.

Глава 1

Каноническое право в России

Сборники церковных канонов и развитие канонической науки

*Всею силою и всею мощью должны суть архиепископи и епископи имети стражбу о священных правилах <...> Божественном бо правилом не сохраняемом, различная преступленья бывают: от того Божии гнев на нас и мнози казни и последний суд. Тому же всему повинни суть святители не бдяще, не стрегуще винограда, еже есть Церкви.
Русское поучение к епископам XIII в.⁶*

Особенности создания церковной организации на Руси

Принятие Русью христианства означало создание церковной организации в соответствии с нормами Православной Церкви и усвоение норм христианской жизни. Усвоение христианского закона шло несколькими путями:

- через представителей церковной иерархии, являвшихся носителями церковного уклада Нового Рима;
- через непосредственное обращение к тем источникам, которые составляли основу христианской веры, то есть церковным книгам;
- через усвоение церковной канонической традиции, то есть канонов Церкви, которые появились в течение тысячелетия существования Церкви, и законодательства императоров Нового Рима, которое регулировало жизнь христианского общества.

Важно отметить и то, что на Руси уже существовало обычное право, диктовавшее свои нормы поведения и суда за отступление от этих норм. Принятие христианства не отменило обычного права, закон «отний и дедний» продолжал существовать. Более того, он оказал влияние и на русское церковное право. Этот факт отразился в церковных княжеских уставах⁷. Устав князя Ярослава устанавливал денежные штрафы в пользу Церкви. При этом размер денежных штрафов зависел от социального положения потерпевших⁸. Древнерусские княжеские уставы в церковной области имели значение вплоть до петровского законодательства. Их активное переписывание в XVI веке и позднее было связано с борьбой Церкви за свой судебный иммунитет, а также против секуляризации церковных земель.

Церковные уставы определяли и объемы юрисдикции церковного суда (см. ниже, гл. 2). Исследователи различают три первоначальных области церковного суда:

- над всеми христианами по брачным делам и делам религиозным (ереси, язычество);
- над определенными группами населения («церковными людьми», огражденными ведомственным иммунитетом) по всем делам;
- над населением земель, принадлежавших Церкви («феодальный иммунитет»).

Создавая новые по сути нормы церковного права, русские церковные законодатели ссылались на древний, или «греческий номоканон»⁹. Что же он представлял собой?

⁶ РИБ. VI. 127.

⁷ Оpubл.: Щапов. *Древнерусские уставы*.

⁸ См.: Щапов. *Государство и церковь*. 87.

⁹ См.: Щапов. *Древнерусские уставы*. *Номос* – по-гречески закон, *канон* – правило. В славянском языке существует и

Церковно-каноническая традиция Византии сложилась в основном в эпоху Вселенских Соборов¹⁰. Ее первичную основу составили правила, связываемые с именами апостолов¹¹. Целью этих правил было зафиксировать церковное устройство, определить нормы поведения членов Церкви и в первую очередь ее предстоятелей. Вопросы дисциплины занимали не меньшее место на Вселенских Соборах, чем догматические споры. Требования к епископу как к главе церкви были наиболее строгими.

Епископу принадлежал суд в церкви. Епископы не только сами судили, но имели право вмешательства при вынесении решения гражданского суда, если признавали его неправомерным. Новеллы Юстиниана, которые вошли в состав канонических сборников, предусматривали разделение дел между церковным и светским судом.

Трулльский Собор в 691 г. определил состав правил, принятых в Восточной Церкви:

Прекрасным и крайнего тщания достойным признал сей святыи Собор и то, чтобы отныне, ко исцелению душ и ко уврачеванию страстей, тверды и ненарушимы пребывали приятые и утвержденные бывшими прежде нас святыми и блаженными отцами, а также и нам преданные, именем святых и славных апостолов осмьдесят пять правил.

Далее перечисляются каноны, принятые на Вселенских и некоторых поместных Соборах, а также имена святых отцов, правила которых тоже стали частью общецерковного законодательства. Завершается список предостережением:

Никому да не будет позволено вышеозначенные правила изменяти, или отменяти, или, кроме предложенных правил, приимати другия с подложными надписаниями, составленныя некими людьми, дерзнувшими корчемствовати истиною. Аще же кто обличен будет, яко некое правило из вышепереченных покусился изменити, или превратити; таковый будет повинен против того правила понести епитимию, каковую оно определяет, и чрез оное врачуемь будет от того, в чем преткнулся¹².

Эти правила были собраны в определенные сборники: одним из наиболее ранних был сборник L титулов Иоанна Схоластика (VI в.), а в IX в. появился Номоканон XIV титулов. Традиция приписывает составление Номоканона XIV титулов современнику Кирилла и Мефодия патриарху Фотию. В этом новом сборнике был расширен состав канонов (были добавлены каноны VI и VII Вселенских Соборов, Константинопольских Соборов 881 и 879 гг.) и появился указатель, в котором правила были систематизированы в порядке 14 тематических разделов (титулов).

Уже в деятельности апостола славянства святителя Мефодия видно стремление донести до славян нормы церковных канонов. Исследователи считают, что св. Мефодий перевел Сборник в L титулах Иоанна Схоластика. Церковные каноны были расположены тематически, по 50 главам. Перевод Мефодия сохранился в двух русских рукописях XII и XVI вв. и представляет собой почти втрое сокращенный свод, хотя возможно, что сокращение принадлежало и не самому Мефодию¹³.

калька этого названия: «Законоправило».

¹⁰ См. *Веск; Медведев. Правовая культура*.

¹¹ Существует несколько собраний правил, которые традиция приписывает апостолам. 85 апостольских правил, утвержденные Трулльским Собором, фиксируют нормы, восходящие в ряде случаев к апостольским временам, но порой имеющие и более позднее происхождение. См.: *Павлов. Курс*. 48–51.

¹² VI Всел. Цит. по: *Книга правил*. 71–73.

¹³ См.: *Щапов. Номоканон*. 238–252.

Сборник XIV титулов был также переведен на славянский язык и получил широкое распространение на Руси. Данная редакция была издана В.Н. Бенешевичем по списку XI–XII вв. с параллельным греческим текстом по списку X в.¹⁴

В XII в. сборники канонов получили толкования. Наиболее известные толкователи – Алексей Аристин, Феодор Вальсамон, Иоанн Зонара. Основная цель этих толкований – объяснить, какие каноны имеют силу, а какие оставлены и почему.

Уже в XIII в. появляется новая редакция канонов – Кормчая книга, пришедшая на Русь из Болгарии, но созданная трудами св. Саввы Сербского. Кормчая св. Саввы (в русской научной традиции она называется Сербской редакцией) представляет собой свод, в котором каноны находятся в усеченном виде (из Синописа Стефана Эфесского), но снабжены толкованиями Аристина, а в отдельных случаях и Зонары. Древнейший русский список – Рязанская Кормчая 1284 г. В настоящее время в Сербии осуществлено факсимильное издание древнейшего неполного Иловицкого списка 1262 г.¹⁵

На Руси Сербская и Древнеславянская редакция были объединены – так возникла новая Русская редакция, которая включала и статьи русского происхождения: уже известные нам церковные княжеские уставы, а также ответы русских иерархов по различным каноническим вопросам. Княжеские уставы определяли сферу суда епископов и митрополитов и устанавливали размеры наказаний в виде денежных штрафов, распространяя на церковный суд нормы обычного права.

Русская редакция включила в себя поучение к епископам, возлагавшее на них обязанность следить за соблюдением церковных канонов¹⁶. Мысль о неизбежности наказаний от Бога за несоблюдение заповедей повторяется во многих русских поучениях и в определении Собора 1273 г., на котором была утверждена новая редакция Кормчей.

На Руси был составлен и сборник «Мерило Праведное» (древнейший список датируется XIV в.), в котором содержались наставления князьям и судьям о праведном суде и законодательство византийских императоров и русских князей. Эти памятники поставлены в один ряд после Божиих заповедей и церковных канонов, хотя они и отражали совершенно разные судебные нормы. Этот юридический сборник характеризует своеобразие русской рецепции византийского права¹⁷, которое воспринималось не столько как реальные законы, регулирующие жизнь общества, сколько в качестве поучения о нормах христианской жизни. Сборник интересен пониманием места князя в обществе. По сути, на князя возлагаются функции епископа, не случайно он получает название «кормчего».

Развитие византийской канонической традиции не остановилось; в XIV в. были созданы новые редакции канонических сборников – Алфавитная Синтагма Матфея Властаря и Эпитоми Константина Арменулу. Оба этих сборника отличает тенденция к сокращению как самого текста канонов, так и их числа, а также стремление к четкой систематизации. По-видимому, к XIV в. относится и создание на Афоне епитимийного Номоканона, известного в XVI в. в русской традиции как Номоканон при Большом Требнике¹⁸. Тенденция к созданию сокращенных канонических сборников наблюдалась в XIV в. и у южных славян.

¹⁴ См.: Бенешевич. *Древнеславянская кормчая*.

¹⁵ См.: *Законоправило*.

¹⁶ РИБ. VI. 127.

¹⁷ См.: Живов.

¹⁸ См.: Павлов. *Номоканон*.

Период московской автокефальной митрополии

У вас же убо, святителей, бояре и дияки, и тиуны и десетинники, и неделъцики судят и управу чинят непрямо, и волочат и продают с ябедники с одного. А десетинники попов по селам продают без милости, и дела составляют с ябедники. И церкви от десетинников и от их великих продаж стоят многие пусты, без пения, и попов нет.

Стоглав. Гл. 5. Вопрос 7¹⁹

С середины XV в. начинается период в истории русской Церкви, принципиально новый именно с канонической точки зрения – период отделения от Константинополя московской кафедры (1448), в связи с отказом Москвы принять Флорентийскую унию. Если в 1451 г. Москве удалось присоединить и западнорусские епархии, то с 1458 г. началось разделение с Киевской митрополией, которая после 1467 г. вновь подчинилась Константинопольскому патриарху.

Захват Константинополя турками (1453) окончательно закрепил московскую автокефалию и привел к тому, что в русской церковной литературе великий князь начал занимать место православного царя. Это изменило и статус великого князя по отношению к Церкви: он выступает инициатором церковных Соборов, и очень быстро решающая роль в выборе кандидата на пост митрополита переходит к нему. Назначение епископов в другие города происходит уже по воле митрополита и великого князя. Новгород теряет право избрания владыки – новгородские архиепископы назначаются в Москве с 1483 г.

XVI в. был переломным в истории Церкви и канонического права. В Европе Лютер торжественно сжег римский *Corpus juris canonici*; с другой стороны, протестантские ученые начинали издавать памятники «греко-римского» или «византийского» права, как светского, так и церковного.

Споры о церковных канонах велись как в Московской, так и в Киевской митрополиях²⁰. Предметами полемики являлись положение вдовых попов, поставления «на мзде» (символия), преследования еретиков, монастырское землевладение, положение московских митрополитов. Ученик Нила Сорского Вассиан Патрикеев был осужден за попытку создания сокращенного систематического свода канонов, а его судья – митрополит Даниил, создатель новаторского свода канонов, провозгласил неизменность состава Кормчих²¹.

Необходимо отметить, что митрополит Даниил уравнивал церковные каноны и практику. Судебные процессы первой половины XVI в. положили конец попыткам систематизации канонов.

Особое значение для развития русского канонического права имел Собор 1551 г., получивший название *Стоглава*²². Стоглав коснулся практически всех сторон церковной жизни: богослужения, церковного суда, церковного управления, монастырских порядков, жизни мирян.

По поводу решений Стоглава о церковном управлении и о церковном суде Е.Е. Голубинский писал:

Та откровенность, с которою он (митрополит Макарий. – Е. Б.) признает и высказывает эти недостатки и злоупотребления, и те ревность и

¹⁹ Емченко. 255.

²⁰ См.: Белякова. Судьба.

²¹ О созданной митрополитом Даниилом Сводной Кормчей см.: Клосс. 68–70; Плигузов. 23–53.

²² См.: Белякова. Стоглав.

решительность, с которыми он стремится к их искоренению, представляют нечто такое, что настоятельнейше могло бы быть рекомендовано всему последующему времени вплоть до нынешнего нашего. Если бы узаконенное Макарием в Стоглавом Соборе относительно церковного суда сохранилось после него, то его узаконения были бы величайшим благодеянием для низшего духовенства и вместе для мирян, насколько эти вторые подлежали церковному суду. А узаконенное им относительно надзора над низшим духовенством могло бы до некоторой степени служить примером и для нынешнего времени²³.

В целом, Стоглав больше ориентировался на церковную практику, чем на каноны²⁴. Исследователи отмечают стремление Стоглава аргументировать положения не столько постановлениями Вселенских Соборов, сколько церковными памятниками местного происхождения. Целые разделы были заимствованы составителем из Сводной Кормчей.

Новаторским является включенный в Стоглав трактат о допустимости изменения канонов, приписанный Иосифу Волоцкому (гл. 79). Цель этого трактата – показать, что в канонах есть противоречия и что одни каноны заменялись другими по требованию времени. Трактат должен был также обосновать запрещение служить священникам-вдовцам.

В решениях Стоглава ясно видится цель отстоять церковный суд и церковное землевладение от посягательств верховной власти. Дальнейшее государственное развитие, однако, свидетельствует, что государство последовательно устанавливало свой собственный контроль над церковным богатством, ограничивая его рост путем запрета земельных вкладов в монастыри, а также изымая монастыри из-под власти епископов.

Судьба московских митрополитов оказалась в руках царей: Иван Грозный расправился с митрополитом Филиппом (хотя при этом и был устроен судебный процесс), без суда был смещен митрополит Дионисий. Иван Грозный расправлялся с епископами и лицами священнического сана без святительского суда.

²³ Голубинский. *История. II (3)*. Голубинский имел в виду, среди прочего, распространение института поповских старост и участие в суде выборных представителей от духовенства.

²⁴ Для Стоглава характерна отсылка к «святым правилам» вообще, воспринимаемым как единая правовая норма. Большинство отсылок «глухие», без упоминания конкретного источника (см. гл. 6, 8, 10, 12, 25, 29, 30, 36, 41). См.: *Емченко*. 141.

Период патриаршества

Второе бысть предложение: что о книгах греческих печатных и древних рукописях, их же святии греческии патриарси и вси священници, во всяком священнослужении употребляют, держати годствует – суть ли праведно и достоверно?

*Собор 1666 г.*²⁵

Учреждение патриаршества в Москве в 1589 г. актуализировало проблему взаимоотношений с Константинопольской патриархией. Обоснование необходимости московской автокефалии основывалось на идее отступления греков от православия. Учреждение патриаршества не только повысило достоинство московского митрополита, но и означало признание главенства Константинопольского патриархата.

Основной тенденцией в жизни Церкви этого периода можно назвать централизацию управления и создание приказов по образцу светских, активно происходившее в правление патриарха Филарета. Государственному аппарату оставалось только взять на себя руководство этими приказами, что и имело место в создании Монастырского приказа. Соборное уложение 1649 г., подписанное также иерархами, уничтожило все судебные привилегии Церкви.

Печатное издание Кормчей книги появилось спустя столетие после появления на Руси книгопечатания. Это позднее появление столь важного текста нельзя признать случайным, а, по-видимому, можно объяснить снижением актуальности церковных канонов для русского общественного сознания.

В 1620 г. был издан в Киеве с предисловием Памвы Беринды, а затем переиздавался с редактированием и дополнениями в 1624, 1629 и 1646 гг. Номоканон, который представлял собой свод епитимийных правил. В его основе лежал, как считал издатель и исследователь памятника А.С. Павлов, Номоканон Иоанна Постника, хотя и значительно переработанный и отредактированный. В 1639 г. этот Номоканон был переиздан в Москве как приложение к Требнику (после этого он был переиздан в 1651 и 1658 гг. со значительными сокращениями). Правила в этом Номоканоне имеются только в переработанном и сокращенном виде и имеют почти исключительно епитимийный характер.

Только в 1650 г. в Москве было подготовлено при патриархе Иосифе издание Кормчей. Нельзя не отметить, что московские книжники перед возникшей необходимостью издания Кормчей проявляют определенную беспомощность, не получившую должного объяснения в научной литературе. Для печатного издания Кормчей не был сделан новый перевод с греческого и не был взят авторитетный список русской редакции, а был использован поздний (1604) список сербской редакции, имевшей распространение преимущественно в западно-русских землях. Выбор в пользу этой редакции можно рассматривать как свидетельство о недоверии к русской канонической традиции. Патриарх Никон в 1653 г., внося добавление к Кормчей – Сказание об учреждении патриаршества в России, следовал традиции новгородских и московских сводов. В послесловии к печатному изданию, однако, утверждалось, что текст был сверен с греческими образцами:

Кормчая книга переиздавалась неоднократно. Ее издания выходили почти без изменений в 1787, 1804, 1810, 1816, 1827 и 1834 г. Эти повторяющиеся друг друга издания породили представление об устойчивом и неизменном составе Кормчей²⁶. В XVII в. были сделаны новые переводы церковных канонов. Знаменитый переводчик, келарь Чудовского монастыря

²⁵ Материалы для истории раскола. 63–64.

²⁶ Известно, что на Афоне книжники восстановили утраченные листы списка XIV в. по первым листам Кормчей патриарха Никона. – *Троицки. Хиландарски*. 81.

Евфимий перевел Кормчую с толкованиями Вальсамона, а Епифанию Славинецкому принадлежал перевод Эпитомы Арменопула, но они остались в рукописях и не получили распространения.

Отмена Собором 1667 г. постановлений Стоглава и Собора 1620 г. сделала очевидным кризис русского церковного права. Решения Собора 1667 г. не означали обращение к канонам, они представляли собой **смену ориентации: отныне образцом становилась практика греческой Церкви**. Обсуждения, насколько эта практика соответствовала канонам, не было. Об этом свидетельствуют вопросы, которые были поставлены архиепископам на Соборе 1666 г.: православны ли восточные патриархи и правильны ли их книги²⁷.

Положительные ответы на эти вопросы означали, что необходимо отказаться от русской богослужебной практики, не совпадающей с греческой и принять новоисправленные книги.

Собор 1667 г. отменил решение Собора 1620 г. о перекрещивании униатов и латинян, так как эта практика не соответствовала греческой. Вмешательство греческих патриархов привело и к тому, что суд светских людей над священниками был признан неканоничным, и это привело к временной отмене Монастырского приказа²⁸.

Дальнейшее развитие русского церковного права было обусловлено борьбой с расколом. Следствием этой борьбы явились еще большая централизация и бюрократизация в управлении Церковью, придание ей исключительно государственного характера, уничтожение всех форм религиозной «самодеятельности»: запрет на создание скитов, возведение часовен.

Одним из последствий борьбы с расколом явилось уничтожение покаянной дисциплины, так как свободный выбор духовника был отменен, а затем последовал и запрет на наложение епитимий²⁹.

Приказная система управления Церковью была усовершенствована при патриархе Иоакиме: открылся приказ церковных дел, который смотрел за благочинием в московских церквях и за поведением московского духовенства. По образцу патриарших приказов устраивались и приказы в епархиях.

Последняя попытка Церкви отстоять свои права в деле суда и сохранения земель имела место при последнем патриархе Адриане, по указанию которого была составлена подборка из Стоглава, Печатной Кормчей, Постановлений Собора 1667 г., а также более поздних указов, свидетельствующая о том, что духовенство подсудно только духовным судам. Однако и сам патриарх, по-видимому, не надеялся уже отстоять церковные права, а лишь считал необходимым довести до сведения царя Петра Алексеевича существующие церковные нормы.

²⁷ *Материалы для истории раскола*. 63–64.

²⁸ См.: ААЭ IV. 203, 212–214.

²⁹ Подробнее см. ниже, гл. 12.

Реформы Петра I

Да вестъ же всякъ епископ, каковой он ни есть степени, простой ли епископ, или архиепископ, или митрополит, что он Духовному коллегіуму яко верховной власти подчинен есть, указов онаго слушать, суду подлежать и определением его довольствоваться должен
*Духовный регламент*³⁰

При Петре I превращение Церкви в один из органов государственного управления получило окончательное завершение. Наиболее решительный шаг, сделанный Петром I, – отмена патриаршества и создание Духовной коллегии, впоследствии переименованной в Святейший Синод. Этот шаг коренным образом изменил юридическое положение Церкви в государстве:

Связь церковной реформы с протестантскими образцами установлена и доказана в работах П.В. Верховского³¹. Но, как отмечал прот. М. Горчаков³², можно говорить и о логической связи реформ Петра I с попытками его предшественников подчинить себе управление Церковью, в частности, посредством Монастырского приказа, восстановленного в 1701 г., еще до создания Духовной коллегии.

Отныне каноны теряют значение правовой нормы. Хотя Духовный Регламент и предписывал читать их епископам во время трапезы, однако это не значит, что законодатели руководствовались ими на практике. В церковном законодательстве решающее значение имеют теперь государственные интересы и задача Церкви – верно служить интересам «chef de l'Eglise», как именует себя Екатерина II.

Права Святейшего Синода и его власть по отношению к епископам излагались совсем не в соответствии с церковными канонами: Духовная коллегия признавалась верховной властью над епископами³³.

Правительство ввело практику перевода епископов с одной кафедры на другую, что открывало широкие возможности для возвышения угодных начальству и избавления от неугодных.

Св. Синод был обязан выполнять задачи, определенные ему государством: блюсти чистоту веры и нравственность народа, наблюдать за исполнением православным населением касающихся Церкви законов и за религиозным образованием народа, искоренять суеверия, бороться с ересями и расколом, изменять богослужение, исправлять и издавать богослужебные книги. Св. Синоду поручалась цензура.

Особые функции – следить за правильностью и законностью (то есть соответствием «регламентам и указам») действий Синода – были переданы обер-прокурору Синода. Обер-прокурор обязан был доносить государю обо всех нарушениях Синодом возложенных на него обязанностей.

Духовные приказы в 1744 г. были заменены духовными консисториями – присутственными местами для епархиального управления и суда. Устав их был издан в 1841 г. Как писал профессор Московского университета Н.К. Соколов,

³⁰ Духовный регламент. 121.

³¹ См.: Верховской. Учреждение; Верховской. Политика.

³² См.: Горчаков. Монастырский приказ.

³³ См.: Смолич. I. 106.

В различных определениях Устава нет ни одной ссылки на древние каноны, как на основания, не видно ниоткуда, есть ли даже для целого учреждения, определяемого Уставом, какое-либо каноническое основание³⁴.

³⁴ Соколов Н.К. Из лекций. 146.

Издание Книги правил

Собрание церковных постановлений одного последнего века не может быть удовлетворительно, поелику оставляло бы неразрешенным вопрос: согласно ли сие с правилами святых соборов и святых отец.

Святитель Филарет Московский³⁵

На протяжении XVIII в. Св. Синод неоднократно пытался пересмотреть перевод Кормчей книги, однако новое издание так и не было подготовлено.

В связи с общегосударственной работой по систематизации законов встал вопрос и об издании постановлений по духовному ведомству. Попыткой объединить и систематизировать церковное законодательство явился труд служащего Св. Синода Я. Гиновского «Оглавление законов Греко-российской Церкви» (ч. 1–2, 1827–1828). Однако этот труд вызвал резкую критику митрополита Филарета (Дроздова), который добился ареста тиража. Митрополит считал невозможной публикацию совместно церковных и гражданских законов. Он обращал внимание на то, что если изменения в гражданском законодательстве воспринимаются как «действия права верховной самодержавной власти», иначе будут восприняты изменения в церковном законодательстве: «Вид перемен в церковном управлении может произвести соблазн»³⁶. Святитель Филарет считал необходимым вместо свода узаконений издать собрание церковных канонов, которое давно планировалось Св. Синодом:

Для сего нужно тщательно рассмотреть сделанный перевод и удостовериться в верности оного чрез сличение с подлинником, и особенно с изданием, сделанным в начале сего столетия, по благословению Константинопольского патриарха, под заглавием Пидалион, то есть Кормило³⁷.

В результате обсуждений Святейший Синод принял решение использовать уже имеющийся перевод, сделанный в XVIII в., с удалением из него латинизмов и приближением к греческому подлиннику:

Некоторые слова и выражения сего перевода, не довольно точные в сличении с подлинником или не довольно чистые и ясные в отношении к нынешнему словоупотреблению, заменить точными, чистыми и ясными, по возможности *с сохранением древнего наречия*, которое должно оставаться общим характером перевода³⁸.

Над изданием трудились архимандрит Новоторжского монастыря Платон и священник Иоанн Колоколов, потом присоединились ректор Рязанской семинарии архимандрит Афанасий и Вологодской – архимандрит Феогност, петербургские протоиереи Павел Соколов, Иоанн Иванов и священник Семен Красноцветов³⁹.

В 1839 г. Св. Синодом была издана Книга правил. Первое издание включало параллельный греческий текст и его перевод на церковнославянский язык. В последующие издания

³⁵ Филарет. 383–384.

³⁶ Барсов. О соборании. 319.

³⁷ Филарет. 384.

³⁸ Цит. по: Барсов. О соборании. 754.

³⁹ Барсов. О соборании. 762.

греческий текст не был включен. Отсутствие в Книге правил толкований и комментариев делали ее малопригодной для непосредственного использования.

В качестве сравнения укажем на греческую Кормчую «Пидалион», вышедшую в 1841 г. Издатели ее преподобный Никодим Святогорец и Агапит ставили своей целью

искоренить различные беспорядки, утвержденные давно обычаем и некоторым образом канонизированные уже бывшими дотоле в употреблении источниками церковного права⁴⁰.

Некомментированное издание Книги правил показывало, что церковноначалие не решалось ни издать старые, ни дать новые толкования к канонам. Св. Синод препятствовал и изданию сборников действующих законов по духовному ведомству. В XIX в. подобная задача была решена рядом частных изданий, не имевших официального характера и страдавших неполнотой приводимых в них узаконений⁴¹.

Необходимость руководствоваться действующим законодательством привела к изданию одновременно с Книгой правил Устава духовных консисторий. Как заметил историк Синода Т.В. Барсов, «официальные сведения вообще умалчивают о составителях и процессе составления» этого документа⁴².

Устав был заслушан Синодом 24 марта 1838 г., разослан на заключение преосвященным и принят после внесения дополнений. Характерно и основное изменение, внесенное в Устав на заключительной стадии редактирования: правила действия духовного начальства по делам о раскольниках, сектантах и вообще отступающих от православной веры Синод «признал не подлежащими оглашению, предписав преосвященным руководствоваться особо изданными распоряжениями и предписаниями»⁴³.

Таким образом, действующим законодательством для духовного ведомства стал Устав духовных консисторий, а каноны остались предметом научных исследований.

⁴⁰ Никольский И. 164.

⁴¹ См.: Шахматов, Кострицын. 2–3.

⁴² Барсов. О соборании. 769.

⁴³ Там же.

Университетская и академическая наука

Едва ли в какой-либо другой сфере положительного права возможен такой простор для разногласий по самым, по-видимому, главным вопросам управления, как в области церковного права.

Профессор Николай Соколов⁴⁴

Русская наука канонического права начала свое существование с конца XVIII в. Указом Синода 1798 г. повелено было во всех духовных академиях читать и объяснять Кормчую книгу⁴⁵. Каноническое право преподавали в духовных академиях, а с 1863 г. и в университетах были созданы кафедры церковного права. XIX в. дал целую школу талантливых русских канонистов. Были выпущены несколько курсов церковного права, которые ждут своих исследователей⁴⁶. К сожалению, эти работы были малоизвестны и малодоступны в течение долгих десятилетий⁴⁷.

Перед канонистами встал непростой вопрос: как объяснить расхождения между церковными канонами, позднейшим государственным законодательством по делам Церкви и церковной жизнью. Архимандрит Иоанн (Соколов; 1818–1869) отмечал, что наука церковного законоведения должна не только заниматься изучением канонов, но «руководствовать в особенности к познанию действующего права Церкви»⁴⁸. Критику церковного законодательства отец Иоанн считал неуместной:

Церковное законоведение «...» должно не судом и критикой вооружаться при исследовании, но верно следовать тому направлению, которое сама Церковь получает. «...» Так как все законы исходят от Богоустановленной, предрежащей власти, и в действиях ее имеют свои верные и положительные цели, то надо быть осторожным в исследовании постановленных ею законов, вообще – быть не судьей законов, а только их верным истолкователем, не возбуждать неуместных вопросов о действиях власти, не касаться в управлении сторон, неясных для науки⁴⁹.

Однако университетская наука эпохи реформ не посчитала себя связанной этими предписаниями. Однофамилец архимандрита Николай Кириллович Соколов (1835–1874), занимавший кафедру церковного права в Московском университете, отмечал нерешенность большинства принципиальных вопросов канонической науки, отсутствие традиции истолкования правил, отсутствие применения канонов в практической жизни. Если церковная практика и обращается к канонам, «то невозможно сказать, каким постоянным принципом она руководится в выборе и применении одних правил и в осуждении на бездействие других»⁵⁰. Н.К. Соколов считал насущной потребностью создание

свода церковно-гражданских законов, в которых разнообразные и разновременные узаконения были бы объединены единством обоснованной

⁴⁴ Соколов Н.К. Из лекций. 147.

⁴⁵ Павлов. Курс. 26.

⁴⁶ Попытка анализа опубликованных систем изложения канонического права была сделана М. Остроумовым, но второй том работы так и не вышел. См.: Остроумов. См. также новейший разбор: Цытин. Церковное право.

⁴⁷ Лишь совсем недавно под эгидой МВД России был переиздан Курс церковного права А.С. Павлова (СПб., 2002).

⁴⁸ Иоанн. Опыт курса. 10.

⁴⁹ Иоанн. Опыт курса. 20, 36.

⁵⁰ Соколов Н.К. О началах суда. 835–836.

идеи, связаны в стройную систему и получили бы прочность, определенность и постоянство⁵¹.

В ответ на часто появлявшиеся в церковной прессе утверждения, что каноны, «содержащиеся в Книге правил, неизменны, авторитет их неприкосновенен, они всецело непоколебимы»⁵², Н.К. Соколов писал, что сторонники неизменности канона забывают о связи канонов со всем строем жизни. Усвоение законодательной властью теории о неизменности канона привело бы к тому, что

под прикрытием канона, на словах постоянно выражая глубокое уважение к нему, в то же время постоянно пришлось бы отступать от него в законодательстве и практике, создавать законодательство без принципов и практику жизни отдавать в руки произвола и личного устроения⁵³.

В 1875 г. Н.К. Соколова сменил на кафедре Алексей Степанович Павлов (1832–1898)⁵⁴, которому русская наука канонического права обязана разработкой источников по ее истории. А.С. Павлов характеризовал свой метод как историко-догматический:

Мы обязаны постоянно иметь в виду связь церковного права с самим существом Церкви, с догматическими основаниями церковно-юридических институтов. Эти основания должны служить пробойю для положения права. С точки зрения этих оснований открывается, что составляет существенное зерно каждого церковно-юридического института и что есть только внешняя его оболочка, изменяющаяся со временем, не требующая одного постоянного и твердого вида⁵⁵.

А.С. Павлов считал, что применение этого метода дает возможность решать практические задачи жизни. Выявив, что является существенным в церковных институтах, можно решать задачи их обновления и реформирования:

Такой исторический и вместе рациональный метод ясно покажет нам, что следует признавать в праве Церкви существенным и несущественным, и как далеко можно идти в церковных преобразованиях, не касаясь существа Церкви и не колебля оснований ее права. Обработывая таким образом церковное право, наука тем самым способствует его применению к практической жизни, и, давая церковной и государственной власти материал для законодательства, пролагает путь к обновлению и дальнейшему развитию права⁵⁶.

Эти слова свидетельствуют, что русские канонисты почувствовали востребованность своих трудов в практической жизни. И действительно, как мы увидим, канонистам принадлежало решающее слово в ходе дискуссий о церковном суде и браке на Предсоборном Присутствии 1906 г., а также на заседаниях Поместного Собора 1917–1918 гг.

Однако по большинству вопросов между канонистами не было единодушия. Профессор Санкт-Петербургского университета протоиерей Михаил Иванович Горчаков (1838–1910) отмечал, что в русской мысли по вопросу церковных реформ наметились два направления: бюрократическое, к которому принадлежат государственные чиновники,

⁵¹ Соколов Н.К. *О началах суда*. 844.

⁵² Лавров. *Новый*. 259.

⁵³ Соколов Н.К. *Из лекций*. 155.

⁵⁴ Его полную биографию и список работ см.: Красножен. *Профессор Павлов*.

⁵⁵ Павлов. *Курс*. 31.

⁵⁶ Там же.

и иерократическое, защищаемое церковными иерархами и канонистами. Сам он отстаивал необходимость участия общественности в церковной жизни и выступал против «безграничной и бесконтрольной» власти преосвященных в церковном управлении⁵⁷. Близок ему по взглядам был и профессор МДА Николай Александрович Заозерский (1851–1919), занявший самую «либеральную» позицию в Предсоборном Присутствии: он отстаивал необходимость участия мирян в Соборе и в церковном суде. Заозерский писал, что Церковь нуждается не в коренной реформе, а в постоянной работе по приведению церковной жизни в соответствие с нормами канонического строя⁵⁸.

Высоким научным авторитетом пользовался Николай Семенович Суворов (1848–1909), занявший после смерти А.С. Павлова место профессора церковного права в Московском университете. Н.С. Суворов писал, что каноны лишь отчасти определяют содержание церковного права, главное место занимает более позднее право, различное для отдельных стран:

Церковные отношения настоящего времени, как в автокефальных Церквях восточного православия, так и на западе, только лишь отчасти определяются каноническим правом, главным же образом они определяются нормами позднейшего происхождения, как церковного, так и государственного⁵⁹.

Вслед за католической традицией, Суворов проводил резкое различие между догматическими и дисциплинарными канонами: первые представляют собой неизменные непогрешимые истины⁶⁰, вторые же «должны двигаться вперед вместе с движением церковной жизни»⁶¹.

Вопрос о месте церковных канонов в предании, об их изменяемости был поставлен и в трудах Ильи Степановича Бердникова (1839–1914), профессора Казанской духовной академии. И.С. Бердников писал о расхождении церковных канонов и позднейшего церковного законодательства:

На практике мы видим, что значительная часть правил древней Церкви не применяется, или применяется не вполне. На практике мы видим, что во всех Поместных Православных Церквях существует много постановлений церковной и светской власти местного происхождения, которые заменяют собой правила местной Церкви. И между ними немало найдется таких, которые значительно отступают от норм древней Вселенской Церкви.

Выход из ситуации он видел в развитии местного церковного законодательства по принципу *ойкономии*⁶²:

Как же примирить практику с теорией, – с учением об обязательности правил древней Вселенской Церкви? <...> Характер неизменности принадлежит только таким определениям Соборов, которые касаются догматов веры и Церкви <...>. Еще есть церковные нормы, связанные с

⁵⁷ См. его рецензию на «Мнения епархиальных преосвященных относительно проекта преобразования церковно-судной части»: Горчаков. *Мнения преосвященных*.

⁵⁸ Заозерский. *О средствах*. 35–36.

⁵⁹ Суворов. *Курс*. I. 13.

⁶⁰ Суворов. *Курс*. II. 109.

⁶¹ Суворов. *Курс*. II. 114.

⁶² Греческое слово *οικονομία* (домостроительство; отсюда же, в другой транскрипции, *экономия*) широко применялось в святоотеческой литературе и вошло в русскую богословскую науку (в зависимости от рейхлинова или эразмова прочтения) как «икономия» или «ойкономия». В документах Межправославной предсоборной комиссии 1971 г. икономия определяется как «полное любви отношение Церкви к нарушающим канонические постановления ее членам» (*Скобей*. 117).

нравственным христианским учением, например», норма о брачной жизни клириков, о повторяемости брака для мирян, о брачном разводе и т. д. Этого рода нормы допускают изменения, как показывают правила церковные и практика. Тем не менее, вопрос о степени их изменяемости не может быть решаем произвольно и легкомысленно <...>.

В каких же формах может закономерно выразиться отступление от церковных правил, изданных в период Вселенских Соборов? – Во-первых, в форме дополнительного законодательства Поместных Церквей <...>. В снисходительном применении в пастырской практике требований древних церковных правил. Этот способ применения древних правил был допущен уже самими этими правилами и называется технически *ойкономия* <...>. Оно применялось еще с древних времен в практике наложения церковной епитимьи и принятия в Церковь еретиков и раскольников <...>. Равным образом требование соблюдения постов смягчено в очень значительной степени⁶³.

Таким образом, Бердников, как и большинство канонистов, считал изменение церковных правил закономерным процессом.

Профессор МДА Василий Федорович Кипарисов также настаивал на разделении вопросов веры и вопросов дисциплины в Церкви. Если в вопросах веры Церковь сохраняет свое учение неизменным, то в вопросах дисциплины в течение всей истории Церкви происходили изменения, вызванные изменениями в христианском обществе. Кипарисов говорил о неверности двух крайних мнений – о безусловной изменяемости, равно как и абсолютной неизменности канона:

Выводом первой теории будет то, что в Церкви все зависит от действительной в данный момент правящей власти, а не от установлений и определений власти некогда действовавшей; выводом второй – что никакая церковная власть последующих времен не может преступить пределов, некогда ранее установленных, и по вопросам дисциплины давать решения, не сходные с существующими; очевидно, она может лишь комментировать эти решения, приспособлять их к данному времени и т. п.⁶⁴

Приведя множество примеров, когда церковная власть изменяла нормы дисциплины, сохраняя, однако, верность их изначальному смыслу, Кипарисов делает вывод, что

дисциплина, хотя бы и данная Вселенским Собором, может быть изменяема в том случае, когда условия и обстоятельства издания канона перестали существовать или изменились до того, что не только могут, но и должны быть признаны не существующими. В противном случае, что, к сожалению, многие не хотят видеть, Церковь, как мы замечаем, должно было бы признать существующей как бы вечным самообольщением: каноны не нарушаемы, но только они – не соблюдаются⁶⁵.

В рецензии И.С. Бердникова на работу Кипарисова было выражено несогласие с широкой возможностью изменения дисциплины.

Церковная дисциплина есть по отношению к Церкви приложение к жизни ее учения веры, а по отношению к членам Церкви – жизнь по вере.

⁶³ Бердников. *Практическое значение канонов*. 383, 386–388.

⁶⁴ Кипарисов. 174.

⁶⁵ Кипарисов. 212.

Значит, церковную дисциплину нельзя отделять от учения веры так резко, как это делает автор⁶⁶.

Для русской науки канонического права имели большое значение труды сербского ученого епископа Далматинско-Истрийского Никодима (Милаша; 1845–1915). Преосвященный Никодим также разделял неизменные вероучительные и изменяемые дисциплинарные законы Церкви. Приводя известные каноны Трулльского и Седьмого Вселенского Собора, подтверждающие обязательность канонов, епископ Никодим замечает:

Законодательная власть Церкви всегда имела, как и будет всегда иметь, право отменять, смотря по обстоятельствам, старые постановления и издавать новые, оставаясь, конечно, верною основным принципам, выраженным в основных заповедях Евангелия. Подобно тому, как в древние времена некоторые Соборы или совсем отменяли, или же сообщали другую форму некоторым постановлениям предшествовавших Соборов, так и ныне Собор пользовался бы тем же самым правом, если бы был созван. Постановления двух упомянутых Вселенских Соборов, не дерзая изменять никакого древнего закона, не ограничивают законодательной власти Церкви, а лишь воспрещают вообще изменять упомянутые ими законы в их сущности, их отношении к общим законам и духу Церкви, изменять в угождение людским похотям.

Те же самые предписания ограничивают своеволие отдельных лиц, на какой бы иерархической ступени они не находились, ограничивают каждую Поместную Церковь, запрещая ей изменять в противность духу общего церковного права какое-либо правило, принятое Вселенскою Церковью; но они нисколько не ограничивают права подлежащей церковной власти, в зависимости от новых церковных потребностей, при сохранении общего духа юридических постановлений Церкви, издать новый закон или же дать иную форму прежнему закону⁶⁷.

Можно отметить некоторую неподготовленность русских канонистов к вопросу о реформах. В соответствии с юридической традицией, работы канонистов были направлены в большинстве своем не на то, чтобы выяснить, что в законодательстве соответствует учению Церкви, а на изложение действующего законодательства. Вопрос о том, в каком отношении это законодательство стоит к канонической традиции, почти не рассматривался. Как отмечал М.И. Горчаков, к законам, даже и несогласным с учением Церкви

русское духовенство всегда будет относиться по началам исконной своей политики к официальным распоряжениям, которые не отвечают их верованиям и надеждам, то есть безучастно, пассивно, с терпением и упованием на лучшие времена⁶⁸.

⁶⁶ Бердников. *Отзыв*. 561.

⁶⁷ Никодим. *Церковное право*. 65.

⁶⁸ *Сборник государственных знаний*. 270.

Проблема кодификации канонов

Насущная задача кодификации канонов осознавалась в церковных кругах еще во времена митрополита Филарета (Дроздова), и издание Книги правил означало не конец, а начало кодификации. И.С. Бердников считал, что к Книге правил необходимо добавить постановления Константинопольского патриаршего Синода, вошедшие в практику Русской Церкви, а также издать собрание всех действующих постановлений Синода⁶⁹.

Известный историк Е.Е. Голубинский в 1913 г. писал:

Желательно, чтобы был издан хороший свод законов Русской Церкви или хорошая русская Кормчая (еще 11 марта 1835 г. был высочайше утвержден доклад обер-прокурора Св. Синода о необходимости издания законов по духовной части, но, увы, эта необходимость и до сих пор остается все той же ожидающей своего удовлетворения необходимостью)⁷⁰.

Попытки переиздания Кормчей книги на основании исправленных переводов не увенчались успехом. Недостатки Книги правил были очевидны для историков и канонистов. В 1874 г. Московское общество любителей духовного просвещения начало издание правил с толкованиями. Необходимость такого издания мотивировалась условиями Русской Церкви:

Мы находимся в совершенно особенном положении по отношению к правилам, чем в каком были к ним православные христиане эллинского происхождения. Мы лишены всех выгод наглядности и непосредственного знакомства с церковным бытом, происходящим от сожителства с народом, у которого возникло право. Мы <...> не живем в то время, когда изданы правила и с тем народом, на языке которого изданы. Положение наше труднее, и необходимость толкования для нас настоятельнее⁷¹.

В предисловии отмечено было, что отсутствие истолкования правил дает возможность для умствований, противоречащих церковным канонам, что проявилось в спорах о судебной власти епархиальных архиереев⁷².

Издание Правил с толкованиями имело огромное значение. Однако к моменту появления последнего выпуска оно уже отставало от уровня русской науки: А.А. Дмитриевский, А.С. Павлов, В.Н. Бенешевич стали самостоятельно обращаться к греческим рукописям и издавать их, отказываясь от использования не отвечающих научным требованиям, хотя и авторитетных греческих изданий (каким являлась известная Афинская Синтагма)⁷³. И. Пальмов в предисловии к «Правилам с толкованиями» отмечал, что в издании недостает критического сопоставления средневековых комментаторов «с новейшими учеными взглядами и выводами науки канонического права»⁷⁴.

Среди русских канонистов порой возникали резкие споры, вызванные различным пониманием того, что же именно является неизменным в каноническом наследии и что подлежит пересмотру. Так, А.С. Павлов считал, что в устройстве Церкви неизменным нача-

⁶⁹ См.: Бердников. *По поводу*. 68–69.

⁷⁰ Голубинский. *О реформе*. 118.

⁷¹ *Правила святых апостол*. I. 2.

⁷² См.: *Правила святых апостол*. I. 3.

⁷³ Σύνταγμα.

⁷⁴ Никодим. *Правила*. I. XXX.

лом является епископат, а не высшая церковная администрация, органы которой не имеют «характера канонической необходимости»⁷⁵.

Оспаривая эти замечания, Т.В. Барсов писал, что его оппонент

отвергает самые основные истины преподаваемой им науки, не допускает сознательного и последовательного развития идей в каноническом законодательстве о преимуществах Константинопольского иерарха и его кафедры, и в довершение своего неуважения к каноническим принципам от имени православного канониста объявляет как истину, совершенно неканоническую и ложную в православном смысле мысль⁷⁶.

Не менее острый характер носила полемика Н.С. Суворова и И.С. Бердникова по поводу роли государственной власти в церковном законодательстве⁷⁷. Если Суворов признавал право государственной власти издавать законы, определяющие церковный порядок, то Бердников отстаивал независимость Церкви в законодательной области:

Покровительствуя Церкви, государство не может вмешиваться во внутренние дела Церкви, не может себе присвоить права законодательства и распоряжения в этих делах. <...> Государство имеет право законодательства относительно Церкви, только это законодательство касается внешних отношений Церкви к государству и обществу, именно, государственного положения Церкви, монастырей, гражданских прав и имуществ клира⁷⁸.

Дискуссии между Н. Заозерским и И. Бердниковым о понимании раскольничьего брака по форме напоминали, по мнению самих участников, характер военных действий:

Г. Заозерский представляет себе учено-литературную полемику под образом войны, со всеми ее неправдами, жестокостями, правилами, не принятыми в мирном общежитии⁷⁹.

Споры между канонистами принимали столь ожесточенный характер, что можно поставить под сомнение само понятие «русской канонической школы». Возможно, справедливее было бы говорить о том, что каждый из названных канонистов представлял собственное направление в науке. Тем не менее, исследования в области канонического права имели большое значение для жизни всего русского церковного общества. Сформулированные А.С. Павловым принципы изучения церковных институтов с момента их возникновения, отделения в них местных форм от неизменного содержания, определения меры влияния на них государственной политики способствовали формированию реформационного подхода. На смену охранительным началам пришли вопросы об адекватности современных церковных институтов. Практика государственного управления Церковью уже перестала казаться неоспоримой по своему существу.

Однако работа по классификации и кодификации канонов так и не была проделана. Причины этого вполне понятны. Так, среди канонов, которые «не действуют» в современном праве, Н.К. Соколов указал правила, которые говорят о необходимости регулярного созыва церковных соборов⁸⁰. Для канониста было очевидным, что неупотребление этих правил в

⁷⁵ Павлов. Теория. 499.

⁷⁶ Барсов. О каноническом элементе. 2.

⁷⁷ См.: Бердников. Церковное право по воззрениям западника.

⁷⁸ Бердников. Основные начала. 30.

⁷⁹ Бердников. Поправка. 12–13.

⁸⁰ Соколов Н.К. О началах суда. 834.

современной ему церковной практике свидетельствует не о том, что они устарели, а о несоответствии практики церковным нормам.

Итак, вопрос стоял о том, чтобы подвергнуть «ревизии» не только каноны, но и церковную действительность. А это не могло быть дозволено церковной цензурой.

Глава 2

«Возвращение к церковным канонам»: начало дискуссии в новых политических условиях

Единственным путем к пробуждению замершей жизни может быть только возврат к прежним каноническим нормам.

С.Ю. Витте. О современном положении Православной Церкви⁸¹

Революция и «каноническая реставрация»

Критика петровских реформ и синодального строя с точки зрения их канонической основательности высказывалась в прессе и до 1905 г. Так, Л.А. Тихомиров в 1903 г. издал книгу «Запросы жизни и наше церковное управление», в которой отмечал, в частности, неканоничность института обер-прокуратуры⁸². Его однофамилец профессор П.В. Тихомиров в исследовании «Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению», опубликованном в «Богословском вестнике» (1904), пришел к выводу, что «основания реформы канонической ценности не имеют никакой»⁸³.

Однако под влиянием революционных событий в России голоса о необходимости преобразований в Церкви зазвучали громче. Включенность Церкви в систему государственного управления все больше воспринималась как тяжелая опека. Лозунгом дня сделалось требование «возвращения к каноническим нормам» в церковной жизни.

Митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) в записке «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви» (февраль 1905) призвал

предоставить Православной Церкви больше свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла *руководиться главным образом церковными канонами* и нравственно-религиозными потребностями своих членов и, освобожденная от прямой государственной или политической миссии, могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства⁸⁴.

Под возвращением к каноническим нормам в документах этого времени понимали в первую очередь критику Святейшего Синода как высшего органа государственно-церковного управления и необходимость созыва Соборов для решения церковных вопросов⁸⁵. Так, в опубликованной председателем Комитета министров С.Ю. Витте записке «О современном положении Православной Церкви» говорилось:

В России Поместный Собор не только не собирается ежегодно, но не собирался ни разу уже в течение двухсот лет. А потому вся система нашего церковного управления представляется не имеющею канонического основания. Православные канонисты сознаются, что при

⁸¹ Историческая переписка. 13.

⁸² См.: Тихомиров Л. 36.

⁸³ Тихомиров П. 102.

⁸⁴ Историческая переписка. Выделено нами. – Е.Б.

⁸⁵ См. подробно: Шуйтс. 82.

учреждении Синода Петр Великий действовал не по образцу обязательных для Православной Церкви канонов, а под сильным влиянием протестантских канонических систем, с которыми он познакомился в Голландии и Швеции⁸⁶.

На канонические нормы ссылался и Святейший Синод, когда весной 1905 г. подал императору доклад о необходимости созыва Собора⁸⁷. В положенной на этом докладе царской резолюции об отсрочке Собора также говорилось о необходимости «канонического обсуждения предметов веры и церковного управления»⁸⁸. 27 декабря 1905 г. Николай II в новом рескрипте сообщал о своем согласии на то, чтобы в Церкви «на твердых началах вселенских канонов» были проведены «некоторые преобразования», для чего необходимо определить время «всеми верными сынами Церкви ожидаемого Собора»⁸⁹. С этой целью Св. Синод 14 января 1906 г. вынес решение о созыве особого Предсоборного Присутствия.

Обсуждение предстоящего Собора и грядущих реформ стало вопросом первой важности для русской прессы и породило целый океан статей, которые И.В. Преображенский назвал «неофициальными предсоборными деяниями русской церковно-общественной мысли»⁹⁰.

Наибольший отклик получил сборник «К церковному Собору», подготовленный петербургской группой «32 священников». Эта группа представила митрополиту Антонию документ, первоначальное название которого было «О неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России». В записке, в частности, утверждалось, что церковную реформу можно провести только на основе «восстановления начертанного канонами строя церковного самоуправления»⁹¹.

Восстановление свободы церковной не может и не должно быть совершено иначе, как чрез восстановление действительности ограждающих эту свободу священных канонов во всей их полноте и чистоте. <...> Итак, по условиям настоящего времени, для Православной Церкви неотложна необходимость получить исконную каноническую свободу. Но чтобы возратить эту свободу, она должна восстановить в полноте и неприкосновенности каноническое церковное устройство, воспринятое по преданию апостольскому, от которого она не должна была и не может отступать. <...> На первом плане должно стоять, таким образом, упорядочение и развитие епархиального управления в строгой сообразности с духом канонов, узаконяющих широкий простор соборности в Церкви⁹².

Позиция «группы петербургских священников» встретила широкое сочувствие у низшего духовенства. Под лозунгом «восстановления канонического строя» в прессе был предложен ряд далеко идущих реформ. Так, газета «Слово» опубликовала анонимное письмо священника, который утверждал, что для восстановления канонического строя нужно уничтожить:

- 1) ведомство православного исповедания;
- 2) Св. Синод, духовные консистории;
- 3) правительственное назначение и утверждение иерархов;

⁸⁶ *Историческая переписка*. 11.

⁸⁷ См.: *О преобразованиях*. 1898–1899.

⁸⁸ Цит. по: Смолич. II. 696.

⁸⁹ Смолич. II. 696.

⁹⁰ Преображенский. *Периодическая печать*. V.

⁹¹ Цит. по: Смолич. II. 696.

⁹² Преображенский. *Периодическая печать*. 4–6.

- 4) обер-прокурора;
- 5) обязательность монашества для иерархов;
- 6) награды для духовенства;
- 8) монашество в городах.

Одновременно автор предлагал восстановить выборное начало для всех степеней священства, посвящение в епископы не только вдовых священников, но и достойных женатых «по примеру века апостольского», ввести свободу снятия сана⁹³.

Ректор МДА епископ Волоколамский Евдоким (Мещерский) выступил с серией статей, в которых с тревогой отмечал кризисные явления в Православной Церкви. Причину он видел в том, что

забыты церковные каноны. Вся почти наша жизнь пошла по другому руслу, проложенному немецкими умами. А остатки канонических, действующие еще в нашем жизненном укладе и мешающие нашим доброжелателям развернуться во всю ширь своей удалой натуры, предлагают уже связать в мешок да бросить в воду⁹⁴.

Требование «восстановления церковных канонических» теперь все чаще выдвигали и люди, очень плохо разбиравшиеся в канонах. Так в «Санкт-Петербургских ведомостях» была помещена статья некоего «русского патриота», который предлагал:

На дела Русской Церкви должен обратить внимание русский министр внутренних дел, восстановить действие церковных канонических – прямая и первая обязанность гражданской власти <...>. Вся Русская Поместная Церковь благословила бы министра внутренних дел на немедленное проведение в жизнь церковных реформ⁹⁵.

В ответ Н. Гринякин в «Миссионерском обозрении», подмечал, что «за восстановление канонических ратуют те, кто канонических знать не хотят»⁹⁶. О том же писала газета «День»:

Какое дело до канона пустопорожним петербуржцам. Они, собирающиеся облагодетельствовать Церковь возвращением ее к «канонической простоте», не знают на самом деле, что такое церковный канон <...>. Витте проникнут еврейско-радикальной ненавистью к духовенству⁹⁷.

Многие понимали, что в требование «возвращения к каноническому строю» можно вкладывать различный смысл. Некоторые авторы высказывали сомнения в том, что возвращение к канонам само по себе приведет к церковному возрождению:

Нельзя ожидать <...> что у нас церковная жизнь закипит только потому, что восстановлены будут канонические формы древней византийской Церкви, во главе Церкви будет поставлен патриарх, по главным городам будут поставлены окружные митрополиты, а по всем малым – епископы. Кто в настоящее время интересуется канонами? Многие ли из православных знают даже о существовании Книги правил? Кто стремится быть руководителем жизни, тот должен знать, чем «люди живы». Кто в настоящее время удовлетворится административно-бюрократическими реформами и

⁹³ Преображенский. *Периодическая печать*. 159.

⁹⁴ Евдоким. *Государство и Церковь*. 266.

⁹⁵ Цит. по: Гринякин. 7.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Преображенский. *Периодическая печать*. 223.

мертвыми словами? Не можем же мы замалчивать, что народ проливает слезы над рассказами еретика, отлученного от Церкви, гр^афа Л.Н. Толстого, и со скукой слушает уснащенные текстами послания Синода, зевает, слушая современные проповеди пастырей Церкви⁹⁸.

С близких позиций выступил и Н.К. Никольский на заседании профессоров Санкт-Петербургской Духовной Академии:

Академия должна заявить, что если Церковь решилась начать свою жизнь чрез применение стародавних принципов церковной жизни, то в том только случае оно может привести к упорядочению и нормальному ходу ее, если оно прежде всего будет предназначено к сохранению истинного духа евангельских требований, и если только ради этого и после этого предстоящие перемены будут сообразованы по мере возможности с канонической буквою⁹⁹.

Выступая под флагом возвращения к каноническому строю, епископат в первую очередь добивался отмены власти обер-прокурора для того, чтобы играть большую политическую роль. Иначе понимало «каноны» приходское духовенство, для которого большее значение, чем учреждение патриаршества, имели вопросы о выборности епископата и о реформе прихода. Уже в 1905 г. наметилось противостояние епископата и белого духовенства, что отмечали публицисты:

В сознании и воле русской учительствующей Церкви в настоящее время происходит движение, которое неизбежно должно привести к принципиальному разногласию <...> между высшим правящим – монашествующим и низшим, приходским – белым духовенством <...> И члены Синода, и столичные священники указывают на необходимость вернуть Церкви каноническую свободу; те и другие выдвигают принцип соборности, те и другие настаивают на созыве Поместного Собора и избрании патриарха. Но по внутреннему стремлению, по вдохновляющему намерению, оба эти акта не только различны, но и противоположны друг другу, имеют наклон в разную сторону, ведут к разным горизонтам.

Причину разногласий автор видел в том, что епископат ищет способов усилить свою власть:

На принцип соборности высшая иерархия посмотрела как на орудие своего усиления и перехода власти из рук обер-прокурора к коллегии епископов и ее ставленнику <...>. Правящее монашество ходатайствует о соборе в надежде придать церковной реформе наклон в сторону епископской олигархии <...>. Правящему монашеству обер-прокурорская власть кажется помехой для непосредственных сношений с властью светской.

В то же время приходское духовенство «мечтает о Соборе, который сольет духовенство с народом и приведет к победе демократии»¹⁰⁰.

Сходные оценки высказывал известный историк Н.Ф. Каптерев¹⁰¹:

⁹⁸ Чирецкий. 494.

⁹⁹ Никольский Н. К вопросу о реформе. 181.

¹⁰⁰ Преображенский. Периодическая печать. 236.

¹⁰¹ Каптерев Николай Федорович (1847–1918), проф. МДА по кафедре древней гражданской истории (1883); член-корр. Академии наук (1910); член IV Гос. Думы и Поместного Собора 1917–1918 гг.; автор работ, в которых была пересмотрена концепция церковного раскола.

Конечно, все архиереи желают церковной реформы, но эту реформу они видят прежде всего и главным образом в уничтожении власти обер-прокурора Св. Синода. Только в обер-прокуратуре все зло нашей Церкви, – говорят и пишут они; обер-прокурор поработил окончательно архиереев, а в их лице и всю Русскую Церковь, поэтому нужно уничтожить обер-прокурорскую власть, и сделать архиереев вполне свободными и независимыми, и только тогда процветет Русская Церковь. Для достижения именно этой цели и нужно учредить патриаршество, которое убьет обер-прокурора, – этого требует, с архиерейской точки зрения, возможность процветания Русской Церкви. Сверх этого требования наши иерархи пожелали себе еще только одного, как передавали газеты: своего непосредственного участия в высших государственных и законодательных учреждениях. Ни о каких других желательных коренных в Церкви реформах наши архиереи доселе, сколько известно, серьезно не заявляли¹⁰².

Иначе понимают реформу миряне и священники, которые опасаются «архиерейского произвола и усмотрения» и хотели бы утвердить выборность епископата.

С критикой одностороннего отношения епископата к канонам выступил и профессор А. Чирецкий в «Богословском вестнике»:

в существе дела наши иерархи хотят утвердить священную важность и безусловную обязательность только за теми канонами, которыми утверждается их власть и господствующее положение в Церкви. Предполагается, что все зло церковной жизни, пресловутый «паралич» Церкви идет от Петра, является следствием совершенной им церковной реформы, извратившей канонические нормы церковной жизни, в которых жила русская Церковь «...» заимствовав их от Византии. На место богоустановленной епископской власти в Церкви поставлена была власть светских лиц, чиновников, которые не только поставлены были рядом с иерархами, но в лице синодального обер-прокурора фактически властвовали и над владыками. Конечно, это не канонично и не согласно с нормами церковной жизни. Но кроме недопустимости светского чиновничьего властвования в Церкви, каноны утверждают еще нечто иное, пред судом чего окажутся неканоничными и другие, кроме чиновничьего властвования, стороны церковной жизни и, кроме синодального обер-прокурора, другие лица, не исключая и самих архиереев. Например, едва ли может служить к утверждению положения наших иерархов строгое применение 29 и 30 апостольских правил, по которым всякий епископ, получивший сие достоинство «деньгами» или «мирских начальников употребив», подлежит извержению и даже отлучению. По церковным канонам епископы должны быть выборными, а не назначенными светской властью, иначе поставление считается недействительным (Ант. 19, 23; Лаодик. 12 и др.). Такого рода каноны скорее могут явиться камнем преткновения и вызвать крушение всякого авторитета наших владык, ставя под сомнение законность и действительность их поставления. Отсюда перед нашими иерархами в сущности дилемма: или последовательное и строгое выполнение канонов для полного устранения всей скверны неканоничности в современной обстановке жизни Русской Церкви, во всех ее частях, до замены назначенных

¹⁰² Кантрев (1905). 510.

епископов выборными, или – приспособление самих канонов к условиям современной жизни¹⁰³.

Вопрос о церковных канонах зазвучал даже с трибуны Государственной Думы, где обер-прокурор Святейшего Синода П.П. Извольский 22 марта 1908 г. заявил:

Для Церкви ее каноны – тот Свод Законов, которым она руководствуется и от которого отступить не может, не отрицая самого своего бытия как Церкви. Позвольте обратить ваше внимание на то, что доселе русское государство, столь часто обвиняемое в порабощении Церкви, считало себя, однако, обязанным соблюдать ее канонические основы. <...> Один из членов бюджетной комиссии, выражая согласие с моей точкой зрения на независимость и самобытность Церкви, поставил мне вопрос: почему я выдвигаю этот принцип только по отношению к контролю церковных средств. Господа, я говорю сегодня о средствах и контроле потому, что мы рассматриваем бюджет; об этом идет речь, но, исполняя свой долг представителя интересов Церкви перед государством, я, каждый раз, когда к тому представится надобность, буду входить на эту кафедру, чтобы отстаивать тот же принцип самостоятельности внутренней жизни Церкви, не отделения Церкви от государства, но союза, основанного на уважении к исконному каноническому строю Церкви¹⁰⁴.

Это выступление было поддержано епископом Холмским Евлогием (Георгиевским), который считал недопустимым участие Думы в управлении Церковью:

Канонами церковными определяется внутренний строй Церкви, в них начертаны основы внутреннего самоуправления, а в области этого внутреннего самоуправления Православная Церковь не подлежит ведению Государственной Думы¹⁰⁵.

Другая точка зрения была выражена П.А. Столыпиным. На думском заседании 22 мая 1909 г. он отмечал, что государство не касалось и не должно касаться вопросов канонического устройства Церкви. Что же касается внешнего законодательства, регулирующего взаимоотношения Церкви и государства, то здесь он считал необходимым, чтобы первенствующая роль принадлежала не Церкви, а государству:

Православная Церковь сильно затронута в тех вопросах, которые касаются отношения государства к Православной Церкви и даже к другим вероучениям, поскольку они соприкасаются с православием, например, в вопросе о смешанных браках. И вот, поскольку можно судить по современной прессе, по доходящим до правительства и до общества партийным политическим откликам, и в настоящее время существует, между прочим, мнение, что все вопросы, связанные с Церковью, подлежат самостоятельному единоличному вершителству Церкви. <...> После уничтожения патриаршества, после уничтожения Поместных Соборов к Святейшему Правительствующему Синоду всецело перешла в руки вся руководственно-соборная власть. С этого времени в вопросах догмата, в вопросах канонических Святейший Правительствующий Синод действует совершенно автономно <...>. Естественное развитие взаимоотношений

¹⁰³ Чирецкий. 470.

¹⁰⁴ Справка об отношении. 18–22.

¹⁰⁵ Справка об отношении. 18.

Церкви и государства повело к полной самостоятельности в вопросах догмата, в вопросах канонических, к нестеснению Церкви государством в области церковного законодательства, ведающего церковное устройство и церковное управление, и к оставлению за собой государством полной свободы в деле определения отношений Церкви к государству. Наука государственного права вполне подтверждает правильность такого порядка вещей. Говоря о господствующем исповедании, наш известный ученый Чичерин указывает на то, что государство, конечно, вправе наделять господствующую Церковь и политическими и имущественными правами. «Но, – говорит Чичерин, – чем выше политическое положение Церкви в государстве, чем теснее она входит в область государственного организма, тем значительнее должны быть и права государства». Отсюда, я думаю, вытекает, что отказ государства от церковно-гражданского законодательства – перенесение его всецело в область ведения Церкви, повело бы к разрыву той вековой связи, которая существует между государством и Церковью, той связи, в которой государство черпает силу духа, а Церковь черпает крепость, той связи, которая дала жизнь нашему государству и принесла ей неоценимые услуги <...>. При разрыве <...> государство в глазах Церкви утратило бы значение государства православного, а Церковь, в свою очередь, была бы поставлена в тяжелое положение – в необходимость самой наделять себя политическими и гражданскими правами, со всеми опасными отсюда <...> последствиями¹⁰⁶.

Вопрос о том, в какой степени новый государственный орган – Государственная Дума может решать вопросы, связанные с Церковью, и изменять касающееся ее законодательство, так и остался нерешенным. Этот вопрос станет предметом обсуждения Поместного Собора.

¹⁰⁶ Справка об отношении. 20–22.

К каким канонам возвращаться? Вопрос об изменяемости канонических норм

Выдвижение требования возвращения к каноническому строю в качестве политического лозунга вызвало и появление сомнений в возможности подобного возвращения.

«Санкт-Петербургские ведомости» в марте 1905 г. отмечали, что Поместный Собор в стремлении восстановить канонические нормы будет поставлен в очень затруднительное положение:

Дело в том, что наряду со многими канонами, сохранившими свою жизненность, и доселе существуют такие, которые в силу изменившихся исторических условий должны быть или изменены или отменены.

Каноны эти не применяются, но они и не отменены.

Отменить или изменить эти каноны могут не Поместный Собор и не канцелярские сношения и переписка с восточными патриархами, а только Вселенский Собор.

Вряд ли многие знают, что теперь, благодаря существованию неприменяемых, но не отмененных Церковью канонов, не только многие миряне, но и многие клирики должны быть отлучены от Церкви¹⁰⁷.

Н.К. Никольский задавался вопросом, к каким именно нормам Церкви следует вернуться:

Следует ли их искать в допетровской Руси, в ее принципах неподвижности в области богословствования и каноники, или же их следует искать в церковном сознании периода апостольского или византийского? Не трудно сказать: следует устроить управление церковное на канонических началах, но далеко не одно и то же, устроить ли это управление согласно с пониманием Кормчей в допетровскую эпоху, или согласно с признанием за канонами того значения, которое они имели в древней Церкви. <...>

Русь выросла на убеждении, что движение в понимании христианства завершилось периодом Вселенских Соборов.

Теперь, когда Церковь хочет проснуться, рядом с ней же стоит другая долговечная культура, выросшая также на почве стремления к истине, не известная и эпохе вселенского единения и познающая ее путем изучения не вечного, но преходящего бытия. При посредстве профессиональных и сословных школ, появившихся в XVIII в., эта культура стала виновницей того, что в пределах одной и той же нынешней Церкви мы видим ныне не одно мировоззрение, а тысячи¹⁰⁸.

Никольский считал невозможным «возвращение» к каноническому строю:

Каноны в одно время были одними, а в другое время другими, и церковный строй самой первой эпохи христианства, эпохи апостольской не был тождествен со строем церковным конца Вселенских Соборов. Апостольское время не знало ни патриаршества, ни монашества, хотя и в то время были безбрачные представители Церкви. <...> И если высказывается требование – возвратиться всецело к каноническому строю древней Церкви,

¹⁰⁷ Цит. по: Преображенский. Периодическая печать. 150.

¹⁰⁸ Никольский Н. К вопросу о реформе. 203, 199.

то придется еще выяснить, каков был этот строй, и почему заповедь апостола должна быть менее авторитетна, чем обычай, узаконенный Соборами во внимание к условиям исторической жизни <...> Вопрос о том, как устроить согласно с канонами управление Русской Церкви при современных условиях жизни, должен еще подлежать обсуждению не только Собора русских епископов, но и компетентных канонистов, белого духовенства и мирян¹⁰⁹.

Нельзя ни на минуту упустить из вида, что древние каноны были вызваны к жизни в целях сохранения чистоты учения Христова, и вне связи с этим учением они являются обычными памятниками мертвого права. <...> Нельзя преклоняться раболепно пред священной силой древних канонов <...>. Нельзя, например, ввести в жизнь Кормчую во всем ее объеме хотя бы потому, что сами иерархи этого не захотят: иначе им самим пришлось бы на основании Кормчей и себя отлучить, и всю паству до последнего человека¹¹⁰.

В либеральной церковной прессе высказывалось также мнение, что

церковные уставы – это не законы в смысле светских законов, а педагогические правила. Педагогика же учит, что не существует правил, одинаково применимых ко всем людям <...>. То же следует сказать и о церковных правилах. Цель их – приведение людей на путь добра, и к этой цели, а не к соблюдению буквы правил должно быть направлено внимание пастырей. Нельзя относиться к церковным уставам так, как современные началу христианства иудеи относились к Закону Моисеову, иначе неминуемо придешь в столкновение с началами христианства¹¹¹.

Таким образом, от лозунга о каноническом строе пришлось переходить к серьезным размышлениям над тем, что же является каноническим устройством Церкви, какое место занимают церковные каноны и в чем их ценность.

Этим вопросам были посвящены статьи Н.П. Аксакова¹¹², оригинального богослова, продолжателя традиций А.С. Хомякова. Аксаков разрабатывал тему церковного Предания как живого наследия. Для него церковные каноны – это часть Предания, которая должна быть прочитана в общем контексте церковной истории:

Постоянным, вечным может быть для Церкви только то, что вытекает из древнейшего, исконного ее исповедания, из древнейшей и основоположной хартии ее – новозаветного Писания. Писание представляет основную и боольшую часть всего Предания Церкви, а потом и постоянный критерий для всего остального. Церковь выражала строй убеждений своих и верований в каноническом творчестве, а потому на выраженные и воспринятые ею каноны мы должны смотреть как на весьма существенный памятник записанного ею же самою Предания.

В этом-то восстановлении преданного путем сравнительного изучения памятников и исповедания и заключается главная суть и главная задача православной богословской науки¹¹³.

¹⁰⁹ Никольский Н. Почему 32? 821–822.

¹¹⁰ Из духовной печати. 514.

¹¹¹ Киятский. 5.

¹¹² Аксаков Николай Петрович (1848–1909), публицист, философ; д-р философии Гессенского университета. О нем см.: Антонов. 100.

¹¹³ Аксаков. Предание Церкви. 14.

Автор предлагал, по сути, новую методику истолкования канонов. Рассматривая место епископа в церковном суде, Аксаков писал:

Совершенно очевидно, что если суд церковный не мог совершаем быть *без ведома* епископа <...>, то точно так же не мог он совершаем быть и без ведома Церкви, обязательно участвовавшей в нем в лице верующих, диаконов и пресвитеров¹¹⁴.

Одно из центральных положений Н.П. Аксакова состоит в том, что каноническим принципом Церкви является отсутствие в ней единоличного произвола.

Ничто не совершается в Церкви единоличным произволом, но все творится с соизволения и согласия других, а через них и через общее соизволение и согласие всей Церкви, так что вся Церковь является в действиях своих согласным и стройным целым или хором в мире, в общении и во взаимном соизволении совершающим все действия свои, весь предоставленный и порученный ей зодческий труд¹¹⁵.

Задачей богословов он считал необходимость сдвинуть

тусклое стекло, которым заслонены были до сего времени каноны, представив их как в истинном историческом свете, в свете апостольского предания, так и в их взаимоотношении между собой, представляющем систему, которою определяется строй церковной жизни и церковного управления, точнее самоуправления¹¹⁶.

Важной вехой явилось и программное выступление в 1905 г. профессора МДА С.С. Глаголева¹¹⁷ «Задачи русской богословской школы». Профессор видел основную беду в том, что представители русского богословия понимали свои задачи только как охранительные:

Им вовсе не нужно чего-нибудь искать, что-нибудь открывать и возвещать миру, они должны только охранять существующие воззрения, оправдывать установившиеся порядки. Вместо великой роли пророков им дают скромную и сомнительную роль полицейского. Охранять добро, конечно, задача почтенная, но охранять жизнь от развития, от движения, это — задача омертвления. <...> Установилось убеждение, очень часто поставлявшееся школе к руководству, что школа должна искать не решение задачи, а только защищать во всем объеме ее исторически сложившееся решение¹¹⁸.

Докладчик смело отмечал особенность церковного права, которая заключается в том, что законы и устав не выполняются:

В области права мы имеем действующие законы, которые не исполняются и нарушаются постоянно. Положим, праведнику закон не лежит. Но ведь мы не праведники, и мы хотели бы иметь такое действующее

¹¹⁴ Аксаков. *Предание Церкви*. 83.

¹¹⁵ Аксаков. *Предание Церкви*. 100.

¹¹⁶ Аксаков. *Предание Церкви*. 104.

¹¹⁷ Глаголев Сергей Сергеевич (1865–1937), проф. МДА (1896), д-р богословия (1901). Читал апологетику (историю религии и древней философии) на Высших женских богословских курсах. Участвовал в Московском епархиальном съезде и в Предсоборном Совете (1917). Член Поместного Собора (1917–1918). Возглавлял Ин-т народного образования в Сергиевом Посаде (с 1919), затем преподавал в различных учебных заведениях. Арестован (1928), после освобождения переехал в Вологду, вновь арестован (1937) и расстрелян.

¹¹⁸ Глаголев. 415, 427.

право, которое мы бы понимали, которое могло бы осуществляться и осуществлялось. <...>

Мы имеем церковный устав, который для большинства православных людей абсолютно невыполним. Благочестивейший профессор нашей академии Д.Ф. Голубинский, вся жизнь которого была осуществлением религиозных постановлений, жаловался, что не может выполнять устава, и многократно поднимал вопрос о его смягчении. Я не встречал людей более религиозных, чем он; поэтому думаю, что я не встречал исполнителей устава. Мы имеем таким образом перед собой собрание мертвых букв, предписывающих нам жить и мыслить так, как мы, будучи православными, не можем мыслить <...> Нужно согласовать нашу совесть с законом и нашу мысль с верой¹¹⁹.

Требование возвращения к церковным канонам автор считал неправильно поставленной задачей, так как каноны продиктованы условиями времени:

У нас говорят о преобразовании Церкви на строго канонических началах. Возможно ли такое преобразование? Позволительно думать, что намечаемая задача по своей трудности несколько не легче задачи о квадратуре круга. Каноны – не догматы, они отменялись и изменялись, они – продукт опыта, руководящая норма, которую, однако, обстоятельства могут заставить изменить другой, более подходящей к современным условиям. Реформа Церкви, думается, должна совершаться иначе. Церковь, как правовое учреждение, должна преобразовываться непрерывно и постепенно вследствие все большего и большего проникновения христианских начал в сознание ее членов. Церковь XX в. не может быть тождественна по своему устройству с Церковью при Иване IV или при Владимире. Церковь не может сейчас ввести требования, чтобы каждый раздал все свое имущество бедным, но Церковь может сейчас ввести некоторые обязательные нравственные требования, которые казались недопустимыми людям XVI в.¹²⁰

О критериях действенности канонов в связи с проблемами функционирования церковных судов рассуждал протоиерей А.П. Рождественский¹²¹:

Рассматривая те канонические правила, которые положены в основание церковного суда над духовными лицами и определяют наказания за различные преступления, находим, что некоторые из них составлены под влиянием временных обстоятельств и бытовых условий, при отсутствии которых они естественно теряют свою действительную силу (Карф. 12, 29). Затем, многие правила, приложение которых к современным порядкам было бы очень желательно, или не действуют или видоизменены до такой степени, что утратили свое первоначальное значение (Ап. 37; Ник. 5; Конст. 11, 8; Ап. 34; Ант. 19, 9 и др.). Отсюда возникают вопросы: что нужно считать в канонах Соборов и отцов Церкви действующим

¹¹⁹ Глаголев. 427.

¹²⁰ Глаголев. 442.

¹²¹ Рождественский Александр Петрович (1864–1931), протоиерей церкви Мариинского дворца, проф. СПбДА по кафедре Священного Писания; член Особого совещания о пересмотре вопроса о поводах к расторжению браков (1916); присутствующий в Св. Синоде, член Предсоборного Совета (1917), член Поместного Собора и Соборного Совета, председатель Отдела о духовных академиях, член Отдела о церковном суде; эмигрировал (1919), проф. богосл. ф-та Софийского ун-та.

и обязательным для судебной власти законом? И где критерий для различения того, что остается в них обязательным для настоящего времени и что отошло в область истории? Ни церковная практика, ни наука, ни законодательство не дают такого прочного и надежного критерия. Между тем, и с юридической и практической стороны точное определение положительного значения древнего канонического законодательства для современной церковной практики, как правительственной, так и особенно судебной, имеет существенную важность. Очевидно только, что вопрос этот не может быть предоставлен произволу практики, как это бывает теперь, и не может быть разрешен наукой, которая бы только могла готовить материал для решения его. Он принадлежит всецело церковно-законодательной власти, и только ей может быть разрешен¹²².

¹²² Рождественский. Духовный суд. 557.

Отзывы епархиальных архиереев

Указом № 8 от 27 июля 1905 г. Святейший Синод предписывал архиереям «войти в суждение» по вопросам, которые предполагалось рассмотреть на проектируемом Поместном Соборе. Из ряда епархий архиереи прислали не только свои мнения, но и отзывы комиссий духовенства.

В «Отзывах епархиальных архиереев» проблема применения канонических норм к современной жизни не выдвигалась как самостоятельная.

Резко против самой постановки вопроса о возможности пересмотра канонов высказался епископ Смоленский Петр (Другов):

Невероятно, чтобы члены Собора коснулись законов и постановлений Вселенских Соборов, к чему, по-видимому, призывают их наши псевдолибералы, проповедующие на страницах даже духовных журналов о женатых епископах, второбрачных священниках и т. д. <...> Неужели Собор посягнет на это?¹²³

Как восстановление древне-канонической нормы в Церкви понимал грядущую реформу Стефан (Архангельский), епископ Могилевский. Для него особенно важным было привлечь благодаря этой реформе старообрядцев к Православию:

Восстанавливая древне-канонический строй церковной жизни, за нарушение которого сильно и не раз упрекали нас старообрядцы и их сторонники, мы полагаем тем самым уже наиболее широкий путь к православной господствующей Церкви отколовшимся от нее старообрядческим общинам¹²⁴.

Алексий (Соболев), епископ Вологодский писал:

Живительная реформа Церкви не противна церковным канонам, вполне соответствует древнему историческому укладу русской церковной жизни, духу гражданских наших постановлений, вполне согласна с жизнью других наших автокефальных Церквей¹²⁵.

Владимир (Соколовский), епископ Екатеринбургский резко критиковал

холодное отношение к канонам Церкви духовных властей и присвоение светской властью излишне своевольных мероприятий в отношении к православной иерархии ради собственных чиновничьих вкусов и расчетов, – в общем вредных св^ятой Церкви и государству. В этом сама иерархия наша виновата. Лучший наш архиерей – Филарет Московский – постоянно твердил об осторожности даже тогда, когда нужно было исповеднически защищать церковные законы. Не уступавший митрополиту Филарету по деятельности митрополит Платон своей крайней лестью воспитаннику своему цесаревичу Павлу приготовил из него странное явление на русском престоле – своеволия, каприза, неуважения к каноническому строю российской Церкви¹²⁶.

¹²³ ОЕА. III. 44.

¹²⁴ ОЕА. I. 101.

¹²⁵ ОЕА. I. 57.

¹²⁶ ОЕА. III. 10.

О необходимости пересмотра канонических постановлений решился написать архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин), правда, в самых общих словах:

Признано необходимым, чтобы будущий Собор пересмотрел канонические постановления, определяющие жизнь христиан, так как многие из них неприменимы к современной жизни.

Ранее собрание¹²⁷ признало необходимым издание сборника законов, точно определяющих проступки лиц духовных и мирян, подлежащих духовному суду и наказания за них. В настоящем собрании признано, чтобы в этот сборник вошли и точные нормы, определяющие жизнь христианина¹²⁸.

В «Мнении членов соединенного собрания», помещенном при отзыве Евфимия (Счастнева), епископа Енисейского, отмечалось что

многие из канонов и многое в богослужебной практике уже не соответствует запросам настоящей жизни и часто вовлекают мирян в ереси, раскол или же религиозный индифферентизм¹²⁹.

Ссылки на каноны присутствовали во многих отзывах. В основном это касается разделов, посвященных церковному управлению и суду, когда требовалось подтвердить власть епископа. А. Чирецкий считал, что

иерархи, потерявшие опору в поставившей их и дискредитированной в глазах народа власти и все более теряющие свой авторитет в виду своей бездеятельности, происходящей от безыдейности, ухватились за каноны потому, что им не за что было ухватиться, и в этом трагизм их положения¹³⁰.

Оказалось, что вопрос о том, какие каноны необходимо соблюдать, совсем не ясен для православного сознания. С этой проблемой в полной мере столкнулось и Предсоборное Присутствие, работы которого продолжались в Петербурге в течение четырех с половиной месяцев 1906 года.

¹²⁷ Речь идет об особом собрании, созданном в епархии для обсуждения присланных вопросов.

¹²⁸ ОЕА. I. 147.

¹²⁹ ОЕА. III. 477.

¹³⁰ Чирецкий. 456.

Проблема понимания и изменяемости канонов в Предсоборном Присутствии

Вопрос о том, какое место занимают церковные каноны, возможно ли изменение канонов и допустимо ли создание новых канонов, был поднят уже на первом мартовском заседании Предсоборного Присутствия.

Подходы к этой проблеме были различны. Так, профессор Н.Н. Глубоковский¹³¹ подчеркивал неизменность канонов в противовес изменяющемуся государственному законодательству.

Сами каноны решительно объявляют себя твердыми и нерушимыми (VI Всел. Соб. пр. 2), «несокрушимыми и непоколеблемыми» (VII Всел. Соб. пр. 1), и постулируют к уважительному соблюдению их (IV Всел. Соб. пр. 1), особенно для пастырей¹³².

Сторонники изменений говорили о необходимости правильного понимания канонов, о задачах прочтения канонов в их историческом контексте. Суммируя свои выступления в Предсоборном Присутствии, Н.П. Аксаков писал:

Само собой разумеется, что и каноны соборных постановлений суть часть предания церковного, и, встречая в них какое-либо несогласие с нашим догматическим представлением о Церкви, мы должны проверять наше представление о Церкви или наше понимание самих канонов, а не делать опрометчивых заключений о неверности или непригодности самих канонов¹³³.

Предсоборное Присутствие на каждом шагу сталкивалось с проблемой понимания церковных канонов. Казалось бы, для всех было ясно, что именно каноны должны служить основанием грядущих реформ, однако произошло то, о чем еще в 1870-е гг. писал Н.К. Соколов: каждый вопрос церковного устройства вызывает спор, в котором обе стороны опираются на священные каноны, причем Книга правил остается чем-то

вроде арсенала древностей, из которого берется и назначается к употреблению только то оружие, которое угодно и желательно в данном случае и при известных обстоятельствах¹³⁴.

Примером может служить использование канонов в ходе острой дискуссии о составе грядущего Собора. Церковные каноны молчат об участии клириков и мирян в Соборах, однако об этом свидетельствует история Церкви. Позиция полного отстранения мирян от участия в церковном управлении со ссылкой на каноны последовательно проводилась в выступлениях епископа Волынского Антония (Храповицкого):

Собор поместный составляется только из епископов, и если «группа петербургских священников» пытается указать на соборы, в коих

¹³¹ Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937), проф. СПбДА; д-р богословия (1897); автор записок об учебной реформе, представленных в Предсоборное Присутствие; в 1909 г. участвовал в Особом совещании при Синоде по выработке проекта Положения о поводах к разводу; с 1923 г. преподавал богословие в Софийском университете. См.: *ОИ. I*. 569–570.

¹³² *Журналы и протоколы. I*. Ср.: «Мнение о неотменяемости и неизменяемости канона не может быть признано за церковное, выражающее особый взгляд и понимание самой Церкви. Как частное мнение оно не может быть усвоено, потому что не имеет оснований ни канонических, ни исторических» (Соколов Н.К. *Из лекций*. 154–155).

¹³³ Аксаков. *К вопросу*. 212–213.

¹³⁴ Соколов Н.К. *О началах суда*. 835–836.

участвовали миряне, то таковые или касаются злоупотреблений (ведь был и разбойничий собор) или подлежат поправкам. <...> Не зная вовсе учения веры, ни св. Библии, не желая знать св. канонов, о восстановлении которых они же заговорили с таким искусным притворством, эти отцы и господа не иного чего начнут домогаться, как того, о чем они пишут в газетах и журналах, уже сознательно восставая против священных канонов, а следовательно и против Православия¹³⁵.

Ответ «группы петербургских священников» был составлен Н.П. Аксаковым:

Преосвященный Антоний ставит в упрек священнослужителям и мирянам их пренебрежение канонами, от которых нельзя отступать, а от имени епископов предлагает проект церковного управления, составляющий отступление от канонического установления. Что это? Или каноны обязательны для священнослужителей и мирян, а епископы свободны от них? Пусть будет так. Признавая себя связанными основными канонами Церкви, мы не желаем и не можем допустить иного церковного строя, кроме начертанного апостольским преданием, выразившимся в древних канонах. <...> Мы не желаем ничего, что не оправдывалось канонами <...>. Мы твердо веруем, что ради зодческого преуспевания Церкви как тела Христова православные русские епископы смиряются перед начертанным канонами строем и дадут Церкви возможность жить и действовать в полноте общения, памятуя умоляющий голос апостола: «Пастыри, не господствуйте над делом!»¹³⁶

Специально вопрос о канонах и их изменяемости в выступлениях на Предсоборном Присутствии не ставился, но ссылки на каноны нередко влекли за собой дискуссию о том, насколько обязательно все, что содержится в церковных правилах.

В суждениях о канонах принял участие архиепископ Херсонский Димитрий (Ковальницкий), председательствовавший в первом отделе Присутствия, где обсуждались вопросы о составе Поместного Собора и порядке решения дел на нем, а также о преобразовании центрального церковного управления. Выступление владыки Димитрия 17 апреля 1906 г. в Предсоборном Присутствии было помещено в «Херсонских епархиальных ведомостях» в качестве статьи «Об истинном понимании церковных канонов». Архиепископ утверждал, что «каноны даны не для того, чтобы рабски следовать им»¹³⁷ и призывал к отказу от взгляда на каноны как нечто не подлежащее развитию:

Есть между канонами такие, которые мы ныне можем вслед за св. Григорием Богословом назвать канонами мертвыми, то есть переставшими управлять жизнью Церкви при новых условиях. Церковь Вселенская Православная не есть что-то такое, что застыло в известных, пригодных и даже необходимых в свое время формах, окостенело и дальнейшему развитию, с применением к общим условиям жизни человечества, не подлежит¹³⁸.

Он считал, что следовать канонам следует в той мере, какая необходима для *сохранения церковного строя, соответствующего канонам*:

¹³⁵ Антоний. Записка. 700, 707.

¹³⁶ От группы петербургских священников. 768–769.

¹³⁷ Димитрий. 599.

¹³⁸ Там же; Журналы и протоколы. I. 98.

Мы должны заботиться не о том, чтобы каноны, свыше тысячи лет тому назад подробно определявшие несущественные стороны жизни Церкви в тогдашних внешних условиях, были выполнены буквально и теперь, а только о том, чтобы строй нашей Церкви согласовался с существом канонов и не перечил им. Иначе мы должны были бы теперь попытаться возвратить жизнь Церкви на много веков назад, переломить ее нынешний сложный строй, разорвать ее законные связи бытия в мире¹³⁹.

Исполнение всех канонов, по мнению архиепископа Димитрия, привело бы к уходу Церкви из мира:

Тогда, по словам апостола, нам, Церкви, нужно было бы выйти из мира сего. Разве это требуется сущностью Церкви, ее высокими нравственными задачами и условиями бытия ее на земле <...>. Нельзя требовать, чтобы Церковь буквально следовала всем канонам, не касающимся существа ее жизни <...>. Это не будет свободой Церкви, а рабством, ведущим к застою и мертвенности¹⁴⁰.

Вместе с тем, архиепископ Димитрий подчеркивал, что существуют и неизменные каноны:

Не нужно забывать, что в строе Церкви есть многое такое, что составляет самую внутреннюю неизменную сущность ее правобытия; есть основные каноны, которые, опираясь на Завет Христа и указания апостолов, устанавливают и утверждают эту сущность – они не могут быть изменены при каких бы то ни было условиях. <...> Таков нынешний епископский строй Церкви, преемственно идущий от апостолов <...>. Таково иерархическое подчинение пресвитеров епископу. Они ничего не могут сделать без воли епископов. И попытка свободного переустройства Церкви без воли епископа была бы подкопом под самое существо канонического строя церкви¹⁴¹.

Выступление архиепископа Димитрия вызвало ответную статью «сельского священника», выступившего с критикой всего Предсоборного Присутствия:

Интересно было бы узнать, как ухитрится владыка установить согласие между новыми канонами и теми, какие он считает мертвыми, а особенно между взаимно противоречивыми канонами. Считая некоторые каноны такими, которые «не могут быть изменены при каких бы то ни было условиях», Высокопреосвященный Димитрий в их ряду на первом месте, разумеется, ставит «иерархическое подчинение пресвитеров епископу. Они ничего не могут делать без воли епископов». Наши смиренные архипастыри, более всего отстаивая свою деспотическую власть над духовенством и мирянами, <...> должны видеть, что именно такая их власть парализует жизнь Русской Церкви. Насколько известно из газет, херсонский владыка жестоко наказывал подчиненных ему священников даже за мнимое нарушение канонов. А что сделал бы он, если бы кто-нибудь из них осмелился по примеру своего архипастыря защищать нарушение церковных канонов? Вероятно <...> предал бы такого либерала анафеме или, по крайней мере, лишил бы места. Но, Высокопреосвященнейшие и Преосвященнейшие

¹³⁹ Димитрий. 600; *Журналы и протоколы*. I. 98.

¹⁴⁰ Димитрий. 600.

¹⁴¹ Димитрий. 601–602.

владыки, поймите же, ради Бога, что никакие драконовские законы, никакие кары не убедят ни духовенство, ни народ, будто все каноны, неприятные епископам, должны считаться мертвыми, а приятные – живыми и обязательными для всех христиан. Право, если бы в общее собрание Предсоборного Присутствия явился бы Христос, то думается мне, почти буквально повторил бы Свою грозную речь, изложенную в 23 главе от Матфея¹⁴².

Священник утверждал, что все члены Предсоборного Присутствия по церковным канонам являются отлученными от Церкви:

Очень жаль, что среди именитых членов предсоборной комиссии не нашлось смелого и откровенного человека, который бы сказал бывшему присутствию: достопочтеннейшие архипастыри и пастыри, академики и профессора, столпы и светила Церкви Российской! Зачем вы так долго спорите? Зачем волнуетесь и понапрасну тратите народные деньги и свои драгоценные силы и способности? Вы стараетесь устроить Поместный Собор на точном основании древних канонов. Но ведь на точном основании этих канонов все вы находитесь под анафемой канонов и прежде всех и больше всех – архипастыри! Хотя вы, как люди предусмотрительные, и заранее включили себя в состав ожидаемого Собора, в качестве «сплоченного ядра» его, но едва ли можно составить канонический православный Собор из лиц поголовно отлученных канонами от Православной Церкви. Православный Собор без православных¹⁴³.

Спор о канонах возник и в связи с вопросом о смешанных браках. В ответ на приводимые каноны, запрещающие браки с еретиками, Н.А. Заозерский сформулировал принцип различения канонов об устройстве Церкви и канонов, касающихся церковной дисциплины:

Правила первого рода должны иметь большую устойчивость, ибо касаются охранения Церкви, основанной Христом и созданной апостолами. С большою осторожностью должно относиться к этим правилам, дабы не исказить типа апостольской Церкви.

Другого рода правила – дающие руководящие указания, как вести христианину образ жизни (в видах осуществления евангельского идеала), нравственности – правила дисциплины. <...> Эти правила не должны отличаться устойчивостью. Напротив, чем подвижнее они, тем лучше. Жизнь народов и культура так изменяются, что нельзя применять одной меры ко всем¹⁴⁴.

В дискуссии о допустимости смешанных браков проблема неизменности канонов была затронута и архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским), который, имея опыт служения в Японии, где православные были рассеяны среди иноверных, высказался о недопустимости механического применения канонов в иных жизненных условиях:

Каноны суть нормы, которыми человек возводится к совершенству. Но бывают положения, когда **ўkr...beia** вместо совершенства может довести человека до гибели. Настаивать в этом случае на исполнении канонов

¹⁴² *Голос сельского священника*. 24.

¹⁴³ *Голос сельского священника*. 22.

¹⁴⁴ *Журналы и протоколы*. IV. 37.

значило бы поступать против канонов, против той цели, которую они преследуют, значило бы совершать преступление¹⁴⁵.

Анализируя ситуацию в Предсоборном Присутствии, Н.П. Аксаков отмечал, что создается впечатление, будто участники заседаний пытаются воссоздать «не одну и ту же по очертаниям и задачам Церковь»¹⁴⁶. В других статьях Аксаков писал, что официальная каноническая наука в Предсоборном Присутствии, при соприкосновении с реальной практикой, потерпела крах.

Литературные и устные мои собеседования с каноническими теоретиками и практиками убедили и убеждают меня все более в том, что некоторые, по крайней мере, каноны не всегда верно понимаются и истолковываются ими, а потому и не всегда правильно применяются к делу, если для разрешения какого-либо события текущей жизни почему-либо привлекается откапываемый в «Книге правил» стародавний канон. <...> Я вовсе не хочу сказать, что он уже по самой природе своей является непременно своего рода анахронизмом, остатком прошлого времени, пережившим свое значение и не имеющим отношения к современной, текущей жизни; я хочу только сказать, почему он не понимается или не понимается правильно.

Представьте себе, что в музее, – каковым и является отчасти для нас «Книга правил», – или в земле, при производимых раскопках найдено то или иное орудие, давным-давно, уже целые века, может быть, не бывшее в употреблении. Ржавчина облепила его плотными слоями; земля забила во все впадины и углубления...

Не скоро можно мысленно восстановить и самую форму его, составить надлежащее о нем представление, понять практический смысл его и назначение. Еще труднее применить его к делу, воспользоваться им в тех целях, для которых оно было в свое время предназначено, если и предположить, что осталось еще вполне пригодным, чтобы прямо быть пущенным в житейский оборот. Необходимо, прежде всего, очистить орудие от ржавчины и земли к нему приставшей, а потом, с помощью археологических данных, понять действительный его смысл и назначение. Совершенное подобие таких находок представляют каноны, хотя бы мы обретали их не в земле, не на пыльных листах новооткрытых хартий, а брали из шкафов и полок музея, то есть извлекали их из «Книги правил»¹⁴⁷.

Миновали времена, когда каноны действительно определяли церковную жизнь; со временем их место в действительности заняли различные толкования, приспособленные к изменениям церковной практики:

Бездействие канонов, исподволь воцарявшееся, началось сравнительно очень давно, хотя обязательность следования им никогда не забывалась всецело. Из давних времен наслоения всякого рода налегали на них и обволакивали их, заслоняя действительный смысл их и сами становясь заправляющей, руководящей силой, действующей именем закона и под традиционным его знаменем. Жизнь церковная в нормальном русле своем шла независимо от канонов, а потому смысл их, преданием

¹⁴⁵ Журналы и протоколы. IV. 58 (Журналы соед. засед. III, VI и VII отделов).

¹⁴⁶ Аксаков. Предание Церкви. См. также: Аксаков. 39 апостольское правило.

¹⁴⁷ Аксаков. Несколько примечаний. 513.

охраняемый, забывался. Действовали всевозможные новеллы, василики, своды, пересказы канонов, указы всякого рода до Духовного регламента и консисторских указов включительно, а каноны хранились на случай, когда придется устрашить ими непокорного, как притупленный меч <...> дабы при наступившей опасности припугнуть им разбойника <...> хотя владелец сам не умеет уже владеть мечом¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Аксаков. *Несколько примечаний*. 514.

Что дальше?

Работа Предсоборного Присутствия завершилась, но видимых результатов Церкви в то время не принесла. В долгий ящик отлагались и труды Предсоборного Соединения, учрежденного по высочайшему соизволению в 1912 г. Тем временем церковно-правовая неопределенность продолжала волновать общественность. Серьезным предупреждением прозвучали в 1913 г. слова профессора П.В. Верховского¹⁴⁹, который считал, что если ситуация с церковным правом не будет изменяться, то это может привести к окончательному подрыву авторитета Церкви и церковной дисциплины:

В области русского церковного права создан такой хаос противоречий между древними и новыми нормами, между вселенским каноническим преданием и современной канонической действительностью, что привести этот хаос к логическому единству без переработки всего русского церковного права заново совершенно невозможно.

При таких условиях русская церковная иерархия вынуждена была либо настаивать на восстановлении юридической самостоятельности Русской Церкви и возвращении ее к каноническим принципам, либо – подчиниться посторонней силе и обстоятельствам. И русская иерархия предпочла подчиниться, отказавшись вместе с тем от последовательного соблюдения норм православного церковного права <...>. Церковное право сменилось церковной политикой <...>. И в самом деле, легче, кажется, путем той или иной комбинации, найти практический целесообразный выход из затруднений данного момента, чем прямо поставить вопрос и смело, полностью и раз навсегда его решить, потому что в последнем случае пришлось бы либо громко признать неприменимость или необязательность канонов, либо вступить в конфликт с государственностью и проникнутым ею в последние два века укладом церковного строя <...>.

Если ситуация не изменится, <...> то это подорвет веру в учение Церкви и окончательно деморализует ее дисциплину¹⁵⁰.

Позднее, уже во время работы Поместного Собора, профессор В.И. Экземплярский писал о сохраняющейся опасности манипулирования канонами:

Если прислушаться к речам о реформе нашей Церкви на Соборе, как и до Собора, то красной нитью проходит стремление как защитников обновления нашей церковной жизни, так и церковных консерваторов обосновывать свои предположения канонически <...>. Но при всем том было бы совершенно ошибочным шагом подходить к церковной реформе только с «Книгой правил», и уже вовсе преступно ради этой книги забывать основания нашей веры – Евангелие Христово и апостольские писания <...>. Очень много и таких канонов, которые вовсе не исполняются в Церкви, и о них вспоминают лишь тогда, когда этого требуют интересы полемики по известному вопросу. Сущность дела в том, что церковные каноны, определяющие быт духовенства и основы церковной дисциплины, должны всегда определяться самой Церковью, соответственно запросам

¹⁴⁹ Верховской Павел Владимирович (1879–1932), историк и юрист; проф. Варшавского, затем Донского ун-та; в 1917 г. член Предсоборного Совета.

¹⁵⁰ *Верховской. Политика.* 529–533.

времени, задачам церковной миссии в мире <...>, иначе может создаться искусственный застой в церковной жизни и возложение вовсе ненужного бремени на плечи верных. Если у нас утвердится действительно соборное управление Церковью, то надо иметь решимость признать и наши церковные соборы вполне правомочными и отменять каноны греческой Церкви, касающиеся церковного быта, и создавать новые, определяющие нормы жизни Церкви в данное время¹⁵¹.

* * *

Итак, можно отметить несколько проблем, проявившихся в ходе предсоборной дискуссии:

I. Различное отношение к канонам:

а) каноны неизменны (при этом выражалась характерная для широкого сознания уверенность в том, что они соблюдаются в Церкви). Это отношение проявлялось особенно у тех, кто отрицательно относился к возможности каких-либо реформ в жизни Церкви;

б) в канонах надо различать неизменяемые и дисциплинарные нормы, вызванные временем и обстоятельствами. Это позиция профессоров и части епископата.

II. Проблема истолкования канонов, которая понималась как необходимость их исторического прочтения: выяснение обстоятельств, условий, которые породили тот или иной канон, и соотнесение канона с Преданием Церкви в целом. Эта работа была только начата русской канонической школой и вызывала бурные дискуссии почти по всем вопросам.

III. Проблема сохранения канонического устройства Церкви, ее самотождественности. Здесь особую роль приобрел вопрос о восстановлении патриаршества и соборности как основы церковного устройства.

IV. Проблема создания новых канонов и возможности отмены устаревших.

* * *

С нерешенными проблемами Русская Православная Церковь оказалась перед лицом революции 1917 г. «Эйфория от приобретенной свободы» была характерна для всего русского общества, не могла она обойти стороной и Церковь¹⁵².

Временное правительство разрешило проведение Поместного Собора, оно же подталкивало к реформам внутри Церкви, не дожидаясь обсуждения на Соборе. Церковная реформа рассматривалась как неотделимая часть общей политической реформы¹⁵³. Среди церковной общественности распространено было недовольство по поводу бюрократизма иерархии. Как писала петроградская «Церковь и жизнь»,

Вражда иерархии к мирянам – язва не новая, но никогда еще с такой откровенностью и беззастенчивостью не обнаруживавшаяся¹⁵⁴.

Введение выборного епископата должно было преодолеть враждебное отношение к епископам, с одной стороны, и высокомерие епископов по отношению к пастве – с другой¹⁵⁵. Однако, как свидетельствовали современники, выборы только усилили противоре-

¹⁵¹ Экземплярский. Ноябрь-декабрь. 7–8.

¹⁵² См.: Леонтьев. 214.

¹⁵³ См.: Карташев. Реформа. 9.

¹⁵⁴ Церковная жизнь. 3.

¹⁵⁵ Как писал П.В. Верховской, «должно будет исчезнуть „владычество“ архиереев, их высокомерное отношение к

яние между епископами и клириками, между диаконами и псаломщиками. Поместному Собору 1917–1918 гг. предстояло определить правильное течение церковной жизни, но он был создан тогда, когда революция уже охватила и Церковь. Представление о тревожных событиях этого времени дает заявление архимандрита Матфея (Померанцева)¹⁵⁶ и еще 87 членов Собора, зачитанное на 108 заседании 2 апреля 1918 г. Речь шла не о гонениях извне, а о событиях внутри церковной ограды, о борьбе низшего духовенства с высшим, которая ослабляла Церковь, потому что «большевизм захватил немалое число священнослужителей»:

К великому горю и позору нашему, многое бы не могло быть совершенно мирянами под влиянием революционного угара, если бы в Церкви среди пастырей и священнослужителей не произошло раскола, не проявилась бы пагубная измена ради личных выгод и материального интереса. Эта измена матери Церкви, ее *священным канонам* и заветам началась с первых дней революции теми, которые, утратив понятие о вечном строе Православной Церкви, независимом от строя государственного, поспешили создать в нескольких епархиях и даже по благочиниям духовно-революционные исполнительные комитеты, не признававшие законной церковной власти. После апрельских (1917 г.) епархиальных съездов во многих епархиях были избраны революционные епархиальные советы, направляемые и ободряемые бывшим обер-прокурором Львовым – к самочинным незаконным действиям и выступлениям. Советы эти поныне не распущены, и за год своей революционной деятельности некоторые из них повергли епархии в церковную анархию и являются теперь самыми усердными помощниками социалистов-большевиков, разрушителей основ Церкви.

Удаление епископов из епархий совершилось мирскою властью в большинстве случаев *по настойчивой просьбе* пастырей, диаконов и псаломщиков, просивших содействия у советов крестьянских и солдатских депутатов. Аресты епископов и захваты архиерейских домов происходили иногда при предательстве и деятельном участии клириков. Диаконы и псаломщики по всей России образовали отдельные союзы от пастырей для борьбы против духовной власти и преследования неугодных им, но лучших пастырей. Все насильно удаленные от приходов священники жаловались на происки, клеветы и предательство диаконов, обращавшихся с жалобами на священников своих в исполнительные комитеты и требовали от них защиты себе или возбуждавших буйных прихожан, против настоятелей храмов, иногда прослуживших достойно до 30 лет и более в приходе¹⁵⁷.

Противостояние низших клириков и духовенства продолжалось и в дальнейшем. Оно вылилось, в частности, в обновленческое движение. Жалобы и доносы на церковноначалие, приводившие к аресту архиереев, обращение к гражданской власти с просьбой «разобраться» в церковных конфликтах – это тот материал, который еще ждет исследователей. Некоторые факты приводятся нами ниже¹⁵⁸. Общее ожесточение и враждебность этого времени не прошли и мимо церковных врат. И здесь церковные каноны должны были послужить

рядовому духовенству и нелепый дореформенный строй наших консисторий» (Верховской. *Духовный подвиг*. 70).

¹⁵⁶ Матфей (Померанцев; ок. 1881–1918), архим., ректор Пермской дух. семинарии; член Поместного Собора (1917–1918); убит красноармейцами; канонизован (2000). – *Обзор* I. 327.

¹⁵⁷ *Деяние* 19–21; *Обзор*. II. 481 – Выделено мною. – Е.Б.

¹⁵⁸ См. сс. 315–316, 379

опорой, охраняющей Церковь от вмешательства чуждых ей сил, останавливающей произвол и вторжение в ее внутреннюю жизнь. К сожалению, та неразрешенность вопросов отношения к каноническому наследию, о которой писали предреволюционные ученые и публицисты, не способствовала консолидации церковных сил. Защита церковных канонов приобрела на Соборе новый смысл и новое содержание.

Глава 3

Проблема актуальности и кодификации канонов на Поместном Соборе

*Беда в том, что у нас под именем православных существуют в церкви люди, не признающие Христа. И должно составить правила, за какие поступки подвергать наказанию, и все наши постановления должны представлять нечто целое, приведенное в систему.
Священномученик Владимир (Богоявленский)¹⁵⁹*

Отдел о церковной дисциплине

Отдел о церковной дисциплине был образован Поместным Собором не по предложению Соборного Совета, как большинство других отделов, а по инициативе членов Собора, выраженной на одном из первых заседаний 24 августа 1917 г. Надо отметить, что в предшествовавших Собору подготовительных органах (Предсоборное Присутствие, Предсоборное Совещание, Предсоборный Совет) соответствующая тематика специально не разрабатывалась.

В компетенцию Отдела должны были входить вопросы церковной дисциплины и «все бытовые и недоуменные вопросы»¹⁶⁰. Председателем Отдела был избран митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский), а после его трагической кончины 25 января 1918 г. – архиепископ Коломенский и Можайский Иоасаф (Каллистов)¹⁶¹. Отдел был одним из самых многочисленных на Поместном Соборе – 123 члена, в том числе 15 архиереев¹⁶².

Протоколы Отдела свидетельствуют, что было проведено 12 заседаний во время первой сессии Собора, 9 – во время второй и 7 во время третьей¹⁶³. Комиссия под председательством епископа Сердобольского Серафима (Лукьянова)¹⁶⁴ в составе архимандрита Вениамина (Федченкова), профессоров Ф.И. Мищенко и М.Г. Красножена, протоиереев И.И. Галахова и Т.П. Теодоровича, членов Собора М.Н. Шарко, В.П. Клевезаля, П.И. Уткина и Н.И. Знамировского составила список 16 тем для работы, исходя из предложений, высказанных членами Отдела, а также запросов, переданных в Отдел. Темы были разделены на проблемы *общей дисциплины*: 1) о духовной жизни вообще; 2) о посте; 3) о положении женщин; 4) о епитимии и исповеди; 5) о молитве за иноверцев и самоубийц; 6) о соблюдении праздников; 7) о вытравлении плода; а также вопросы *дисциплины клира*: 8) о поведении духовенства; 9) о второбрации священнослужителей; 10) о принятии священного сана лицами, женатыми на вдовах; 11) о браке епископов; 12) об одежде и ношении волос; 13) о посещении духовенством зрелищ и общественных собраний; вопросы *дисциплины мирян*: 14) о

¹⁵⁹ *Протоколы ОЦД*. 64.

¹⁶⁰ *Протоколы ОЦД*. 9.

¹⁶¹ Иоасаф (Каллистов; ок. 1851–1920), еп. Ново-Георгиевский, вик. Варшавской епархии (1912); еп. Дмитровский, вик. Московской епархии (1917); архиеп. Коломенский и Можайский (1918); архиеп. Крутицкий (1918); в заключении (1919–1920).

¹⁶² О составе Отдела см.: *Письма и документы ОЦД* (2). 51; *Списки членов Отделов*. 150–162.

¹⁶³ См.: *Протоколы ОЦД*.

¹⁶⁴ Серафим (Лукьянов; 1879–1959), еп. Сердобольский (1914), Финляндский и Выборгский (1918); архиеп. (1920); глава автономной Православной Церкви в Финляндии (1923); удален с кафедры; присоединился к РПЦЗ (1927); воссоединился с Московским Патриархатом (1945); митр., экзарх Западной Европы (1946–1949).

поведении мирян; 15) о четвертых браках; 16) о смешанных браках¹⁶⁵. В начале работы второй сессии список тем был вновь дополнен и изменен¹⁶⁶.

Когда стало очевидным, что Отдел не успевает выяснить все стоящие перед ним вопросы, 19 февраля 1918 г.¹⁶⁷ были созданы следующие подотделы, о деятельности которых мы расскажем ниже:

- брачного права (председатель – И.М. Громогласов¹⁶⁸);
- священнослужителей и клира (председатель – протоиерей Петр Миртов¹⁶⁹);
- о поминовениях и погребении (председатель – профессор богословия Саратовского университета протоиерей Алексей Преображенский);
- о вопросах пастырской практики и церковного благочиния (председатель – протоиерей Димитрий Рождественский¹⁷⁰).

Главной причиной создания Отдела являлось очевидное для всех падение церковной дисциплины. Революционная стихия захлестывала церковный корабль. Перед Собором встал вопрос о том, существует ли у духовенства возможность влиять на паству.

На первом же заседании председатель Отдела митрополит Владимир сказал:

Кто не знает, в каком упадке наша церковная дисциплина. Это обстоятельство находится в связи с царящим в церковной жизни безвластием. Понятие о церковной власти в народе туманное <...>. Но неужели в руках церковной власти нет никаких средств, при помощи которых она могла бы призвать ослушников к повиновению? Средства эти – епитимии, от самой малой до самой большой – отлучение от Церкви¹⁷¹.

При принадлежности большинства населения к православию, Церковь, казалось бы, могла быть мощной организацией, способной противостоять разрушению государства и распаду общественного порядка. Однако стало очевидным, что Церковь, оказавшись без государственной поддержки, не обладает возможностью организации верующих, ни даже какими-либо средствами защиты духовенства, которое на глазах у членов Собора из привилегированного сословия, окруженного уважением народа, превращалось в гонимое и преследуемое. Уже в дни работы Собора стало ясно, что гонения принимают массовый характер, что убивают за самую принадлежность к духовному сословию. Парадокс, остро ощущавшийся современниками, состоял в том, что гонители Церкви еще вчера по всем документам сами являлись православными. Поэтому вопрос о членстве в Церкви приобретал неизвестную дотоле остроту.

¹⁶⁵ *Протоколы ОЦД*. 19 об.-20.

¹⁶⁶ См.: Приложение 1.

¹⁶⁷ Дата, как и последующие, приводится по новому стилю.

¹⁶⁸ Громогласов Илья Михайлович (1869–1937), и. д. доцента МДА по кафедре истории и обличения русского раскола (1894); магистр богословия (1909); уволен по настоянию ректора за «прогрессивные взгляды», выраженные в газетных публикациях (1911); инспектор Мариинского женского училища (1911–1913); член Комиссии по церковному праву при Московском юридическом обществе; преподаватель Высших женских юридических курсов (1916); восстановлен в МДА (1917); участник Московского епархиального съезда, член Предсоборного Совета (1917). Диакон, иерей (1922). Несколько раз подвергался арестам, был в ссылке в Сургуте (1925–1928). Расстрелян. Автор около 70 статей по вопросам церковного брака, по расколу старообрядчества, по церковному праву. Находясь в ссылке, перевел работу еп. Никодима (Милаша) «Карательное право Церкви». Канонизован. См.: *Голубцов С. Профессура*. 44.

¹⁶⁹ Миртов Петр Алексеевич (1871-?), прот., д-р богословия, проф. СПбДА (1914); настоятель церкви Вознесения у Варшавского вокзала в Петрограде.

¹⁷⁰ Рождественский Димитрий Васильевич (1864–1926), прот. (1915); проф. МДА (1912); обновленч. «еп.» Лебедянский, Псковский (1923), «архиеп.» Царицынский, Владимирский (1924).

¹⁷¹ *Протоколы ОЦД*. 9.

Если начинался Собор с торжественных слов о том, что представляет собой многомиллионный православный русский народ, то на одном из последних заседаний Собора 31 августа 1918 г., епископ Симон (Шлеев)¹⁷² сказал:

Когда мы ссылаемся на то, что за нами стоят миллионы православных людей, нам отвечают: «пугаете». С одной стороны, за нами 115 миллионов православного народа, – фраза, не сходявшая с уст ораторов первых дней Собора и замолкшая теперь, – а с другой – мы сами не знаем, сколько с нами и за нас. По приезде на места мы должны отмежеваться от сомнительных и теснее сблизиться с верующим элементом своей паствы. Способ для сего может быть такой. В каждом приходе может быть установлена запись для тех, кто за Христа и Церковь. Эта запись может иметь и формальное, и психологическое значение¹⁷³.

Епископу вторил крестьянин из Олонецкой губернии А.И. Июдин: «Говорим, что за нами 110 миллионов православных. А может быть, только 10?»¹⁷⁴.

На том же заседании митрополит Арсений (Стадницкий)¹⁷⁵ признал:

У нас были только слова, а народ безмолвствует, он не сказал, что он носитель православия, что оно ему дорого, быть может, когда мы покажем пример, он пойдет за нами и поймет, что это его вера является гонимой, а не вера попов, что они должны защищать ее. Будем верить, что если будут исповедники и мученики, то сила исповедничества и мученичества выше гонения, будем верить, что сила гонений будет посрамлена¹⁷⁶.

¹⁷² Шлеев Симеон Иванович (1873–1921), прот., благочинный единоверческих церквей Петроградской епархии; член Предсоборного Совета (1917). Принял монашество с именем Симон, единоверческий еп. Охтенский (1918), Уфимский (1920); убит; канонизован.

¹⁷³ *Деяния. XI. 29; Обзор. III.* (Деяние 153).

¹⁷⁴ *Деяния. XI. Обзор. III.* (Деяние 153).

¹⁷⁵ Арсений (Стадницкий; 1862–1936), еп. Псковский (1903), митр. Новгородский и Старорусский (1917); д-р церк. истории; член Предсоборного Совета, товарищ председателя Священного Собора, член Соборного Совета, председатель Отдела о правовом положении Церкви в государстве; арестован (1922–1923); в ссылке (1924–1927); митр. Ташкентский и Туркестанский (1933).

¹⁷⁶ *Деяния. XI.* (Деяние 153).

Доклад епископа Андрея

Заслушанный на 5 заседании 4 октября 1917 г. доклад епископа Уфимского и Мензелинского Андрея (Ухтомского)¹⁷⁷ «О необходимости поднять церковную дисциплину» стал первым из тех, которые были вынесены на заседания Отдела. Докладчик резко критиковал безжизненность казенной дореволюционной церковности, сводившейся к исполнению указов и циркуляров, и призывал к обновлению прихода, укреплению братского общения, распространению «по возможности на все стороны церковной жизни» дисциплины, которая должна «приучить христианина всегда и везде всякое свое дело освящать мыслью о Боге и о Святой Церкви»¹⁷⁸. С расшатанностью церковной дисциплины и многими соблазнами со стороны «людей, недостойно носящих имя православного христианина», Уфимский епископ связывал неудачу православной миссии, развитие сектантства и отход от Церкви «лучших людей с наиболее чуткой совестью», формирование у мирян представления, что «Церковь – не наше дело»¹⁷⁹.

Особое значение придавал докладчик опыту старообрядчества:

Для нынешнего Собора необходимо руководиться при решении всех вопросов практикою древнерусской Церкви, сохранившеюся у старообрядцев. Старообрядческая дисциплина, как в отношении организации прихода, так и в отношении мирян к иерархии – сохранилась в полной мере, считается с этой практикой необходимо и в интересах общецерковной экономии¹⁸⁰.

Одной из насущных задач епископ Андрей считал создание новых канонов, отвечающих церковной действительности, таких канонов, которые могли бы выполняться верующими и были бы для них обязательными:

Мы, собравшиеся на Соборе, должны канонически благоустроить Русскую Церковь, то есть, может быть, дать Русской Церкви даже новые каноны, но непременно удобоприемлемые для церковного народа. Я не хочу сказать, что это должно непременно случиться, но я думаю, что это может быть, если этого жизнь церковная потребует. Даже такой осторожный церковный деятель и мыслитель, как московский митрополит Филарет, находил возможным и полезным появление новых канонов, при изменившихся обстоятельствах жизни; он буквально писал так: «Образ действия по древнему преданию должен прекратиться, когда новые обстоятельства не равны с древними»¹⁸¹. Само собой разумеется, что митрополит Филарет здесь говорит не о догматах веры, но о канонах, определяющих церковную дисциплину. Так необходимо принять за аксиому, что каноны могут быть изменяемы и что они должны

¹⁷⁷ Андрей (Ухтомский; 1872–1937), еп. Мамадышский (1907), Сухумский (1911), Уфимский и Мензелинский (1913); член Святейшего Синода, Предсоборного Совета (1917), Сибирского Соборного Соединения (1918–1919), руководил духовенством 3-й армии Колчака; арестован (1920), переехал в Уфу; явно и тайно поставил ряд архиереев (1922–1928); вступил в каноническое общение со старообрядцами (1925), в связи с чем был запрещен в священнослужении митр. Сергием; приговорен к трем годам тюремного заключения (1929); выслан в Казахстан (1932); снова арестован (1934); расстрелян в Ярославской тюрьме.

¹⁷⁸ *Протоколы ОЦД*. 45–46 об., 49 об.

¹⁷⁹ *Протоколы ОЦД*. 43.

¹⁸⁰ *Протоколы ОЦД*. 49 об.

¹⁸¹ См.: *Кипарисов*. 81.

быть изменяемы, когда этого потребует жизнь, то есть необходимость ее усовершенствования в нравственном и церковно-дисциплинарном отношении. В этой изменяемости канонов может проявиться вся жизнь Церкви, ее энергия и творчество. Не нужно бояться этой изменяемости канонов, нужно ее только приветствовать. <...> Каноны, утратившие свою силу и не применяемые, – это уже не каноны в собственном смысле слова, а только предмет изучения или церковных историков, или археологов. Каноны не могут существовать только в сборниках, сами по себе; они должны быть применяемы в жизни Церкви или должны быть заменены другими, чтобы жизнь церковная вообще всегда руководствовалась какими-либо нормами и законами и никогда не была предоставлена себе и случайным обстоятельствам времени¹⁸².

В качестве мероприятий для поднятия дисциплины были предложены, в частности, немедленная организация православного прихода, с выделением всех колеблющихся из его состава; «строжайший учет верных сынов Церкви»; восстановление употребления епитимии, включая недопущение к причастию, отлучение от Церкви, лишение погребения; издание брошюр с дисциплинарными наставлениями.

В докладе владыки Андрея удивительным образом сочетались новаторство (особенно в высказываниях о новых канонах) и ориентация на старообрядческие дисциплинарные традиции. Все это не могло не вызвать у слушателей раздражения. Обсуждение на следующем заседании 9 октября 1917 г. приняло резкий характер. Далеко не все разделяли симпатии епископа Андрея к старообрядчеству. Архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) отметил:

У Уфимского владыки все дороги ведут в Рим, он все сводит к раскольникам, у которых он рекомендует нам учиться. Я высказываюсь против этого¹⁸³.

Особенное недоумение вызвало предложение выработать новые каноны. Протоиерей Иаков Галахов¹⁸⁴ подчеркнул, что «умножение канонов мало повлияло бы на церковную жизнь»¹⁸⁵. Протоиерей Владимир Садовский из Симбирска говорил о необходимости принципиальной постановки вопроса, правомочен ли Собор изменять каноны. Митрополит Владимир указал на неконструктивность доклада епископа Андрея: докладчик, по его мнению,

должен был доказать примерами, какие каноны изменяемы, какие нет; в целом же доклад похож скорее на литературную статью, чем на материалы для обсуждения¹⁸⁶.

Тема изменяемости канонов была затронута в выступлении К.К. Мировича¹⁸⁷, который призывал признать право Собора на «творчество в канонической области»:

Нужно иметь в виду, что нельзя дисциплинарные каноны считать непреложными, в противном случае нам нечего здесь и делать, кроме

¹⁸² *Протоколы ОЦД.* 48–49.

¹⁸³ *Протоколы ОЦД.* 66 об.

¹⁸⁴ Галахов Иаков Иаковлевич, прот., магистр богословия, проф. Томского ун-та; член Высшего временного церковного управления сибирских церквей (1918–1919); арестован (1922), приговорен к 3 годам ссылки в Туруханском крае; служил в храмах Иркутска (1926–1927); арестован, вновь сослан в Туруханский край (1927); жил на поселении в Казани (1930); арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан (1930). См.: *Шкаровский. Иосифлянство.* 56, 57, 357.

¹⁸⁵ *Протоколы ОЦД.* 55.

¹⁸⁶ *Протоколы ОЦД.* 59.

¹⁸⁷ Мирович Константин Константинович, канд. богословия, пом. смотрителя Подольского дух. училища.

разве некоторых несущественных изменений и дополнений в сборниках церковных правил. Многие из древних правил ныне с церковным сознанием не мирятся; так, например, в отношении иноверцев есть каноны, воспрещающие иметь всякое общение с ними: есть правило, воспрещающее лечиться у врача-еврея. В Отделе о внутренней миссии один из членов Собора указал, как невозможность понести тяготы, налагаемые некоторыми канонами, создает мнение и опасение некоторых членов Церкви, что они оставаться в Церкви не могут, и потому уходят в иноверные общества, таково, например требование канонов о соблюдении постов. При этих условиях строгость дисциплины может иметь результат – не поднятие, а падение духовной жизни чад Церкви. Посему я считаю нужным прежде всего поставить на обсуждение вопрос о праве Собора на свободное, в известных границах, творчество Освященного Собора в канонической области. Затем, определить те нормы жизни, выходя за которые член Церкви не может уже оставаться в Церкви и, наконец, рассмотреть частные случаи, требующие применения правил церковной дисциплины в системе¹⁸⁸.

Мысль о неприменимости всех канонов к действительности, о несовпадении церковного сознания и церковных правил неоднократно высказывалась и впоследствии. Однако систематическое рассмотрение этих положений в Отделе так и не состоялось.

К.К. Мирович коснулся и проблемы отделения от Церкви тех, кто фактически уже к ней не принадлежит. Большинство русского населения определялось как православные, в том числе и деятели антигосударственного движения, и прямые борцы с Церковью. Эта проблема была поставлена и в докладе епископа Андрея – возможность учета верующих не по документам, а по вере. Митрополит Владимир считал, что нужно отлучать не неверующих, а еретиков:

Отлучение – очень серьезная мера, она может быть произведена с разрешения Синода или Собора. Хорошо было бы войти в пленарное заседание Собора с предложением произнести анафему на всех еретиков. Результаты были бы хорошие. А тех, которые числятся православными, священники должны исправлять сначала дисциплинарными мерами, начиная с самых простых¹⁸⁹.

Однако по вопросу учета верующих Отдел также не сумел вынести решения. В конце концов, было одобрено предложение преподавателя Красноярской духовной семинарии И.В. Фигуровского снять доклад епископа Андрея с обсуждения, а изложенные им тезисы принять к сведению¹⁹⁰.

¹⁸⁸ *Протоколы ОЦД*. 66 об.

¹⁸⁹ *Протоколы ОЦД*. 67.

¹⁹⁰ *Протоколы ОЦД*. 69 об.

Кодификация и пересмотр канонов

Тема «Каноны и современная жизнь. (Об отмене отживших церковных канонов)» стояла на первом месте в списке вопросов, подлежащих разработке Отдела о церковной дисциплине¹⁹¹. Пожелание заняться рассмотрением этой проблемы неоднократно звучало на заседаниях Отдела. Однако предложение образовать особый подотдел для рассмотрения вопроса о каноны, не имеющих в данное время практического применения, было отклонено собранием членов Отдела в начале второй сессии соборных заседаний¹⁹².

Возможно, причиной послужило то обстоятельство, что на пленарном 31 заседании Собора 28 октября 1917 г. уже был поднят вопрос об образовании комиссии из канонистов и юристов для подготовки нового свода канонических постановлений. Заявление с таким предложением подписали 30 членов Собора в архиерейском сане; первая подпись принадлежала епископу Калужскому Феофану (Тулякову)¹⁹³. Задачей комиссии представлялось составление сборника правил из Кормчей, Номоканона патриарха Фотия, Номоканона при Большом Требнике, Синтагмы Матфея Властаря и других сборников, с изъятием всех правил, находящихся в Книге правил. По утверждению Собором было предложено издать наравне с Книгой правил этот не противоречащий ей сборник действующего церковного права¹⁹⁴.

В оглашенной на этом же заседании резолюции Соборный Совет признал «важным и необходимым, как для работ Собора, так и для церковной жизни иметь полный и верный сборник канонических постановлений», в связи с чем секретарь Собора В.П. Шеин¹⁹⁵ попросил профессора В.Н. Бенешевича¹⁹⁶ дать свое заключение¹⁹⁷.

Видный канонист, признавая первостепенную важность поднятого вопроса о кодификации канонического права, считал, что работа по кодификации слишком большая и сложная, чтобы могла быть завершена за время работы Собора. В обоснование своего мнения он указывал:

1) Сама «Книга правил» не может считаться удовлетворительной ни с точки зрения русского перевода, ни по качествам греческого текста, с которого сделан перевод,

2) составлять второй сборник правил из Кормчей, Номоканона патриарха Фотия, Номоканона при Большом Требнике, Синтагмы Матфея Властаря и других сборников крайне затруднительно отчасти потому, что в одних (например, Номоканон Фотия) не осталось правил, сверх вошедших в состав «Книги правил», в других такие правила есть, но не изучены самые сборники и не исследованы самые правила (например, в Номоканоне при

¹⁹¹ См.: Приложение 1.

¹⁹² См.: *Протоколы ОЦД*. 190.

¹⁹³ Феофан (Туляков; 1864–1937), еп. Калужский и Боровский (1916), магистр богословия; архиеп. Псковский и Порховский (1927); митр. Горьковский и Арзамасский (1935); расстрелян.

¹⁹⁴ *Деяния. III*. 14-(Деяние 31).

¹⁹⁵ Шеин Василий Павлович (1866–1922), сенатор, депутат IV Гос. Думы, секретарь Собора, член Соборного Совета; принял монашество с именем Сергей (1920); архимандрит, настоятель Троицкого подворья в Петрограде; расстрелян; канонизован (1992).

¹⁹⁶ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938), закончил юрид. ф-т Санкт-Петербургского ун-та; ученик прот. М.И. Горчакова, после смерти которого занял кафедру церковного права на том же ф-те; член Предсоборного Совета, пом. секретаря Собора, член Соборного Совета; в заключении (1922, 1928–1933); работал в Ленинградском ун-те и в Гос. публ. б-ке (с 1934); вновь арестован (1937); расстрелян.

¹⁹⁷ *Кодификационная комиссия*. 2.

Большом Требнике), а еще более потому, что пришлось бы русский перевод приспособлять к переводу «Книги правил»;

3) существовать такой сборник правил рядом с «Книгой правил» не мог бы, потому что изложить его в виде набора правил было бы невозможно, а пришлось бы придать ему форму изложения по предметам содержания правил, и через это возникла яркая несогласованность с «Книгой правил», вредная для практического применения обоих сборников <...>.

Но было бы крайне желательно и необходимо осуществить мысль заявления об учреждении особой Комиссии для кодификации канонического права. Эта Комиссия могла бы к будущему Собору подготовить, если не самый кодекс канонического права, то надежный материал для его осуществления¹⁹⁸.

28 октября 1917 г. Собор, по предложению Соборного Совета, принял постановление об образовании особой постоянной комиссии при Святейшем Синоде по составлению канонического кодекса Православной Церкви. 17 апреля 1918 г. состоялось собрание членов Собора для обсуждения способа исполнения этого постановления. Присутствовали секретарь Собора В.П. Шеин, профессора В.Н. Бенешевич, И.И. Соколов¹⁹⁹, М.И. Арефьев²⁰⁰, П.Д. Лапин²⁰¹, А.И. Бриллиантов, И.М. Громогласов, С.Г. Рункевич, Н.Н. Фиолетов²⁰², члены Собора Н.Ф. Миклашевский, С.П. Руднев²⁰³, П.П. Менделеев, В.А. Демидов. В состав комиссии были избраны профессора В.Н. Бенешевич, И.И. Соколов, П.Д. Лапин, И.М. Громогласов и Н.Н. Фиолетов, которым было предоставлено право приглашать к участию в работах других сведущих лиц²⁰⁴.

По-видимому, из-за обстоятельств революционного времени комиссия так и не приступила к работе.

Таким образом, ни работа по кодификации канонов, ни систематическое рассмотрение отдельных канонов с целью определить, применимы ли они к действительности, на Соборе, как и в Отделе церковной дисциплины, не состоялись.

Но вопросы о том, какие реформы соответствуют каноническому преданию, а какие нет, постоянно ставились как в Отделах, так и на заседаниях Собора.

Как пример дискуссии можно привести выступления на 69 заседании Собора, когда обсуждался вопрос о выборе епископов и об участии мирян в этих выборах. Епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) выразил убеждение, что такое участие противоречит каноническим нормам. В связи с этим он поднял вопрос о правомочности Собора отменять постановления предшествующих Соборов и заговорил о необходимости выразить полное приятие Собором предшествующих канонов:

¹⁹⁸ Деяния. III. 15; Кодификационная комиссия. 3–4 об.

¹⁹⁹ Соколов Иван Иванович (1865–ок. 1939), д-р церк. истории, проф. СПбДА; участвовал в работе Особого Совещания при Св. Синоде по вопросам брака и развода (1907–1909); член Предсоборного Совета; зам. члена ВЦС (1918–1922); проф. Петроградского богосл. ин-та и Историко-лингвистического ин-та (1920–1924), Ленинградского ин-та истории, философии и лингвистики (1924–1933); арестован (1933), осужден на 10 лет лагерей.

²⁰⁰ Арефьев Михаил Иванович, тверской городской голова (1910–1912); депутат IV Гос. Думы.

²⁰¹ Лапин Павел Дмитриевич, проф. Казанской дух. академии, магистр богословия; избран в члены Высшего Церковного Совета.

²⁰² Фиолетов Николай Николаевич (1891–1943), приват-доц. Московского ун-та по каф. церк. права (1917); проф. церк. права Пермского ун-та (1917–1922); самый молодой член Поместного Собора (25 лет); проф. теории права и истории политических учений Саратовского ун-та (1922–1924), ф-та хозяйства и права Ташкентского ун-та (1924–1931); арестован, сослан (1932–1934); повторно арестован (1941), умер в лагере.

²⁰³ Руднев Сергей Петрович (1872–1935), судебный следователь, товарищ прокурора, член Окружного суда в разных губерниях. После революции – в эмиграции на Дальнем Востоке. Скончался в Харбине.

²⁰⁴ Кодификационная комиссия. 11–11 об.

Итак, Собору предстоит: или остаться верными в решении этого вопроса вселенскому церковному сознанию, как оно выразилось в канонах, или отступить от него и принять совсем новое, противное канонам. Нам бы хотелось прежде всего поставить вопрос: имеет ли право настоящий малый Собор отменить постановления прежних соборов, особенно Вселенских?

Из деяний древних Соборов и из Книги правил мы можем видеть, что даже Вселенские Соборы (IV в правиле 1, VI в правиле 2, VII в пр^авиле 1) начинали свою работу подтверждением своей верности древним канонам и их неизменности. Настоящий Собор не сделал этого в начале, не установил твердой почвы и принципа своих работ, кроме господствующей в теперешней жизни психологии оппортунизма и приспособления к их настроению меньшинства непокорных людей, взявших засилие, он не хочет делать этого и теперь²⁰⁵.

Епископ Феодор выражал уверенность в неизменяемости канонов, невзирая на те толкования, которые получила эта проблема в специальной литературе:

Если бы Собору угодно было принять формулу Отдела о выборе епископов, я лично от себя должен заявить, что как давший присягу в чине архиерейской хиротонии верности канонам, этого соборного определения подписать не могу²⁰⁶.

Однако с подобным толкованием канонов не мог согласиться московский протоиерей Николай Добронравов:

Ни история, ни каноны не говорят против того, что клирикам и мирянам должно быть дано право избрания епископа²⁰⁷.

В ходе другой дискуссии на 58 заседании профессор Новороссийского университета А.И. Покровский²⁰⁸ заметил, что спор идет не о верности канонам, а о том, как их понимать: «Взгляды на каноны у людей разные и могут меняться»²⁰⁹. Он подчеркнул, что каноны нельзя считать единственным источником для суждений об организации церковной жизни в древности:

Каноны обычно издаются для пресечения отступлений от нормы, они имеют запретительный характер, ограждают Церковь от незаконных новшеств. Но те же каноны обычно не касаются уже установленного нормального порядка. Раз участие клира и мирян в церковной жизни стало обычным и общепринятым явлением, то каноны не имели особенного повода его отменять.

С IV века, когда стали твориться новые и обильные каноны, в церковную жизнь под влиянием государственной власти, начали проникать инородные начала церковного клерикализма, гражданского бюрократизма, и

²⁰⁵ Деяния. VI. 66 (Деяние 69).

²⁰⁶ Деяния. VI. 67 (Деяние 69).

²⁰⁷ Деяния. VI. (Деяние 69).

²⁰⁸ Покровский Александр Иванович (1873–1928), доц. МДА по кафедре Библейской истории (1906–1909); редактор БВ (1907); преподавал в Московском ун-те и на Высших женских юридических курсах (1909–1916); входил в состав Комиссии по церковному праву при Московском юридическом обществе (1913). Автор исследования «Соборы древней Церкви» (Сергиев Посад, 1914). Восстановлен в МДА, доктор богословия (1917). Член Всероссийского Съезда духовенства и мирян (1917). Участник обновленческих соборов (1923, 1925). Проф. юридич. ф-та Одесского ин-та гуманитарно-общественных наук (1920–1922), Одесского ин-та нар. хозяйства (1922–1928).

²⁰⁹ Деяния. V. (Деяние 58).

это, к сожалению, не могло не отразиться и на всем церковном строе. Заветы первенствующей Церкви были забыты, во многом нарушены. И, однако, мне все же неизвестно ни одного такого канона, где бы сотрудничество клира и мирян вместе с епископом было бы категорически воспрещено²¹⁰.

О неудовлетворительности положения свидетельствует выступление митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого) на предпоследнем, 169 заседании Поместного Собора. Заявление видного архипастыря, не пропустившего ни одного из заседаний Поместного Собора и председательствовавшего на 140 из них, воспринимается почти как крик отчаяния. Замечая, что члены Собора опираются на одни и те же каноны для доказательства противоположных утверждений, владыка сказал:

Если так расходятся в понимании канонов специалисты, то что же говорить о рядовых членах Собора, которым не разобраться в деталях канонов?

Вот тут-то и является задача, которая должна подлежать решению Собора если не сейчас, то в будущем. Ведь нельзя же так, простите за выражение, жонглировать канонами подобно юристам, которые вычитывают статьи законов. <...> Защитники и противники доклада приводят канон, какой каждому из них нужен для их целей. <...> Это показывает, что к решению данного вопроса нужно приступить не с Книгой правил, но со знанием духа правил и Святого Евангелия. Канонично то, что согласно с духом Церкви и освящено обычаем. Забвение этой истины горестно отражается на судьбах Церкви. И мне думается, приближается время, когда нужно будет с достаточно твердостью и ясностью поставить вопрос о значении канонов в церковной жизни. Этот вопрос о значении канонов, к сожалению, забыли, и это отражается на силе канонической мысли²¹¹. Нужно решить, какие каноны имеют такое спасительное²¹² значение, что я за них должен жизнь свою положить. Правда, наука и жизнь идут своими путями к решению этого вопроса. Наука показывает, что одни каноны догматического характера, как основные, имеют постоянное значение и не подлежат изменению, а другие применялись только к местным условиям и в течение известного времени²¹³. Еще св. Григорий Богослов называл некоторые каноны мертвыми, так как они уже не имели применения к жизни. Почему же нашему или следующему Собору не заняться этим вопросом и не решить, что одни каноны как догматические имеют основное и неизменное значение, другие – только нравственное, а третьи уже утратили свое значение для всей Церкви. Ведь это предоставлено свободе Церкви и мы не должны думать, что Церковь могла свободно творить каноны только в период своего расцвета в первые семь веков. Разве Дух Святой только тогда действовал в Церкви, а теперь не действует? Разве мы не можем, по сношении с автокефальными Церквями, разрешить этот вопрос? <...> Канонично было то, что разумно

²¹⁰ Деяния. V. (Деяние 60).

²¹¹ Далее зачеркнуто: «Последующим Соборам нужно определенно сказать, какие каноны имели значение только для местных Церквей, например греческой, и какие могут простираться и на другие Церкви» (Деяние 54).

²¹² В публикации под ред. Г. Шульца: «обязательное» (Обзор III. 360). Текст содержит обширную рукописную правку, поэтому возможны разночтения.

²¹³ В подтверждение этой мысли можно привести мнение Никодима, еп. Далматинского: «Дисциплинарные законы не неизменны, они могут изменяться по потребностям Церкви и переменам, вызываемым общественным состоянием того или другого века. Это изменение законов, конечно, происходило и должно происходить, но непременно под условием сохранения основных законов церковного устройства» (Никодим. Церковное право. 61).

применялось: в одной Церкви одна форма, а в иной – другая. Вот почему и мы, занимаясь устройством русской церковной жизни, несомненно, на канонических началах, должны применяться к данным условиям. Каноны потому и сильны были, что они сообразовывались с жизнью, утверждались не извне, а вытекали из жизни, и узаконяли то, что принято было церковным обычаем²¹⁴.

Это выступление свидетельствует о том, что на Соборе проблема кодификации канонов не была решена и осталась задачей для последующего времени.

²¹⁴ *Деяние 54–59* (в печатном издании только протокол); *Обзор III*. 359–360.

Последующее рассмотрение: Всеправославные совещания

Вопрос о кодификации канонов был вновь поставлен в связи с подготовкой Вселенского Собора (впоследствии стали употреблять выражение «Святой и Великий Собор Православной Церкви»). В июне 1930 г. на Афоне в Ватопедском монастыре была собрана Межправославная подготовительная комиссия. Среди тем для рассмотрения на Соборе был обозначен вопрос: «Кодификация священных канонов и канонических постановлений с тем, чтобы они вовремя получили одобрение Вселенского Собора»²¹⁵.

На первом Всеправославном Совещании в 1961 г. на Родосе был вновь составлен каталог тем для рассмотрения на Соборе. В этом каталоге содержался пункт «Кодификация священных канонов и канонических порядков, подлежащих утверждению Вселенских Соборов»²¹⁶.

Для разработки тем, предложенных Совещанием, при Священном Синоде Русской Православной Церкви была создана в 1963 г. Комиссия под председательством архиепископа Никодима (Ротова)²¹⁷. Среди документов, подготовленных Комиссией, есть Проект канонического кодекса, состоящий из 150 пунктов. Большинство тезисов сопровождаются отсылкой к канонам, но есть и пункты, закрепляющие уже новые явления в жизни Поместных Церквей. Несомненно, что при выработке тезисов учитывался опыт Поместного Собора 1917–1918 гг.: как обязательные участники Поместного Собора названы епископы, клирики и миряне (п. 11)²¹⁸; перемещение епископов допускается только в случае церковной необходимости (п. 126)²¹⁹ и т. д. Относительно мирян есть особая статья (п. 141), определяющая их место в Церкви:

Миряне принимают живое участие в богослужении и по благословению епископа могут участвовать в церковном учительстве (церковная проповедь, богословская учебно-воспитательная и духовно-просветительная деятельность), в церковных соборах, в избрании членов клира, в церковной административно-хозяйственной деятельности²²⁰.

Всеправославное предсоборное совещание 1976 г. вынесло постановление о том, что «Собор не должен касаться священных догматов Церкви и священных канонов, хотя это не исключает возможности при рассмотрении поставленных проблем раскрытия богословских, церковных и канонических мыслей, истолковывающих и утверждающих православное догматическое учение и канонический порядок»²²¹. Вопрос о кодификации священных канонов и канонических постановлений, так же, как вопрос об икономии и акривии, были отнесены к числу тем, препровожденных «для особого изучения поместных Церквей, с тем, чтобы в будущем получить межправославное рассмотрение»²²².

²¹⁵ Скобей. 68.

²¹⁶ Там же. 76.

²¹⁷ Комиссия 2–3.

²¹⁸ Там же. 46.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же. 63.

²²¹ Скобей. 143.

²²² Скобей. 144.

Глава 4

Проблема церковного суда

К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и притом пред неверными.
1 Кор 6, 5–6.

Интерес к проблеме церковного суда появился в русском обществе в связи с попыткой реформировать церковный суд в контексте общей судебной реформы 1860-х гг. Обсуждение этой реформы, принявшее острый характер, послужило развитию более широкой дискуссии о русском церковном устройстве и дало толчок к разговорам о необходимости проведения Соборов епископов.

В связи со спорами о реформировании церковного суда вышел целый ряд работ, посвященных организации и устройству церковного суда в ранний период христианства.

Несомненным достижением явились работы Н.К. Соколова²²³ и Н.А. Заозерского²²⁴. Кроме того, проблеме церковного суда уделялось внимание и в общих курсах церковного права²²⁵. В «Руководстве по истории Русской Церкви» А.П. Доброклонского также были помещены главы, посвященные церковному суду²²⁶. Архимандрит Николай (Ярушевич), будущий митрополит Крутицкий, в своей диссертации попытался рассмотреть историю церковного суда в России до 1649 г.²²⁷ В советское время Я.Н. Щаповым были изданы княжеские уставы, которые фиксировали область церковной юрисдикции и частично нормы церковного суда²²⁸. Особенности устройства церковного суда применительно к киевскому периоду были рассмотрены им в книге «Государство и Церковь в Древней Руси X–XIII вв.»²²⁹. В целом история церковного суда в России по-прежнему остается малоисследованной, поэтому мы сочли необходимым дать здесь беглый ее очерк, чтобы читатель имел возможность разобраться в предпосылках той непростой дискуссии, которая так и не была завершена на Поместном Соборе 1917–1918 гг.

²²³ Соколов Н.К. Каноническое устройство.

²²⁴ Заозерский. Церковный суд.

²²⁵ Никодим. Церковное право. См. также Павлов. Курс; Бердников. Краткий курс; Суворов. Курс.

²²⁶ Доброклонский. 39–42; 124–127; 289–299; 525–538.

²²⁷ Николай.

²²⁸ Щапов. Древнерусские уставы.

²²⁹ Щапов. Государство и церковь.

Церковный суд в древности

Необходимость существования церковного суда, вытекающая из понимания справедливости как основы христианской жизни, предельно четко сформулирована в посланиях апостолов.

Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские? (1 Кор. 6, 1–3)

Суд в ранней Церкви принадлежал епископам в силу их положения и наибольшего авторитета. Справедливость – это качество, которое требовалось от епископа (Тит. 1. 8). Дела, которые приходилось решать епископам, касались в первую очередь вопросов брака и наследства. Но церковная практика знала и третейский суд, когда обвиняемые сами выбирали судей, которым безусловно доверяли.

С признанием христианства императором Константином, римским государством был признан и суд епископов. Решение церковного суда признавалось наряду с решением гражданского суда без какой-либо апелляции²³⁰.

Кроме того, епископы, в силу своего авторитета, могли вмешиваться в решения гражданского суда, если они видели его несправедливость. Согласно законодательству, епископ мог взять любую тяжбу на свой суд²³¹. Иллюстрацией может служить хорошо известный пример из жития святителя Николая, который дважды останавливает решения несправедливого суда, спасая неповинных людей от смертной казни. В житии св. Иоанна Златоустого говорится о том, как к епископу Константинополя являются люди с просьбой защитить их перед императором. Вмешательство Златоуста в спор между вдовой и императрицей Евдоксией стало причиной его осуждения, так как на стороне императрицы был закон.

В эпоху Юстиниана, когда происходила кодификация законов, специальными новеллами было осуществлено разделение сфер церковного и гражданского суда. Все спорные церковные дела, а также и те, которые относились к управлению церковным имуществом, подлежали суду местного епископа; духовное лицо, недовольное судом епископа, могло апеллировать к митрополиту и к патриарху. Мирянин мог искать суда на духовное лицо у епископа, и если обвиняемая сторона в продолжение десяти дней не переносила дело в светский суд, то оно и оканчивалось судом епископа, а светский суд только исполнял его приговор. В уголовных делах участвовал и церковный, и гражданский суд. Когда на епископском суде разбиралось уголовное дело, и преступник оказывался осужденным, тогда епископ прежде всего лишал осужденного священства и затем передавал его гражданскому суду. Когда же подобное дело вел гражданский суд, то, определив степень виновности преступника, он посылал письменно свое мнение на рассмотрение епископа. Если епископ был согласен с этим мнением, то лишал осужденного духовного сана и возвращал гражданскому суду; но если епископ не соглашался с приговором гражданского суда, тогда дело переходило на рассмотрение государя, в суде которого, однако, участвовал и патриарх. Все спорные дела между епископами подлежали суду областного собора с митрополитом. Епископ не мог быть приглашен в гражданский суд для свидетельства²³².

²³⁰ См.: Никодим. *Церковное право. Заозерский. Церковный суд*. 137–138.

²³¹ См.: Никодим. *Церковное право*. 467.

²³² См.: Никодим. *Церковное право*. 469.

Необходимо подчеркнуть то, что судебная система в Византии составляла одно целое и мыслилась как единая. Законы императоров дополняли то, что не было включено в определения церковных Соборов. Эти законы, в свою очередь, включались в сборники церковных канонов (отсюда и название этих сборников «номоканоны»). Законы не должны были противоречить церковным канонам. Законы запрещали гражданским судам вмешиваться в дела, касающиеся церковной жизни²³³.

В VII в. произошло расширение сферы церковного суда – император Ираклий предоставил право духовным судам ведать и уголовные дела духовенства. Таким образом, в ведении духовного суда находились все дела духовенства, кроме политических²³⁴. Церковные суды могли разбирать и мирские дела.

²³³ См.: Никодим. *Церковное право*. 464.

²³⁴ См.: Никодим. *Церковное право*. 466.

Каноны церковных Соборов о суде

Вселенские Соборы вынесли ряд решений, определявших формы церковного суда, его компетенцию и особенности. Грань 9 Указателя XIV титулов «О согрешениях и о суде епископом и о отлучении причетником» содержит перечень правил, относящихся к епископскому суду²³⁵. Каноны запрещали духовным лицам обращаться к светскому суду в случае конфликтов между клириками.

Члены клира в судебных делах между собою прежде всего должны были обращаться к своему епископу (Ант. 9); с жалобой и обвинением на епископа следовало обращаться к собору епископов области (Ант. 15). В случае несогласия с этим решением, следовало «дождаться открытия Вселенского или другого большего Собора, подвергаясь всем последствиям приговора, или обращаться к третьему, беспристрастному епископу и просить его о созвании нового собора»²³⁶ (I Всел. 2, 5, 17; II Всел. 6; IV Всел. 9, 21; Ант. 11, 12; Сардик. 7, 8, 20; Карф. 11, 104).

Епископы сохраняли право надзора за деятельностью светского суда. За Церковью сохранялось также право церковного убежища. Новелла Алексея Комнина 1086 г. относилась к суду епископа, помимо всех дел духовенства, «все дела, касающиеся души» и все дела брачные²³⁷.

В условиях Латинской империи (1204–1261) церковный суд стал играть большую роль. Историки отмечают, что если светское юридическое образование приходило в упадок, то церковное сохранялось, и Церковь выступала блюстительницей и гражданских законов. В последние века существования Нового Рима тенденция к увеличению роли церковного суда сохранялась²³⁸.

Турки, захватив Константинополь, предоставили патриарху право суда над всеми христианами (за исключением спорных вопросов между мусульманами и православными).

²³⁵ Кормчая. 90.

²³⁶ Соколов Н.К. Каноническое устройство. 606.

²³⁷ Цит. по: Никодим. Церковное право. 468.

²³⁸ См.: Никодим. Церковное право. 469; Медведев. Византийское право. 298–312.

Особенности церковного суда на Руси

Церковный суд на Руси копировал формы светского суда и, как свидетельствуют княжеские церковные уставы, в качестве наказания широко использовал денежные штрафы в пользу епископа или митрополита²³⁹. Размеры этих штрафов устанавливались в зависимости от социального положения потерпевших.

Помимо суда над всем населением по делам брачным и делам веры, точнее сказать, делам вероотступничества (ересь, волхование и т. п.), епископы осуществляли суд и над населением земель, принадлежавших Церкви. С ростом церковного землевладения эта сфера деятельности церковного суда становилась особенно важной для общества.

Объем церковной юрисдикции различался в разных областях: в Новгороде епископы судили и земельные споры, в Пермской земле епископы получили и права наместников.

Отделение Московской митрополии от Константинопольской патриархии в 1448 г. способствовало своеобразию русского церковного устройства. На церковный суд оказывали сильное воздействие изменяющиеся формы светского суда.

С ростом централизации московские князья стремятся ограничить как церковное землевладение, так и церковную юрисдикцию.

Новые данные по истории церковного суда дает Стоглав. В 66–69 главах Стоглава о церковном суде отразилась борьба между Церковью и государством за право юрисдикции. Стоглав показывает, что убийство, разбой и кража, независимо от того, кто их совершил, находились в ведомстве светских судов.

Епархиальный суд подразделялся на суд по делам духовным и совместный или общий суд.

В первом суде были только духовные судьи: владыка и его помощники – архимандриты, игумены, протоиереи, поповские старосты и десятские священники.

В суде по недуховным делам судили светские архиерейские чиновники – дворецкий, наместники и десятинники, в качестве депутатов сидели здесь от духовенства поповские старосты и десятские священники и от светской власти – градские старосты, целовальники и земский дьяк, назначаемые правительством. И те, и другие смотрели, чтобы судьи «во всяких делах чинили управу по суду и обыску в Божью правду, безпосульно», и в случае несправедливости судей доносили церковной или светской власти. Высшее и окончательное решение судебных дел принадлежало самому епископу, для этого должны были вестись точные судные списки.

Совместный или общий суд был в тех случаях, когда истец и ответчик принадлежали к разным судебным ведомствам²⁴⁰.

На практике подсудность духовенства и людей, проживающих на владычных землях, одному суду, приводила и к уравниванию этих людей в правах: духовенство начинает рассматриваться как податное сословие по отношению к епископу.

Архиерейское епархиальное управление на Руси... носило чисто владельческий характер... Духовенство, будучи освобождено от всех государственных податей и повинностей, в то же время обязано было платить архиерею со дня своего посвящения до конца жизни подати

²³⁹ См.: Щапов. *Государство и церковь*. 99.

²⁴⁰ См.: Емченко. 358–359.

поземельные, личные, натурою, деньгами, почему в некоторых грамотах оно и называется иногда тяглым сословием²⁴¹.

Это зависимое положение духовенства по отношению к епископу сохранялось вплоть до XIX в.²⁴²

В патриарший период, вопреки постановлениям Стоглава, правительство выдавало в большом количестве тарханные и несудимые грамоты церквам и монастырям, освобождая их от подсудности епархиальному епископу, кроме духовных дел. Дела этих церквей передавались в ведомство приказа Большого Дворца, около 1611 г. в нем образовалось особое отделение с именем Монастырского приказа. Ведомству Монастырского приказа подлежали все дела по церковным вотчинам, владельцы или управители церковных имений по исковым на них делам со стороны посторонних лиц и все монастыри по отчетности в монастырской казне.

Уложение 1649 г. уничтожило почти все остатки судебных привилегий духовенства и церковных людей, поставив их по гражданским делам в подсудность светскому суду наравне со всеми другими. Судебно-административным учреждением назначался Монастырский приказ, ставший с 1650 г. самостоятельным. Монастырскому приказу передавался и суд над митрополитами, архиепископами, епископами и приказными людьми. Все прежние несудимые грамоты были отменены. Из ведомства монастырского приказа были изъяты патриарх, его приказные и дворовые люди, боярские дети, крестьяне и всяких чинов люди, живущие в патриаршей области.

Создание Монастырского приказа резко изменило положение духовенства. Епархиальные архиереи и монастыри начали просить себе новые несудимые грамоты. Такая грамота была выдана Никону в бытность его митрополитом Новгородским. Борьба с Монастырским приказом стала одной из задач патриарха Никона. Хотя под текстом Соборного уложения 1649 г. и стояла его подпись, он считал Уложение противозаконным²⁴³. Отменен был Монастырский приказ на том же Соборе, который осудил патриарха Никона в 1667 г. Этот Собор постановил также, чтобы суд над духовенством не вершили светские люди:

В патриаршем доме быть духовному человеку – архимандриту с другими искусными мужами, и судить им духовных лиц во всяких делах, а мирян по делам о незаконных браках и духовных завещаниях; прочие же духовные дела, какие бывают между мирскими людьми, да судят патриарший боярин с дьяками и его товарищи, такожде и во всех архиерейских домах быть духовным искуснейшим мужам, судить духовных лиц и духовные дела²⁴⁴.

Таким образом, вмешательство восточных архиереев в русские дела способствовало укреплению позиций Церкви в области суда и управления (мы не касаемся здесь вопроса церковного раскола, во многом лишившего Церковь народной поддержки), ослабило государственное вмешательство и отсрочило ее окончательное подчинение централизованному государству.

Сфера судебных прав Церкви расширилась, образовалось особое отделение с именем «Духовного приказа» для суда над духовенством и разбора духовных дел мирян. Здесь заседал архимандрит или какое-нибудь другое духовное лицо, в другом отделении, ведавшем гражданскими делами мирян, председательствовал боярин. После Собора 1675 г. в патриар-

²⁴¹ Кантеев (1874). 33.

²⁴² Податное положение духовенства по отношению к епископу было отменено законом 1764 г. – Смолч. I. 353–355.

²⁴³ См.: Зызыкин.

²⁴⁴ АИ V. № 135.

шем разряде постоянно сидел кто-нибудь из духовных лиц вместе с патриаршим боярином и дьяками. Приказная система управления Церковью еще более была усовершенствована при патриархе Иоакиме: открылся приказ «церковных дел», который смотрел за благочинием в московских церквах и за поведением московского духовенства. По образцу патриарших приказов устраивались и приказы в епархиях. Положение правительственных и церковных приказов различалось только ведомственной принадлежностью, хотя и обеспечивало патриарху определенную независимость. Но увеличение мощи государства повлекло за собой слияние ведомств.

Церковный суд в Синодальный период

В 1701 г., еще до создания Духовной коллегии был восстановлен Монастырский приказ. Законодателю было ясно, что это – один из органов подчинения Церкви государственному контролю. Из ведомства епархиального суда были изъяты многие дела. Все исковые дела между духовными и мирскими передавались в светские приказы. Духовенство, домовые и архиерейские слуги и монашествующие подлежали суду в монастырском приказе. По государственным преступлениям для всех был одинаковый суд в Преображенском приказе. В 1720 г. судебные дела Монастырского приказа отошли к Юстиц-коллегии и к губернским и уездным канцеляриям.

Из дел, по которым прежде подлежали церковному суду все миряне, Петр I изъял спорные дела по завещаниям, спорные дела о незаконнорожденных, о браке детей без согласия родителей, о насильственном похищении невест, о насилии над женщинами, любодеянии и кровосмешении. Церковному суду подлежали дела богохульные, еретические, раскольнические, волшебные, бракоразводные, о незаконных браках, о вынужденном и насильственном пострижении, о похищении церковного имущества, о преступлениях духовных лиц против своих обязанностей и иски на лиц духовного ведомства.

С первого же года существования Святейший Синод добился освобождения духовенства от подсудности светским учреждениям. Государство признало за Св. Синодом право судебной власти, однако объем юрисдикции Синода по сравнению с патриаршим временем был ограничен. В ведении духовного суда осталось брачное право и бракоразводные дела. Синоду принадлежал суд по духовным делам, в первую очередь под ними понимались ересь и раскол. За это в качестве наказания могли быть назначены анафематствование, отлучение от Церкви, церковные епитимьи. Анафематствование предусматривалось за 1) хулу на имя Божие, Священное Писание или Церковь; 2) открытое и высокомерное пренебрежение заповедями Господними и церковными властями; 3) длительное уклонение от исповеди. За последнее в качестве наказания могли быть назначены также денежный штраф, телесное наказание или каторжные работы²⁴⁵.

Судебные права Св. Синода в дальнейшем ограничивались. В царствование Анны Иоанновны Тайная канцелярия производила следствие и суд над духовными лицами. В правление Елизаветы Петровны светским судом проводились процессы против хлыстов. Екатерина II лишила Святейший Синод права преследовать богохульство и колдовство²⁴⁶. Александр I указом 1816 г. передал светским судам дела по обвинению в нарушении порядка и благочиния во время богослужения, даже в тех случаях, когда они касались духовных лиц. Указ 1821 г. отменил это постановление. Согласно Своду законов 1832 г., церковные суды в своей деятельности обязаны были руководствоваться той частью Свода, где шла речь о положении духовенства и о преступлении мирян против веры и нравственности²⁴⁷.

В 1841 г. был издан Устав духовных консисторий. Консистории осуществляли и управление, и суд. Фактическим начальником консистории был секретарь, который находился в двойном подчинении: Св. Синоду (обер-прокурору) и епархиальному архиерею, что давало возможность контролировать деятельность последнего и жаловаться на него в Синод.

²⁴⁵ ПСПиР. II. № 454 (Резолюция Св. Синода, по делам, относящимся до раскола); № 477 (О помещении ханжей в монастырь с употреблением их в труды до конца жизни); № 584 (О непустительном взыскании штрафных денег с лиц неисповедывавшихся; и об отсылке лиц, уклоняющихся от сего платежа, мужчин на галеры, а женщин на прядильный двор). Петр I добился анафемы гетману Мазепе; см.: Смолич I. 518.

²⁴⁶ См.: Смолич I. 140, 518; Горчаков. Монастырский приказ. 195–201.

²⁴⁷ О том, как функционировал церковный суд в XVIII в., см.: Розанов.

Судебное разбирательство осуществлялось «присутствием» – коллегией, в которую входили духовные лица по выбору архиерея, утвержденные Синодом. Архиерей в заседаниях присутствия участия не принимал, а лишь знакомился с итогами и визирует определения²⁴⁸. Непременным участником заседаний был секретарь консистории, который возглавлял канцелярию и нес ответственность за правильность делопроизводства. Секретарь отчитывался непосредственно обер-прокурору Св. Синода за ведение дел²⁴⁹. Решение вступало в силу только после утверждения его архиереем, он мог вернуть дело на повторное рассмотрение и имел право вынести собственное решение. В таком случае консистория должна была сообщать в Синод и обер-прокурору.

Без формального судопроизводства архиерей разбирал:

- а) проступки неведения и нечаянности, требующие исправления и очищения совести священнослужительской иерархическим действием архиерея, и неудобоподвергаемые гласности и формам обыкновенного суда;
- б) вообще проступки против должности и благоповедения, не соединенные с явным вредом и соблазном, замеченные в священнослужителе, которого прежнее поведение было безукоризненно;
- в) жалобы, приносимые именно с тем, чтобы неправильно поступавшего исправить архипастырским судом и назиданием без формального судопроизводства²⁵⁰.

На результат архиерейского суда жалобы не допускались, но и в формулярные списки решения архиерея не заносились.

Устав допускал жалобы на медленное или неправильное ведение дел консисторией Синоду (ст. 177). Взыскание установленных судом штрафов, а также осуществление надзора и составление формуляров, оценивавших поведение каждого клирика за год, было возложено на благочинных.

²⁴⁸ См.: УДК. Ст. 292, 293, 296, 310–312, 328–330.

²⁴⁹ УДК. Ст. 344, 275.

²⁵⁰ УДК. Ст. 165, 172.

Вопрос о церковном суде в русском обществе в эпоху реформ

Отсутствие в Церкви организованной, соответственной церковным целям общественной судной власти, самостоятельной и независимой от государства, сопровождается бесчисленными беспорядками и вредом для Церкви. Церковь <...> становится совершенно бессильною в уничтожении нравственных недостатков, вкравшихся в среду ее членов, в возвышении нравственной жизни в ее обществе.

Священник Михаил Горчаков (1876)²⁵¹

Развитие общественной жизни в XIX в. свидетельствует о тенденции к *секуляризации* государственного законодательства. Это законодательство распространяется и на духовенство как часть общества, и на органы церковного управления, деятельность которых приводилась в соответствие с правовыми нормами, обязательными для всех граждан. Вехой в истории России явилась судебная реформа 1864 г., с большим подъемом воспринятая современниками. В качестве основных принципов, положенных в основу реформы суда, современный исследователь называет *всесловный характер суда, независимость суда от администрации, несменяемость судей, равенство всех перед законом и судом, гласность, состязательность, право на защиту, участие общественности в отправлении судопроизводства*²⁵². Необходимо отметить, что новые судебные уставы приходили в противоречие с нормами церковного судопроизводства, которые не были ни отменены, ни пересмотрены.

Вопрос о том, применимы ли новые принципы и в церковном суде, соответствуют ли они церковным правилам, стал предметом обсуждения в церковной среде.

Среди статей, привлечших общее внимание и неоднократно впоследствии цитированных, в том числе и на Поместном Соборе, были работы Н.К. Соколова²⁵³, который защищал *принцип отделения суда от администрации*. По его мнению, их соединение,

деморализуя администрацию, развивая в ней произвол и наклонность действовать по собственному усмотрению, почти совершенно убивает суд, обращая его в покорное орудие для прикрытия административного произвола и для сообщения его действиям, в случае нужды, внешней формальной законности²⁵⁴.

В консисториях административное начало подавляет судебное, так как

в этой среде, вследствие самого ее устройства и склада отношений, всякое несогласие и противоречие с мнением начальника легко может быть принято за неуважение к нему, за непослушание, противодействие его власти²⁵⁵.

Профессор отмечал незащищенность и страх духовенства перед судом:

Да и как, в самом деле, не бегать и не бояться суда, всячески избегать его, или злоупотреблять им, когда, по указаниям опыта и судебной практики, даже доказанная и признанная невиновность не может освобождать

²⁵¹ Горчаков. Научная. 255.

²⁵² Немытина. 6.

²⁵³ См.: Соколов Н.К. Каноническое устройство; Соколов Н.К. О началах суда.

²⁵⁴ Соколов Н.К. О началах суда. 825.

²⁵⁵ Соколов Н.К. О началах суда. 988.

от наказания, когда священника судят не за действия только, но и за предполагаемые намерения <...>. Когда определение самого понятия о проступке и преступлении зависит не от закона, а от личного воззрения и нрава начальства... Когда одно и то же действие в глазах одного начальства может быть извинительно и даже похвально, а в глазах другого – преступно²⁵⁶.

Одна из причин судебного произвола – отсутствие четких законов, которыми должен руководствоваться суд. Поэтому весьма существенной Соколов считал

потребность в своде церковно-гражданских законов, в которых разнообразные и разновременные узаконения были бы объединены единством основной идеи, связаны в стройную систему и получили бы прочность, определенность и постоянство²⁵⁷.

О необходимости срочной реформы церковного суда писали и светские юристы, отмечавшие царящий в этой области произвол:

В духовном ведомстве независимость суда желательнее, чем где бы то ни было, ибо никогда административная власть не вооружена таким всемогуществом, не привыкла к такому бесконтрольному, очень часто произвольному образу действий, как именно в этом ведомстве, поэтому независимость здесь уместнее, чем где-либо²⁵⁸.

Первый Комитет по выработке судебной реформы был создан в 1865 г. под председательством архиепископа Тверского и Кашинского Филофея (Успенского). Комитету была представлена докладная записка юрисконсульт Синода И.И. Полнера о необходимости реформ духовного суда, в частности, отказа от теории формальных доказательств²⁵⁹. Практических результатов деятельность комитета не имела²⁶⁰.

В 1870 г. по настоянию обер-прокурора Святейшего Синода Д.А. Толстого был учрежден новый Комитет для составления основных начал преобразования судебной части под председательством архиепископа Макария (Булгакова). В состав Комитета вошли протоиереи М.И. Богословский (главный священник армии и флота), Н.П. Содальский (член Санкт-Петербургской духовной консистории), И.Н. Рождественский (член Московской духовной консистории), П.Г. Лебединцев (член Киевской духовной консистории), Н.А. Фаворов (профессор Киевского университета), а также профессора Петербургского университета С.В. Пахман и Н.П. Чебышев-Дмитриев, профессор МДА А.Ф. Лавров и СПбДА – Т.В. Барсов, юрисконсульт при обер-прокуроре Святейшего Синода В.А. Степанов, государственные чиновники Ф.Л. Маркус, А.С. Любимов, И.С. Бурлаков, А.А. Сабуров, М.Н. Баженов, Н.А. Неклюдов²⁶¹.

Смысл реформы, как определил Комитет, состоял в приведении церковного судопроизводства в соответствие с принципами светского суда, то есть в проведении разделения

²⁵⁶ Соколов Н.К. *О началах суда*. 846.

²⁵⁷ Соколов Н.К. *О началах суда*. 844.

²⁵⁸ Оршанский. 429.

²⁵⁹ См.: *Комитет 1865 г.*; Руновский Н. Теория формальных доказательств определяла весомость аргументов, предъявленных суду, прежде всего их формальной принадлежностью. Так, на первом месте стояли показания очевидцев. Замена этой теории оценкой доказательств по внутреннему убеждению суда составляла одну из важнейших сторон реформы гражданского судопроизводства 1860-х гг.

²⁶⁰ См.: *Римский*. 553.

²⁶¹ См.: *О работах по преобразованию*. 618–619; Руновский Н. 188–190; *Римский*. 552–554.

административной и судебной власти, гласности и выборности судей. В Отчете обер-прокурора за 1870 г. так объяснялась необходимость реформы церковного суда:

Некоторые из действующих в нынешнем церковном суде начал не имеют канонических оснований, а приняты единственно только по применению к прежнему, отжившему уже теперь и признанному неудовлетворительным, строю светских судов, так напротив, некоторые из начал нового судопроизводства имели место в древней Православной Церкви и отчасти в древней Русской; таковы, например, устность и гласность судебного процесса, преобладание обвинительного начала над следственным. Ввиду сего Св. Синод пришел к убеждению в необходимости преобразования судебной части по духовному ведомству²⁶².

Работа Комитета продолжалась до марта 1874 г.²⁶³ В 1873 г. был опубликован проект «О преобразовании духовно-судебной части», согласно которому в юрисдикции церковного суда оставались священно- и церковнослужители (кроме наемных церковнослужителей и не постриженных послушников) по делам, воспрещенным канонами, но выпадающим из сферы гражданского суда, а также по преступлениям, предусмотренным уголовным правом, но по своей сути подлежащим духовному суду (кошунство, отступление и отвлечение от православной веры, нарушение благочиния во время богослужения, оскорбления чести, наносимые духовным и светским лицам, угрозы и насилие, нарушение правил о погребении и о браке, а также «употребление в проповедях и духовных речах слов, оскорбительных для добрых нравов и противных благопристойности»).

Предполагалось передать в светский суд дела о браках и их расторжении, оставив за архиереем право увещания и окончательного вынесения решения о расторжении брака.

Организация церковного суда представляла собой несколько инстанций. Низшей из них предполагался *духовный судья*, осуществляющий свою власть в пределах определенного участка епархии единолично; он же производил и следствие. Судьи должны избираться на три года из местных протоиереев и священников всеми священно- и церковнослужителями участка и представителями от приходов, по одному от каждого (включая и представителей придворного, военного и монашеского духовенства в данном участке). Судьи не имели права одновременно занимать административные должности.

Следующей инстанцией должен был стать *духовно-окружной суд*, единый для нескольких епархий, судьи которого избирались бы на шесть лет в епархиях и утверждались епископами в качестве их уполномоченных. Председатель суда назначался императором по представлению Св. Синода из лиц архиерейского сана; он не мог принимать участия в делах духовной администрации. Окружной суд был задуман как апелляционная инстанция. Кроме того, он выносил бы приговоры по более серьезным делам, когда обвинение исходило от епископа. Его приговор можно было обжаловать в Святейшем Синоде²⁶⁴.

Высшей инстанцией предполагалось *Судебное отделение Святейшего Синода*, судьями в котором выступали епископы и священники, назначавшиеся на эту должность императором в отношении 3:1. К компетенции Судебного отделения относились все дела по обвинениям епископов и протопресвитера армии и флота, дела против членов синодальных контор, судебные преступления членов духовно-окружных судов и апелляционные дела. Члены Святейшего Синода подлежали суду единственной инстанции – совместной сессии Присутствия Синода и его Судебного отделения.

²⁶² Отчет обер-прокурора за 1870 г. 249–249 об.

²⁶³ См.: Римский. 553–554.

²⁶⁴ О работах по преобразованию. 618.

Нововведением была должность *прокуроров*, контролирующих деятельность всех инстанций церковного суда и назначаемых обер-прокурором Св. Синода «из гражданских чинов, получивших юридическое образование, или же вообще из лиц с высшим образованием, практически знакомых с судебной частью». Прокурор судебного Отделения Св. Синода назначался бы императором по представлению обер-прокурора Синода²⁶⁵.

По представлении Комитетом проекта Синод в мае 1873 г. определил «разослать его на предварительное заключение к епархиальным Преосвященным и в духовные консистории»²⁶⁶. По-видимому, такое решение было обусловлено резкой критикой работы Комитета, в том числе и со стороны его члена профессора А.Ф. Лаврова²⁶⁷, который на средства Н.В. Елагина²⁶⁸ анонимно опубликовал и разослал всем архиереям в 1873 г. книгу «Предполагаемая реформа церковного суда», а также выступил с рядом статей в «Прибавлениях к творениям святых отцов». В результате обсуждения проект получил резко отрицательную оценку подавляющего большинства архиереев и консисторий.

А.Ф. Лавров, в частности, выступал против передачи брачных дел светскому суду, поскольку «брак как таинство может быть совершаем и признаваем недействительным и расторгает только Церковью»²⁶⁹. Кроме того, он приводил множество различных аргументов в пользу того, что действие церковного суда должно распространяться и на мирян²⁷⁰.

Однако недостатком его критики, как отметил преподаватель Таврической духовной семинарии Н.П. Руновский²⁷¹, было то, что Лавров не столько противопоставлял планируемой реформе церковные каноны, сколько показывал несоответствие ее действующему законодательству, то есть выступал с чисто консервативных позиций. Впрочем, профессор не был противником вообще реформы церковного суда, он лишь считал необходимым сохранить за последним прежний объем его полномочий, преобразовав процедуру судопроизводства²⁷².

По существу, Лавров выступал с альтернативным проектом реформы, предлагая сохранить судебную власть за архиереем с созданием при нем отдельно от консистории в качестве судебного органа епархиального суда в виде избираемой коллегии пресвитеров под председательством архиерея²⁷³. Независимость суда автор усматривал 1) в выборности судей; 2) в сменяемости судей только по суду; 3) в коллегиальном образе решения дел; 3) в гласности судопроизводства²⁷⁴.

С резкой критикой проекта, выработанного Комитетом, выступил и Н.В. Елагин:

Предполагалось под видом улучшения духовного суда сокрушить архиерейскую власть и поставить управление Русскою Церковью на протестантских началах. Предполагалось совершить такое дело, перед которым все дотоле бывшие нападения на Церковь оказались бы простыми ребяческими шалостями. <...>

²⁶⁵ См. также: Смолич И. 141.

²⁶⁶ Римский. 555. См. также: Горчаков. Мнения преосвященных; Горчаков. Мнения консисторий.

²⁶⁷ Лавров-Платонов Александр Федорович (1830–1890), проф. церк. законоведения МДА; принял монашество с именем Алексия (1878), возведен в сан еп. Дмитровского, вик. Московской епархии; закончил служение архиеп. Литовским.

²⁶⁸ Елагин Николай Васильевич (1817–1891), духовный писатель, церк. – обществ. деятель консервативного направления.

²⁶⁹ Предполагаемая реформа I. 93; ср. 87; Предполагаемая реформа II. 333.

²⁷⁰ См.: Предполагаемая реформа I. 6.

²⁷¹ См.: Руновский Н. 261–262.

²⁷² См.: Предполагаемая реформа I. 89.

²⁷³ См.: Предполагаемая реформа II. 338.

²⁷⁴ См.: Лавров. Новый вопрос. 378.

«Интеллигенция» наша сверху донизу приняла этот проект с неистовым восторгом. Она и прежде не очень стеснялась в своей жизни церковными правилами, но все чувствовала на себе узду в виду возможности подпасть под церковный суд за открытое кошунство, неверие, распутство <...> для нее открылась перспектива полной безнаказанности²⁷⁵.

Вместе с тем автор не мог не видеть недостатков существовавшей судебной системы и считал главной бедой отсутствие Уложения о церковных наказаниях:

Две трети консисторских дел решаются у нас теперь, можно сказать, наобум, и это зависит не столько от злокачественности членов <...>, сколько от неполноты действующего права и от разбросанности церковных законов по разным источникам и сборникам. <...> За один и тот же поступок можно наказать и замечанием и лишением сана, и оба эти решения будет законны²⁷⁶.

Итак, проект А.Ф. Лаврова был отвергнут Комитетом, а проект Комитета не поддержали архиереи. В результате реформа церковного суда была отложена, а Комитет распущен²⁷⁷.

В историографии XX в. преобладали односторонне отрицательные суждения о деятельности Комитета²⁷⁸. Авторы 2-й половины XIX в. писали о деятельности Комитета более объективно. Современник несостоявшейся реформы Н.С. Лесков писал, что обер-прокурор был прав, когда «настойчиво желал учредить иной суд, где было бы менее места произволу и более законности» и провал реформы связывал с нелюбовью духовенства к графу Д.А. Толстому.

Но все знали, что правда была на его стороне, что нынешний духовный суд не удовлетворит и не может удовлетворять требований справедливости²⁷⁹.

Н.П. Руновский считал недостатком проекта А.Ф. Лаврова противоречивое стремление сочетать независимость судей и принцип отделения суда от администрации с судебной властью епископа, хотя подначальность судей правящему архиерею полностью уничтожала независимость в их суждениях. Кроме того, Руновский напоминал о своеобразии «патриархальных» отношений между архиереями и духовенством, основанных на неограниченной власти епископа. Так, еще в XVIII в.

вся система этих отношений построялась на патриархальном воззрении, по которому только начальствующее лицо имеет самостоятельный ум и права, а подчиненные суть его дети, существа неразумные, нуждающиеся в постоянном руководстве. Выражения, постоянно встречаемые в архиерейских грамотах, вроде: «учинить жестокое наказание плетью на страх», «наказание плетью приумножить», — могут служить лучшим указанием на те педагогические приемы, какие практиковались в отношениях епархиальных властей к подчиненному им духовенству²⁸⁰.

²⁷⁵ Елагин. 85, 89.

²⁷⁶ Елагин. 165.

²⁷⁷ Н.А. Заозерский считал, что ответственность за провал реформы несет не А.Ф. Лавров, а обер-прокурор. См.: У Троицы. 641.

²⁷⁸ См.: Римский. 553–554; Цытин. Каноны и церковная жизнь. 116–117.

²⁷⁹ Лесков. Епархиальный суд. 571.

²⁸⁰ Руновский Н. 33.

Преимуществом проекта митрополита Макария представляется принцип организации духовного суда, основанный на существовавшей в Древней Руси практике назначения наместников для суда: архиерей судит через уполномоченных, которым предоставляет свою судебную власть; члены суда утверждаются архиереем, но действуют самостоятельно²⁸¹. В противном случае, суд представляет собой «смещение нравственных понятий с юридическими и господство полного произвола и личных соображений епархиальной власти»²⁸². Вместе с тем, противники данного проекта не без оснований ссылались на правила Ап. 32; I Всел. 5; IV Всел. 7; Ант. 4, 6, 12; Карф. 117, 121, 139 и утверждали, что «церковные правила вообще, и в частности, в приложении к вопросу о принадлежности судебной власти епископу, могут быть изменяемыми или отменяемыми только властью, равной той, которой изданы»²⁸³.

Подробный разбор проектов реформы, а также мнений духовных консисторий и епархиальных преосвященных был представлен профессором священником М.И. Горчаковым. Он высоко оценил тот факт, что впервые мнения архиереев были запрошены до рассмотрения проекта:

По существу, внесен в законодательную деятельность нашей Православной Русской Церкви новый, до сих пор небывалый в истории русского законодательства порядок, заслуживающий полного внимания и уважения²⁸⁴.

Однако, рассмотрев представленные замечания консисторий, М.И. Горчаков делает вывод о том, что в них «не указаны положительные принципы таких церковных судов, от которых духовенство могло бы и в праве ожидать своего церковно-общественного возрождения»²⁸⁵. По оценке канониста,

Мнения преосвященных представляют самое лучшее доказательство, в каком бесправном положении некоторые наши епархиальные преосвященные желают держать и держат подчиненных им лиц духовного звания, смешивая судноиерархическую с церковно-общественною судною властью. Под покровом патриархальных отношений архиерея к духовным чадам преосвященные рекомендуют самую безграничную и бесконтрольную расправу архиерея с клириками²⁸⁶.

В отношении к судебной реформе М.И. Горчаков усматривал два подхода: бюрократический, определивший проект Комитета, и иерократический, проявившийся в мнениях преосвященных:

Первое из означенных направлений стремится, в ущерб восстановлению в церковном устройстве церковно-общественного элемента, к ослаблению иерократического абсолютизма в епархиях, к усилению в строе Церкви начал и форм государственности и, вместе с тем, к размножению и усилению бюрократического элемента в отправлениях церковной власти²⁸⁷.

²⁸¹ См.: Руновский Н. 204–206.

²⁸² Там же. 249.

²⁸³ Лавров. Новый вопрос. 363.

²⁸⁴ Горчаков. Мнения консисторий. 3.

²⁸⁵ Горчаков. Мнения преосвященных. 9.

²⁸⁶ Там же. 13.

²⁸⁷ Горчаков. Научная. 224–225.

Архиереи же, по его мнению, стремятся

удержать положение церковно-судебного права, в сущности, *in statu quo*, то есть с преобладанием в церковном устройстве «...» абсолютизма иерократии²⁸⁸.

При этом владыки смешивают богословские понятия с юридическими и политическими. Они стремятся к сохранению судногражданской власти Церкви в области уголовного и гражданского суда. Церковные наказания состоят в лишении членов Церкви церковных благ и прав, но не могут касаться гражданского и политического положения ее членов. Уголовная и судногражданская власть,

приобретаемая Церковью от государства, ни в каком случае не может считаться учреждением, вытекающим из существа и назначения Церкви; ее нельзя признать согласною и совместною с вероучением православной христианской Церкви о существе церковной власти; такая власть *никогда* не была устанавливаема правилами законодательства Вселенской Церкви; она – институт государственный, вносимый в устройство Церкви извне; следовательно, обладание Церковью уголовною и судногражданскою государственною властью не составляет для Церкви необходимости²⁸⁹.

При этом Горчаков настаивал, что

современные воззрения на существо права, государства и отношения государства к общественным союзам и Церкви не только совместимы, но и совершенно согласны с вероучением самой Церкви о ее сущности²⁹⁰.

Однако в истории Русской Церкви сложилось так, что церковно-общественная судная власть оказалась вытесненной из жизни. В результате Церковь, выполняя полицейские функции, утратила возможность нравственно влиять на общество:

Исчезновение церковно-общественной судной власти из строя и жизни Православной Русской Церкви произошло вследствие того, что церковная власть, пользуясь предоставленными ей от государства правами государственной власти, продолжает удерживать в своих судебных отправлениях черты государственной, уголовной, судногражданской и полицейской власти даже до настоящего времени, когда прежнее законодательство сменилось совершенно новыми по своим началам «Судебными Уставами 1864 г.»²⁹¹

При таком положении, как считал профессор,

Церковь «...» становится внешнею прикрасой государственной жизни, без внутреннего содержания и без значения в религиозно-нравственном воспитании народа²⁹².

По мнению Горчакова, церковно-судная реформа должна состоять в

организации самостоятельного церковно-общественного судного права и церковно-общественной судной власти, независимой во внутреннем

²⁸⁸ Там же. 226.

²⁸⁹ Там же. 261–262.

²⁹⁰ Там же. 270.

²⁹¹ Там же. 260.

²⁹² Там же. 263.

ее строе и деятельности от государства, но под апелляцией *ex abusu*²⁹³ к государству и *ad principem*²⁹⁴ – и в том, чтобы организация эта соответствовала существу и назначению Церкви, и равно и началам законодательства Вселенской Церкви, которые указываются в Книге правил²⁹⁵.

Кроме того, канонист считал необходимым создание судебных инстанций снизу доверху, начиная от суда в приходах и кончая Поместным Собором или его судебным отделением²⁹⁶.

Таким образом, дискуссии о церковном суде поставили на повестку дня и вопрос о Поместном Соборе как о высшей судебной инстанции. Однако до реализации этих чаяний прошло несколько десятилетий. Тем временем в порядок церковного суда были внесены лишь небольшие изменения, отразившиеся в новой редакции Устава духовных консисторий (1883).

Отказ от коренной реформы церковного судопроизводства не означал исчезновения проблем, побудивших к разработке этой реформы. Консисторский суд оставался малоудовлетворительным, и те «рассудительные люди», которые не считали «сдавленность, в которой наше духовенство утрачивает свои человеческие достоинства», наилучшей формой, «навсегда необходимой для нашей Церкви»²⁹⁷, по-прежнему писали о необходимости реформы:

Судебная реформа помогла бы духовенству очистить свою среду от тех людей, которые своим поведением не только роняют все духовное звание, но даже унижают имя человека, и, несмотря на все это, терпимы в духовенстве к соблазну всех прихожан, стремящихся бежать от таких пастырей в какое-нибудь разнoverие²⁹⁸.

²⁹³ В случае злоупотребления (*лат.*)

²⁹⁴ К императору (*лат.*).

²⁹⁵ Горчаков. Научная. 266.

²⁹⁶ См.: Там же. 266.

²⁹⁷ Лесков. Епархиальный суд. 577.

²⁹⁸ Лесков. Епархиальный суд. 576.

Печать начала XX века о церковном суде

Недовольство состоянием консисторского суда со стороны общества в целом, а духовенства в особенности ярко проявилось после преобразований 1905 г. в связи с ослаблением цензуры. В прессе вспомнили полемику 1870-х гг. о проекте духовного суда и отмечали, что отказ от реформы пагубно повлиял на ситуацию в Церкви:

Можно пожалеть, что светлые мысли о реформе консисторий, высказанные 30 лет тому назад не получили до сих пор осуществления²⁹⁹.

Вместе с тем, в духе времени высказывались предложения ввести *суд чести* для духовенства, в ведение которого предлагалось передать «отметку поведения причтов в клировых ведомостях и представление к наградам», а также «право заступничества, права защищать невинных перед консисторским и владычным судом». Автор одного из таких проектов считал, что введение суда чести повысит нравственное состояние духовенства,

ободрит его в пастырском труде, повысит строгость и требовательность не только к другим, но и к себе. Личная честь и достоинство будут цениться как общая всем дорогая, а не безразличная ценность; реже будет слышаться равнодушное: «моя хата с краю». Суд чести, несомненно, значительно облегчит работу епархиального начальства по разбору кляузных дел в духовенстве не только потому, что возьмет часть работы на себя, но и потому, что несомненно уменьшит число таких дел³⁰⁰.

Не прекращаются жалобы на власть епископов, которые

усердно наказывали всех, кто преступал их «архиерейские» законы, нисколько не задумываясь над тем, что эти законы удобоисполнимы только в архиерейских палатах³⁰¹.

Многие авторы считали, что архиерей фактически является «единственным судебным органом»³⁰², поскольку может

несмотря ни на какие следствия, решить дело по своему желанию, при чем по первому впечатлению или предвзятой мысли может решения свои отменять и опять постановлять сколько угодно раз, чего нет ни в одном из других судов, даже военных³⁰³.

Страх перед консисторским судом удерживал людей от принятия сана:

Боязнь рясы <...> вызвана крайне несовершенной постановкой церковного суда. <...> Клевете, анонимному доносу, чувству личной мстительности здесь дано столько свободы и придается столько значения, что иногда поистине «страшно впасть в руки этих судей». Тот, кому часто приходилось иметь дело с консисторскими и иными вершителями судеб рядового духовенства, не раз слышал такую фразу: что ж делать, может он и не так виноват, но раз преосвященный представляет, надо исполнить и

²⁹⁹ О духовном суде. 919.

³⁰⁰ Пестряков. 316.

³⁰¹ Пресвитерианство и епископы. 75.

³⁰² Рождественский. Формальное право. 691.

³⁰³ Анастасиев. 58.

т. д. Далее обычно идет разговор о необходимости поддержать авторитет епископской власти³⁰⁴.

Другой автор видел в недостатках суда одну из причин бегства из духовного сословия:

Когда испытываешь на собственной шкуре, когда принужден часто без всякой вины, бросая приход с налаженными уже отношениями и устроенное хозяйство, тащиться на другой конец епархии с кучей ребятишек, с беременной женой, – о, как хочется тогда сбросить рясу и навсегда развязаться с деспотами, сидящими в консистории и рядом! Насколько незащищена личность священника, видно из одного нам известного случая, когда в одной западной епархии архиепископ перевел с места на место священника – кандидата академии только по наговору какого-то светского чиновника вроде вице-губернатора. При объяснении с батюшкой владыка объяснил, что он ничего не мог сделать, – при мягкости же характера у него не хватило сил отказать в просьбе тому господину. Он не досказал, что не хватило у него также догадки предварительно наказания выслушать обвиняемого³⁰⁵.

Отмечалось также, что «духовное» наказание нередко назначается за мелкие служебные проступки:

Какая-нибудь неисправность в ведении метрических книг, несоблюдение известной формальности при заключении брака, и священник может быть посажен в монастырь. <...> На служителей алтаря возлагается множество обязанностей, совершенно для них посторонних, вроде представления списков лиц, подлежащих призыву в воинское присутствие или различных статистических данных. И вот ошибка в подобных сведениях, доставление которых совсем не дело священников, может повлечь за собой унижительное наказание. <...> Наказания, которым подвергаются все граждане, налагаются на них не иначе, как по суду, притом суду гласному. Консисторский же суд происходит келейно. При отсутствии основных гарантий справедливости: наличности обвиняемого, прений сторон и т. д.³⁰⁶

Значительно реже в церковной прессе этого периода встречаются конструктивные предложения по преобразованию суда. Из них можно отметить мысль о. Александра Рождественского о сохранении в судебном процессе за архиереем только права прокурорского надзора:

Тогда суд приобретет самостоятельность в своих действиях и будет постановлять приговоры только по требованию закона и справедливости. Вместе с тем, и епископ освободится от нареканий в несправедливости, что случается нередко в настоящее время при утверждении епископом судебных определений консистории³⁰⁷.

По мнению Рождественского, такое изменение не противоречило бы канонам, как и введение гласности и защиты:

Древний, канонический тип судопроизводства был состязательно-обвинительный, то есть такой же, какой существует в современном

³⁰⁴ Ограничения лишаемых сана. 561.

³⁰⁵ О причинах бегства. 915.

³⁰⁶ Левитов П. 885.

³⁰⁷ Рождественский. Проект. 711.

светском процессе. И, следовательно, следственный тип процесса, господствующий в духовном судопроизводстве, не только не современен, но и противоканоничен³⁰⁸.

³⁰⁸ *Рождественский. К вопросу.* 1424; ср. близкие высказывания: *Заозерский. О возрождении суда.* 270.

Отзывы епархиальных архиереев

В 1905 г. среди прочих вопросов о церковной реформе Святейшим Синодом было предложено архиереям выразить отношение к пересмотру «законоположений о существующих органах епархиального управления и суда и преобразовании оных согласно с каноническими соборными началами»³⁰⁹. Почти во всех отзывах содержится ответ на этот вопрос. В большинстве из них отмечались недостатки духовного суда в том виде, как он осуществлялся духовными консисториями.

Как писал епископ Псковский Арсений (Стадницкий), от неправильной организации консисторского суда страдают и сами архиереи, потому что итог дела предreshается следствием:

Епархиальному епископу, являющемуся вершителем консисторских судебных дел, едва ли не более всего приходится испытывать все неудобства настоящей постановки консисторского делопроизводства. Фактическим духовным судьей ныне считается духовный следователь. Так как консисторский суд производится заочно, передопрос на суде не допускается и новые обстоятельства к разъяснению дела, кроме добытых духовным следователем, не могут открыться, то решение суда уже определенно предуказывается следствием, которое из предварительного, как бы это должно быть, превращается в окончательное. А между тем, духовный следователь вообще не подготовлен к исполнению своих обязанностей <...>. Результаты следствия лица, не вполне компетентного и не всегда беспристрастного, и являются единственным основанием для постановления судебного решения, которые представляется на усмотрение епископу, у которого еще менее имеется оснований для вполне справедливого решения, так как у него нет даже следственного делопроизводства³¹⁰.

На некомпетентность духовных следователей также обращал внимание митрополит Киевский Флавиан³¹¹:

Назначаемые для сего лица не имеют никакой юридической подготовки, ни теоретической, ни практической. Права их до того ограничены, что они при производстве следствия находятся в полной зависимости от произвола сторон и свидетелей, по отношению к коим они не имеют никаких прав на дисциплинарные меры. Наконец, все они обременены обязанностями по приходу, по школе, часто и по другим учреждениям³¹².

О неправильности организации духовного суда писал и Кирион (Садзагелов), епископ Орловский:

недостатки современного духовного суда зависят 1) от излишней централизации судебного производства, благодаря чему на рассмотрение высшей епархиальной власти епископа и духовной консистории – восходят

³⁰⁹ *О преобразовании*. 1899.

³¹⁰ *ОЕА. II*. 220.

³¹¹ Флавиан (Городецкий; 1841–1915), митрополит Киевский и Галицкий (1903); председатель Особого совещания при Св. Синоде по вопросам брака и развода (1907–1909).

³¹² *ОЕА. II*. 76.

все даже малозначащие дела, которые только затрудняют надлежащее отправление церковного правосудия; 2) от объединения в одном и том же учреждении (консистории) власти судебной и административной, вследствие чего всегда открывается широкая возможность, вместо независимого и беспристрастного рассмотрения дела, пользоваться административными средствами и соображениями; 3) от принятой в церковном судопроизводстве системы бумажно-формальных доказательств, вносящих в живое дело правосудия канцеляризм, медлительность решений и односторонность расследования³¹³.

В отзыве Антония (Соколова), епископа Черниговского, отмечалось, что созванное им совещание

обратило внимание на то, что по каноническим правилам, управление всеми епархиальными учреждениями и духовными лицами вверялось власти епископа (8 пр. 4 Всел. Соб.); суд же над священнослужителями происходил на областном соборе, или, по крайней мере, в собрании нескольких епископов (приводится 29 пр. Карф. Соб.),

тогда как

в настоящее время духовный суд вверен консистории, постановления которой утверждаются епархиальным преосвященным; доноситель и обвиняемый сами не присутствуют и не дают объяснений на суде, свидетели не заслушиваются произносящими судебный приговор судьями.³¹⁴

Во многих отзывах говорилось о необходимости создания свода законов для церковного суда. Как отмечал Геден (Покровский), епископ Владикавказский, «правильное отправление правосудия предполагает точно регламентированный закон»³¹⁵. Об отсутствии единого судебного кодекса как главном недостатке суда писал Никанор (Надеждин), епископ Пермский:

К весьма существенным недостаткам современного церковного суда относится отсутствие в нем определенного юридического кодекса или систематического полного собрания церковных законов с самым точным указанием как пределов юрисдикции церковного суда, так и самих деяний и поступков, подлежащих ведению сего суда³¹⁶.

Анастасий (Добрадин), архиепископ Воронежский также считал желательным

издательство такого законодательного сборника, в котором все законы, определяющие церковное управление и суд, были бы сведены к единству и изложены с совершенной определенностью и точностью, преграждающей возможность усмотрения и перетолкования³¹⁷.

Большинство архиереев высказались за реформу духовного суда. Стефан (Архангельский), епископ Могилевский считал, что

³¹³ ОЕА. I. 524.

³¹⁴ ОЕА. I. 104.

³¹⁵ ОЕА. I. 2.

³¹⁶ ОЕА. II. 368.

³¹⁷ ОЕА. I. 139.

многотрудный и многосложный вопрос о церковном суде желательно конечно было бы разрешить на почве предания и канонических постановлений Вселенской Церкви³¹⁸.

Питирим (Окнов), епископ Курский, считал, что суд должен быть установлен на «основных канонических началах, которые установлены правилами Церкви Вселенской». Он писал:

Было бы желательно возможное, без противоречия канонам Церкви, применение к церковному суду и тех начал судоустройства и форм судопроизводства, какие выработаны позднейшей судебной практикой и положены в основу действующих ныне судебных уставов императора Александра II³¹⁹.

Флавиан, митрополит Киевский, также признавал необходимой реформу церковного суда:

При установленной каноническими правилами полноте власти епископской, более или менее правильное функционирование судебных органов, споспешествующих осуществлению предначертаний епархиального архиерея по управлению епархией, оказывает то или иное, но всегда неотразимое влияние на все стороны жизни епархиального духовенства, то регулируя нормальные отношения между пастырем и паствой – с одной стороны, то определяя миролюбивые, традиционные отношения между членами причта, с другой. Эти функции духовного суда естественно, создают известную зависимость его от условий умственного и нравственного развития духовенства и народа и положения самой Церкви в государстве, почему и органы его должны находиться в постоянном соответствии с этими важными факторами церковно-общественной жизни. Отсюда является возможность и необходимость частичного изменения как внешних форм судопроизводства, так и постепенное усовершенствование его внутренней стороны, т. е. собственного материального права Церкви. Но, изменяясь и совершенствуясь в частностях, – соответственно с общим развитием государственной и общественной жизни, суд Церкви в основе своей должен иметь принципы постоянные, которые должны стоять столь незыблемо и непоколебимо, как и сама Церковь. Это – канонические правила и постановления Вселенских Соборов, в границах коих и должна совершаться вся реформа церковного суда <...>. Согласование этих правил с требованиями современной жизни и приведение их в одно гармоническое целое и составляют первейшую и нелегкую задачу для законодателя в настоящее время, обуреваемое идеями либерализма и радикальных стремлений. Но отсюда отнюдь не следует, что согласование это невозможно и не соответствует положениям церковных канонов³²⁰.

Митрополит Флавиан считал возможным, сообразуясь с условиями современной жизни, изменить роль епархиального архиерея в церковном суде.

Как писал Арсений (Брянцев), архиепископ Харьковский,

³¹⁸ ОЕА. I. 89.

³¹⁹ ОЕА. I. 287.

³²⁰ ОЕА. II. 79.

нельзя не видеть самой настоятельной нужды в преобразовании в этой области духовного суда: это самое больное место в современной епархиальной жизни. Не касаясь здесь детальных недостатков его во всех подробностях, ибо они сколько осознаны, столько же и выстраданы духовенством в течение веков, укажем только на крайнее несовершенство в нем формального производства и недостаточность его личного состава. В этом отношении надобно согласиться вполне с основными принципами реформы суда по проекту высочайше утвержденного 12 января 1870 года Комитета по преобразованию духовно-судебной части³²¹.

Константин (Булычев), епископ Самарский³²², считал, что

судоустройство судебных органов в нашей церкви не соответствует канонам, <...> между каноническим устройством судебных органов и современным светским более сходств, нежели в настоящем устройстве судебных органов Русской Церкви, и что, следовательно, обновление современного духовного судоустройства в этом отношении может идти как по пути устройства канонического, так и по образцу светских судебных органов, ибо между ними нет разногласия и крупной разницы³²³.

Макарий (Невский), епископ Томский тоже писал о том, что «духовный суд, опираясь в своем основании на канонические правила, с внешней стороны <...> должен применяться к существующим формам и узаконениям суда гражданского»³²⁴.

На несоответствие существующего духовного суда и управления церковным канонам указывала комиссия, созданная Евлогием (Георгиевским), епископом Холмским:

Епархиально-консисторский строй управления и суда противоречит тем каноническим началам, которые заложены в основу церковного управления и суда. Епископ теперь есть начальник подчиненного ему духовенства, по формам правления своей власти подобный другим государственным начальникам. <...> Вместе с тем, епархиально-консисторский строй характеризуется полной отрешенностью от жизни и неспособностью удовлетворить самым насущным действительным ее потребностям. Современный русский епископ стоит вне живого общения со своей паствой <...>. Если принятый в консистории канцелярский формальный способ делопроизводства неудовлетворителен для административного управления, то в области судебной он совершенно уничтожает суд, низводя его на степень усмотрения, так как консистория не видит и не слышит обвиняемых <...>. Крайняя неподвижность, почти мертвенность религиозной жизни внутри Церкви и беспорядочное субъективно-произвольное развитие ее вне и за пределами Церкви – одно

³²¹ ОЕА. I. 9.

³²² Константин (Булычев; 1858 – после 1926), канд. физ. – мат. наук (1881), канд. богословия (1894); архимандрит, ректор Витебской семинарии (1896); Киевской семинарии (1900); еп. Гдовский, вик. Санкт-Петербургской епархии (1901); еп. Самарский и Ставропольский (1904), Могилевский и Мстиславский (1911), архиеп. (1915); член Поместного Собора (1917); арестован (1919–1922); в последующие годы несколько раз уклонялся в обновленческий раскол, каялся и вновь уходил в раскол; один из основоположников григорианского раскола (1925).

³²³ ОЕА. I. 444.

³²⁴ ОЕА. III. 361.

из прямых последствий епархиально-консисторского строя управления и суда³²⁵.

В 28 отзывах было высказано пожелание отделения суда от администрации. В 19 отзывах такое отделение признавалось одной из первых задач церковно-судной реформы. Комиссия, собранная Анастасием, архиепископом Воронежским, писала:

Практика духовных судов, иногда прикрывающих духовных лиц от ответственности, ведет к понижению чувства законности в духовенстве. А эта практика частью зависит от того, что функция судебная и административная соединены в одном учреждении, почему, при самой щепетильной честности судей, на их решения влияют соображения административного свойства³²⁶.

Как отмечал епископ Владикавказский Гедеон, отделение суда от администрации,

это основное положение, ставшее азбучной истинной юридической науки, не находит себе применения в действующем законодательстве. Поэтому первой задачей церковной реформы должно быть выделение из нынешней церковно-административной области судного дела и сосредоточение³²⁷ его в особом учреждении³²⁸.

Серафим (Мещеряков), епископ Полоцкий, также считал уместным применение в духовном суде принципа отделения суда от администрации:

в бывших ранее попытках приблизить духовный суд к формам суда светского и поставить его в уровень с последними даже в их основоположениях – не представляется ничего противоцерковного и неканонического уже в силу той тесной связи, в какой всегда находились Церковь и государство и в силу чего Русская Церковь, по примеру древней Церкви, пользовавшейся для своего суда формами греко-римского, гражданского, пользовалась в надлежащих обстоятельствах формами судопроизводства светского суда. И это позаимствование и пользование формами суда светского, гражданского в области судебного церковного права – тем возможнее и желательнее, что нормы светского гражданского права в существенной своей части нисколько не противоречат каноническим соборным началам нашей Церкви. В доказательство последней мысли можно указать на те элементарные формы духовного суда, какие общеприняты были Церковью еще на заре христианства и в период Вселенских Соборов и какие указаны в книге «апостольских постановлений» в описании т. н. «понедельничьих» судов³²⁹.

Об этом же говорил и Харьковский архиепископ Арсений:

Надобно признать необходимым совершенное выделение духовного суда от прочих органов епархиального управления. Судьи должны быть

³²⁵ ОЕА. II. 276.

³²⁶ ОЕА. I. 139.

³²⁷ В тексте: *сосредоточить*.

³²⁸ ОЕА. I. 1.

³²⁹ ОЕА. I. 151.

лица исключительно духовного сана. Производя суд, духовные судьи не принимают участия в делах администрации³³⁰.

На принципе отделения суда от администрации настаивал епископ Калужский Вениамин (Муратовский):

Согласно каноническим постановлениям, право суда в христианской Церкви принадлежит епископам; но, в виду сложности судебного производства и для облегчения многотрудного епископского служения, церковному суду можно было бы дать приблизительно такую организацию:

1) отделить совершенно суд церковный от церковной администрации; 2) избрать в каждом благочинническом округе собранием от клира и мирян особого судью, единолично производящего суд, при чем каждой из тяжущихся сторон предоставляется искать и защищать свои права. Положение судьи, основание суда и порядок судопроизводства указывается определенным уставом. Этот судья ведает кругом дел маловажных, которые по преимуществу оканчиваются миром или незначительным штрафом. По всем апелляциям и протестам благочинных на действия судьи окончательной инстанцией является уездный церковный суд, решение которого по всем апелляционным делам непременно утверждается епископом епархии³³¹.

Об отделении суда от консистории говорилось также в отзывах Симеона (Покровского), епископа Екатеринославского, Анастасия (Добрадина), архиепископа Воронежского³³².

Лишь немногие считали, что духовный суд не нуждается в реформировании. Против реформы суда выступил Паисий (Виноградов), епископ Туркестанский, считавший, что «введение такого состава судей составляло бы напрасную потерю денег»³³³. Наиболее развернуто обосновал свою позицию Антоний (Храповицкий), епископ Волынский:

Отрицая возможность коренного изменения порядка в духовном суде, мы почитаем удобопоправимым лишь способ судебного приговора, который в большинстве епархий зависит не от присутствия консистории, а от судебного стола ее, и определяется либо столоначальником, либо секретарем консистории, либо членом, ведающим судебный стол. При некоторой невнимательности иерарха к делам во всех этих случаях легко возможно пристрастие и взяточничество, так как прочие члены консистории редко заслушивают дела, исходящие из чужого стола, и зачастую подписывают их, не читая³³⁴.

Он подробно аргументировал свой взгляд на то, что суд не может быть осуществлен в соответствии с церковными канонами, поэтому только архиерей может найти способ «смягчить» каноны:

Неизменным юридическим кодексом для церковного суда служит «Книга правил»; и если суд над клириками по сей книге будет происходить с тем характером абсолютной юстиции (*fiat justitia, pereat mundus*), – то всякое судебное дело будет кончаться лишением сана виновных, ибо по сей

³³⁰ ОЕА. I. 9.

³³¹ ОЕА. I. 30.

³³² ОЕА. I. 79, 140.

³³³ ОЕА. I. 52.

³³⁴ ОЕА. I. 123.

Книге должно извергать из сана всякого иерея, если он хоть раз упиется, нарушит пост среды или пятка, возьмет лихву, пойдет на охоту или на зрелище и т. д. Предоставить смягчать приговоры Вселенской Церкви суду формальному совершенно невозможно; это доступно, да и то с сомнением, только духовнику и епископу.

Последнему приходится по большей части просто заминать или нарочно не доводить до конца те весьма многочисленные в каждой епархии дела, которые по прямому смыслу канонов должны бы оканчиваться лишением сана, если бы докапываться до окончательного раскрытия преступлений с такой же настойчивостью, как это делается в судах гражданских. Поэтому епископ, заметив, к чему направляется дело, спешит переводить священника на другой отдаленный приход, наказав его епитимьей как бы за ту сравнительно несущественную часть его проступков, которая успела выясниться сразу, напр., немирлюбивое отношение к некоторым прихожанам, недостаточно благоговейное отношение к церковной службе и т. д. Изменить такой порядок вещей и восстановить каноническую строгость по всей силе возможно будет лишь тогда, когда священство перестанет быть сословной профессией, за которую принимаются поношения и лишение которой делает многосемейного интеллигентного человека нищим и общественным отщепенцем. Меня спросят: а как же неизменные святые каноны оставить без исполнения в духовном суде? Ответим: приходится действовать так с искренним сознанием, что мы допускаем злоупотребление, в коем выражается одна из многих духовных болезней современной Русской Церкви. Почему нам подобает не горделивый взгляд на церковные каноны как на пережиток старины, но взгляд уповательный, исполненный сокрушенного покаяния, – как на утраченное совершенство, возвратиться к которому, до которого возвыситься мы должны³³⁵.

Считая невозможным суд в соответствии с канонами, епископ никак не пытается найти способ излечиться от этой болезни.

Новгородский архиепископ Гурий (Охотин) высказался за сохранение консистории, считая, что достаточно увеличить ее состав выборными судьями:

По моему мнению, нет нужды выделять судебную часть из ведения консистории. Достаточно, для более правильного и беспристрастного разбора в ней судебных дел, назначать в состав членов консистории двух или трех членов, выбранных епархиальным съездом депутатов духовенства на определенное число лет и утвержденных в этом звании епархиальным архиереем³³⁶.

Настаивал на сохранении консистории и Назарий (Кириллов), епископ Нижегородский:

Консистория, разделяя с епископом дело управления Поместной Церковью и заменяя при лице епископов древний совет пресвитеров, вполне

³³⁵ ОЕА. I. 122–123.

³³⁶ ОЕА. II. 176.

может быть местом не только административным, но и судебным, поскольку и епископ не только администратор, но и судья³³⁷.

Владимир (Богоявленский), митрополит Московский, считал, что духовный суд следует оставить в консистории, а для его улучшения предоставить епископу право председательствовать на суде, а также сделать епархиальный суд гласным³³⁸.

Значительная часть отзывов (24) содержала предложения в пользу создания суда, состоящего из *нескольких инстанций*, при этом низшая инстанция должна быть максимально приближенной к пастве и отличаться простотой в делопроизводстве.

Гедеон (Покровский), епископ Владикавказский предлагал устроить суд из двух инстанций: окружной или благочиннический и епархиальный.

В 25 отзывах³³⁹ говорилось о том, что *председателем* церковного суда должен быть епископ. Большинство иерархов, выступая за сохранение за епископом судебной власти, признавали необходимым преобразование церковного суда на раннехристианских началах. Они считали, что суд должен быть устный, состязательный, при разбирательстве должен присутствовать совет пресвитеров.

Антоний (Вадковский), митрополит Санкт-Петербургский, считал необходимым реформировать духовный суд, при оставлении у епископа судебной власти, «по правилам Вселенской Церкви и соответственно уставу русского церковного судопроизводства 1864 г.», – с тем, чтобы процесс в духовном суде был «обвинительным, состязательным, исследовательным»³⁴⁰.

Серафим (Мещеряков), епископ Полоцкий считал, что необходимо применение форм древнехристианского суда, при котором

в случае, например, обвинения священника в обиде, нанесенной им брату о Христе, или вообще, в «неправом хождении перед Господом», – дело по этому обвинению поступало на суд старцев и затем епископа. Суду предшествовало дознание или следствие, уполномоченные епископом собирали справки не только о нравственной личности обвиняемого, но и личности обвинителя, дабы не сделать обвиняемого жертвой клеветников. Затем после следствия в один из понедельников начинался суд. В состав суда входили старцы-пресвитеры. Обвиняемый и обвинитель выходили на середину двора епископа и здесь вели защиту и обвинение в порядке состязательного процесса. Старцы судили по справедливости и правде любовной и затем ставили свое решение или мнение. Это решение не имело окончательной силы и восходило на решение епископа. Епископ, руководимый Духом Божиим и Евангелием, ставил уже окончательное решение или приговор. Таким образом, в основу духовного суда древней Церкви, как видим, положены почти все главные стадии судебного процесса, которые имеются в современном нам светском суде, ибо в этом суде, подобно теперешнему светскому, мы находим и обвинение, и предварительное следствие, и предание суду, и следствие на самом суде, и суд чрез лиц, не имеющих власти ставить окончательный приговор. А раз это так, <...> то в интересах устранения указанных выше недостатков и несовершенств

³³⁷ ОЕА. II. 44.

³³⁸ ОЕА. III. 237.

³³⁹ Мы пользуемся подсчетами С.Г. Рункевича: *Журналы и протоколы. IV*. 2–4.

³⁴⁰ ОЕА. III. 93.

современного нам духовного суда, вызывающих справедливое на него нареkanie со стороны лиц, с ним соприкасающихся, свыкшихся с более совершенными нормами суда светского, не только возможно с точки зрения канонических начал, но и желательно, чтобы наш духовный суд, получивший в свое ведение довольно широкий круг судебных дел, из коих некоторые касаются и светских лиц, пользовался в надлежащих обстоятельствах формами судопроизводства светского суда³⁴¹.

Димитрий (Самбикин), архиепископ Казанский, писал о необходимости восстановить канонические права епископа:

поставленная перед будущим Собором епископов задача приблизить епархиальное управление к каноническим нормам требует изменений и в определении пространства полномочий епископской власти. Пространство этих полномочий со времени Петра I значительно ограничено сравнительно с каноническими нормами, по политическим соображениям³⁴².

Михаил (Темнорусов), епископ Минский, считал, что

председателем епархиального суда должен быть епархиальный архиерей, так как по церковным канонам местный епархиальный суд принадлежит епископу, который канонами признается правителем и судьей в своей епархии³⁴³.

Стефан (Архангельский) епископ Могилевский также предлагал устроить суд из трех инстанций:

первую инстанцию церковного суда для священно-церковнослужителей в их взаимных отношениях и по жалобам мирян сосредоточить в благочинническом совете <...>. Ведению сего суда подчинить дела, кои влекут за собой замечание, выговор и денежный штраф <...>. По делам более важным... благочинническому совету предоставить всю процессуальную сторону суда <...>, окончательное же решение <...> предоставляется епископу с пресвитерским советом. <...> Второй судебной инстанцией по апелляциям на епископский суд и первой инстанцией по делам епископов должен быть митрополичий соборный суд, и, наконец, <...> соборный поместный патриарший суд.

В соответствии с каноническими правилами Православной Церкви <...> как епархиальное управление, так и суд должен сосредотачиваться в руках епархиального преосвященного, который, в административном порядке направляя деятельность духовенства в деле пастырского служения, в судебном следит за уклонениями духовенства от предписанных норм и правил³⁴⁴.

Никон (Софийский), епископ Владимирский, видел в утрате епископами возможности суда над мирянами причину падения нравственности народа:

Церковный суд должен составлять необходимую и неотъемлемую часть епископской власти, которая является высшей в управлении епархии, потому что епископ должен располагать необходимыми средствами против

³⁴¹ ОЕА. I. 151.

³⁴² ОЕА. III. 406.

³⁴³ ОЕА. I. 35.

³⁴⁴ ОЕА. I. 90.

нарушителей правил церковной жизни и деятельности; без них невозможно и управление Церковью. Судебная власть в руках епископа необходима не для одного ограждения внешнего порядка в Церкви, но и для воспитания нравственности в клире и мирянах. Чистота нравов в первенствующие века христианства и в нашей древней Русской Церкви много поддерживалась судебной властью Церкви. Когда круг преступлений, подлежащих ведению Церкви, стал постепенно сокращаться и сократился, можно сказать, до нуля, то по мере сокращения падала и нравственность в христианском народе. Теперь, например, ограбление церкви перестало считаться тяжким преступлением, каково святотатство, и приравнивается в сознании многих к обыкновенному воровству, потому что это преступление совершенно перешло из ведения церковного суда в суд светский <...>.

Церковный суд должен иметь намеченные канонами инстанции: епископский, областного собора (митрополичий) и Собора всей автокефальной Церкви³⁴⁵.

Предоставить суд епископам считал необходимым и Иоанникий (Казанский), епископ Архангельский:

Никакой особый орган, кроме епархиального епископа, не может с надлежащей отчетливостью и ясностью сообразить всю совокупность епархиальных дел и интересов. Только в умопредставлении епископа, как в фокусе, должны и могут отражаться и отражаются все нити и пути водительства епархиальной жизнью.

1) Количество судебных дел в епархии очень незначительно (во вверенной мне епархии в среднем ежегодно до 50 всех дел, из них более важных – не более 15); организовать для решения этих дел особое учреждение было бы <...> делом, не упрощающим, <...> а усложняющим епархиальное судопроизводство.

2) Введение в церковное судопроизводство начал светских судебных уставов, очень мало применимых к подлежащим суду консистории проступкам священно-церковнослужителей (пьянство, вымогательство, несоблюдение предбрачных предосторожностей, бесчинное совершение богослужения), по существу, практически, едва ли осуществимо. Как может епархиальный суд осуществить практикуемые светскими судами, т. н. «обеспечения правильности судопроизводства»: гласный расспрос судьями сторон, свидетелей и защитников, когда, напр., подсудимый иерей проживает в Александровском, Кемском или Печорском уездах, или, когда свидетели, особенно многочисленные, не пожелают ехать в Архангельск за тысячи верст по невозможной дороге, бросая на произвол судьбы свои семейства и промыслы³⁴⁶?

Митрополит Киевский Флавиан предлагал оставить для ряда проступков единоличный суд епископа без формальностей, так как «нравственное воздействие личности епископа <...> простирается на весь круг жизни духовных лиц и не подлежит точной регламентации, как и вообще отношение отца к своим детям»³⁴⁷.

³⁴⁵ ОЕА. I. 222.

³⁴⁶ ОЕА. I. 328.

³⁴⁷ ОЕА. II. 82.

По мнению епископа Холмского Евлогия, «вся полнота власти должна перейти к совету пресвитеров во главе с епископом». Евлогий подчеркивал особый характер епископского суда: это

суд совести, суд духовно-нравственный и при этом всегда суд не столько правды, сколько милосердия (...). Упразднив этот суд, мы устраним одно из могучих нравственных воздействий на клир³⁴⁸.

На предоставлении епископу исключительного права суда настаивал и Филарет (Никольский), епископ Вятский:

Изъятый из ведения консистории, церковный суд должен находиться в исключительном ведении епископа, к которому, в силу канонических требований, неприменим принцип разделения власти административной и судебной³⁴⁹.

За председательство епископа на суде высказался и Сергей (Страгородский), архиепископ Финляндский, при этом судьи, по его мнению, должны быть выборными:

Судебное присутствие составляется, под личным председательством епархиального архиерея или его наместника, наполовину из членов консистории и наполовину из особо избранных епархиальным съездом духовных судей – пресвитеров, по двое от тех и других. Судьи избираются пожизненно³⁵⁰.

По мнению других архиереев, епископ должен только *утверждать* решения суда. Как писал Алексей (Молчанов), епископ Таврический,

Все приговоры епархиального суда подлежат утверждению епархиального преосвященного, если он сам не присутствует в заседаниях епархиального суда³⁵¹.

Владыка Гедеон предлагал такое устройство, при котором низшая инстанция – благочиннический суд – состоит из трех священников, выбранных духовенством и утверждаемых епископом.

Окружные судьи решают подсудные им дела окончательно, не представляя своего решения на утверждение епископа. Епархиальный суд – три священника, выбранных и утвержденных Синодом. Епархиальный суд имеет значение не совещательного только учреждения при епископе, а право пастырского коллегиального учреждения. Епископ утверждает, в случае несогласия – отменяет, а отправляет в Синод³⁵².

В отзыве Калужского епископа Вениамина также предполагалось, что «свои постановления и решения епархиальный суд предоставляет на утверждение епископа»³⁵³.

О высшей инстанции писал в своем отзыве преосвященный Арсений Харьковский:

Высшую инстанцию духовного суда представляет судебное отделение при верховно-российской власти. Оно простирает свою власть на всю российскую Церковь и состоит из первоприсутствующего и членов

³⁴⁸ ОЕА. II. 470.

³⁴⁹ ОЕА. II. 516.

³⁵⁰ ОЕА. III. 263.

³⁵¹ ОЕА. III. 69.

³⁵² ОЕА. I. 2.

³⁵³ ОЕА. I. 30.

архиерейского и пресвитерского сана, причем архиерейского сана с первоприсутствующим полагается две, а пресвитерского одна треть. Все эти лица назначаются по представлению высшей церковной власти, Высочайшей властью. Здесь производится суд над епископами и по апелляциям на епархиальные духовные суды³⁵⁴.

Многие были сторонниками *выборности судей*.

В ряде Отзывов говорилось о необходимости создания *пресвитерского совета* для суда.

Как писал архиепископ Харьковский Арсений,

в составе сего суда должны быть шесть протоиереев или иереев, три из города, три из сел, выбранных самим духовенством и утвержденных епархиальным архиереем.

О пресвитерском суде писал и Владимир (Сеньковский), епископ Кишиневский: «Собор пресвитеров должен быть учреждением административно-судебным»³⁵⁵.

Комиссия, созданная Вениамином, епископом Калужским, считала, что состав епархиального духовного суда должен утверждаться епископом; из пяти его членов один должен быть назначен епископом, а остальные четверо – избираются епархиальным церковным собранием³⁵⁶.

Предложение создать иерейский «суд совести» содержалось в отзыве Анастасия, архиепископа Воронежского:

было признано желательным введение иерейского суда совести на благочиннических съездах. Есть пороки, которые не могут быть предметом разбирательства в обычном судопроизводстве, – такие пороки делают клирика нетерпимым среди пастырей. Среди пастырей может оказаться человек, служащий соблазном для округа. Обыкновенно такие люди спокойно носят рясу, служа соблазном для пасомых. Для формального суда такие люди неуязвимы, а между тем они приносят страшный вред Церкви. В этом случае благочинническому съезду и должно быть предоставлено право суда над своими братьями. Тогда указанные лица будут внимательнее относиться к советам и замечаниям своих сослуживцев. Суд братский носит характер чуждый формального делопроизводства. Он состоит а) в объявлении обвиняемому, что его соблазнительная жизнь известна окружающему духовенству, которое считает ее не совместимой с пастырским званием; б) если это предостережение не возымеет силы, съезд неформальным же порядком доносит о соблазнительной жизни архипастырю, прося его сделать ему архипастырское вразумление; в) если и эта мера не подействует, съезд имеет право ходатайствовать перед архипастырем об исключении обвиняемого из окружающей среды духовенства³⁵⁷.

Гурий (Буртасовский), епископ Симбирский также предлагал

вести в практику жизни духовенства епархии братский суд чести священно-церковнослужителей под руководством духовников, цель и задача

³⁵⁴ ОЕА. I. 26.

³⁵⁵ ОЕА. I. 186.

³⁵⁶ ОЕА. I. 30–31.

³⁵⁷ ОЕА. I. 147.

какового должна состоять не в том, чтобы подвергать суду карательному провинившихся собратий, а принимать все меры в духе любви Христовой к тому, чтобы влиять на исправление нравов, в чем бы ни проявлялось уклонение последних от норм христианской жизни, особенно когда они вызывают в большей или меньшей степени соблазн в прихожанах³⁵⁸.

Епископ Орловский Кирион писал о пресвитерском суде, чьи постановления утверждаются епископом:

вместо консистории нужно ввести совет пресвитеров, постановления которого утверждаются епископом;

низшие судебные инстанции: 1) избираемый на 2 или 3 благочиннических округа судья-пресвитер 2) съезд судей уезда 3) епархиальный суд пресвитеров 4) апелляционный митрополичий суд 5) соборный³⁵⁹.

О пресвитерском суде писали также епископы Владимир Кишиневский и Полтавский Иоанн (Смирнов)³⁶⁰.

Никанор (Каменский), епископ Гродненский считал, что

епархиальный суд может совершаться через освященный совет при епископе.

Важнейшие дела епархиального суда и управления могут быть разрешаемы в ежегодном епархиальном соборе духовенства и мирян³⁶¹.

Почти во всех отзывах говорилось о необходимости введения института *духовных следователей*, которые могли бы квалифицировано подготовить дело для суда.

Об этом писал архиепископ Арсений Харьковский:

Предварительное расследование дел на местах должно быть предоставлено духовным следователям, выбранным округом и утвержденным епархиальным архиереем на три года; от сих лиц дела подготовленные поступают в духовный суд³⁶².

О духовных следователях писали епископы Вятский Филарет³⁶³ и Смоленский Петр³⁶⁴, архиепископ Финляндский Сергей (он отметил необходимость юридического образования для следователей)³⁶⁵, епископ Томский Макарий³⁶⁶.

* * *

Таким образом, Отзывы содержали богатый материал по критике консисторских порядков. Архиереи писали о необходимости изменения порядка судебного процесса. Большую роль в судебном процессе отводили институту следователей.

³⁵⁸ ОЕА. II. 6.

³⁵⁹ ОЕА. I. 524.

³⁶⁰ ОЕА. I. 186; II. 324.

³⁶¹ ОЕА. I. 178.

³⁶² ОЕА. I. 9.

³⁶³ ОЕА. II. 516.

³⁶⁴ ОЕА. III. 40.

³⁶⁵ ОЕА. III. 263.

³⁶⁶ ОЕА. III. 361–362.

Несомненно, что большинство архиереев знали о полемике вокруг деятельности Комитета митрополита Макария и многие поддерживали проект А.Ф. Лаврова. Значительная часть архиереев хотела сохранить судебную власть за епископом с привлечением к участию в суде пресвитеров. Многие ссылались на те же каноны и приводили те же аргументы, что А.Ф. Лавров. Но в то же время почти половина иерархов высказались за проведение принципа отделения суда от администрации. Многие писали о необходимости создания низшей инстанции церковного суда, близкой к приходу.

Очевидно, что подавляющее большинство епископов стояло за реформу церковного суда, однако не было ясности в том, каким же образом должен быть организован суд.

Предсоборное Присутствие

В Предсоборном Присутствии был создан III Отдел об организации церковного суда и пересмотре законов по делам брачным вообще и о смешанных браках.

Отдел начал свою работу 14 марта 1906 г. Председателем был архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий)³⁶⁷, к работе привлечены протоиереи М.И. Горчаков и Ф.И. Титов, профессора-канонисты М.Г. Красножен³⁶⁸, Н.С. Суворов, Н.А. Заозерский, генерал-лейтенант А.А. Киреев.

Выступавшие говорили, что необходимость реформы была очевидна уже в 70-е гг. XIX в. Протест архиереев против реформы и причину ее неудачи архиепископ Иаков объяснял тем, что «обер-прокурор граф Толстой направлял дело в заранее определенной тенденции к строгому подчинению духовенства государственной власти»³⁶⁹.

Профессор Суворов отметил недостаточную разработанность вопросов, подлежащих обсуждению отдела, а также несогласие в Отзывах епархиальных архиереев³⁷⁰.

Перед Отделом встала новая проблема *суда над мирянами* по церковным преступлениям, так как в новом Уголовном уложении, принятом 22 марта 1903 г., упоминание о церковном покаянии как мере наказания за уголовные преступления вообще отсутствовало³⁷¹, а также были опущены статьи о наказании за отступление от веры. Значительно сокращены были также статьи о преступлениях против веры (в старом Уложении их было 65, в новом только 26 статей)³⁷².

В Отделе говорили о несовершенстве работы церковных судов. Отмечалось, что в церковных судах отсутствует единая система наказаний, что по одному и тому же делу в разных епархиях будут вынесены разные решения, потому что суд будет руководствоваться разными несовпадающими законами. Н. Заозерский напомнил, что

в Уставе духовных консисторий указаны лишь немногие преступления и взыскания; Преосвященные при определении наказаний руководствуются своею мудростью и опытом, иногда резолюциями митрополита Филарета, но определенных положений нет. Выработка устава необходима в интересах правильности судопроизводства и единообразия в решении судных дел³⁷³.

Отдел распределил работу между участниками: протоиерей Михаил Горчаков должен был подготовить предложения о компетенции церковного суда, Н.С. Суворов – о судоустройстве, Н.А. Заозерский – о судопроизводстве, А.А. Киреев – о смешанных браках, протоиерей Феодор Титов – о суде чести.

Однако камнем преткновения в работе Отдела стал нерешенный вопрос о месте епископа в проектируемой реформе суда.

³⁶⁷ Иаков (Пятницкий; 1844–1922), архиеп. Ярославский; Казанский и Свияжский (1910), митр. (1917); Томский (1920); арестован (1922).

³⁶⁸ Красножен Михаил Георгиевич (1860–?), экстраординарный (1893), ординарный (1895) профессор церк. права Юрьевского ун-та; д-р церк. права (1901).

³⁶⁹ *Журналы и протоколы. I. 556.*

³⁷⁰ Там же. 556.

³⁷¹ Там же. Предшествующее законодательство предусматривало церковное покаяние, в частности, с заключением в монастырь детей от 10–14 лет (вместо ссылки в Сибирь и отдачи в исправительные арестантские роты или в работные дома); незамужних женщин за согласие на похищение для вступления в брак и за прелюбодеяние; за кровосмешение; за прелюбодеяние в таких степенях родства, «в коих по церковным правилам, не воспрещено вступать в брак». См.: *Уложение о наказаниях*.

³⁷² Бердников. *О реформе*. 22–23.

³⁷³ *Журналы и протоколы. I. 557.*

Сторонником отделения суда от администрации выступал Н.А. Заозерский:

Вопрос об отделении судебной власти от административной вызывается не прихотью, а существом дела. <...> Потребность выделения суда – дело, вызываемое самой природой. Более трудный вопрос – положение епархиального архиерея в отношении суда: выделять ли все судопроизводство и поставить во главе его викария, или же проект решений предоставить епархиальному архиерею. Участие архиерея требуется лишь некоторыми делами, как например, лишение сана³⁷⁴.

Ему возражал Н.С. Суворов:

отделение судебной власти от административной в свое время признаваемо было научным догматом, но в настоящее время это уже не догмат, и целесообразность отделения судебной власти от административной возбуждает большие сомнения³⁷⁵.

Кроме того,

епархиальный суд под председательством викария, без участия епархиального архиерея был бы противен каноническим требованиям, и при втором проекте, когда решение предоставляется на утверждение архиерея, архиерей все равно должен знать дело, утверждая решение. Вопрос об отделении судебной власти от администрации сводится к тому, сделать ли для епархиального суда учреждение, отдельное от консисторий.

Поэтому он предложил ограничиться тем, что ввести в состав судебного отделения трех выборных священников, как это планировалось в Отзывах³⁷⁶.

Тем не менее, большинство выступавших считало необходимым провести разделение суда от администрации, поэтому Н.А. Заозерский отметил: «Вопрос об отделении суда от администрации можно считать решенным»³⁷⁷. Однако канонистам никак не удавалось определить место епископа в судебном процессе. Заозерский говорил о существовании третейского суда в древности и ссылаясь на правило IV Всел. 9. Профессор также упоминал о практике суда благочинных над священниками, которую считал недопустимой:

И ранее благочинные обладали правом суда, и недавно еще была такая практика. Но эта практика привела к ненависти в отношении к благочинным. <...> Уполномочивать благочинных судить пресвитера – святотатство³⁷⁸.

Так и не выработав общую концепцию суда, канонисты перешли к разработке проектов.

Прот. М. Горчаков уже 15 марта представил проект Церковно-судного устава³⁷⁹. Предложения Горчакова касались ведомства церковного суда, мер исправления и взыскания. Было дано определение преступления, подлежащего церковному суду:

Церковное преступление есть такое деяние против правил церковных, православного учения, нравственного закона и порядка, которое, будучи

³⁷⁴ Там же. 558–559.

³⁷⁵ Там же. 571.

³⁷⁶ Там же. 559.

³⁷⁷ Там же. 501.

³⁷⁸ Там же. 573.

³⁷⁹ Там же. 560–563.

обнаружено и в судебном порядке доказано, подлежит определенному законодательной властью Поместной Церкви наказанию³⁸⁰.

В качестве наказаний проект Горчакова предусматривал замечание, внушение, выговор простой и строгий, обличение в собрании, лишение права участия в управлении делами церкви и права на занятие той или другой должности в церковном обществе, устранение от должности, денежные взыскания, епитимья по назначению епархиального суда для прохождения под руководством духовного отца, объявление о непринадлежности к составу церковного общества, лишение церковного погребения.

Для псаломщиков, монашествующих и священнослужителей были предусмотрены вычеты из доходов, епитимья в монастыре, запрещение на срок, устранение от должности, увольнение за штат, запрещение в священнослужении, низведение на низшую должность, лишение должности и сана, исключение причетника из ведения церковной власти.

При обсуждении Заозерский выступил с предложением заменить монастырскую епитимью в качестве наказания перемещением в бедный приход, на что Суворов резонно ответил, что подобное перемещение было бы бесполезно для прихода.

В число преступлений, подлежащих церковному суду, было предложено включить распространение и чтение изданий безнравственного содержания и «привнесение священником личных и корыстных целей в сферу своих отношений к пастве собственно по долгу священнического служения»³⁸¹.

На основании сводки Отзывов архиереев Н. Суворов сформулировал принципы, которые желательно было положить в основу устройства суда:

- 1) отделение суда от администрации;
- 2) создание местных судов, близких к приходам;
- 3) создание учреждений, подобных институту присяжных;
- 4) допущение обвинения и защиты;
- 5) обособление следственной власти;
- 6) создание нескольких судебных инстанций.

Обсуждался также вопрос о создании «суда чести» для духовенства. Против выступил Н. Суворов:

По моему мнению, иерейский суд чести более опасен, чем непосредственный архиерейский суд; возможность же произвола со стороны архиерея может быть устранена возложением на архиерея обязанности <...> оправдать перед высшей властью свой образ действий³⁸².

Н. Заозерский положил в основу своего проекта судостройства из 185 статей те же принципы, которые лежали в основе гражданской судебной реформы: суд должен быть гласным, обвинительным и состязательным. При этом Н. Заозерский ссылаясь на А.Ф. Лаврова³⁸³.

Власть обвинительная предоставлялась обвинителю, пресвитеру или частному лицу – потерпевшему. Вводился институт следователей. Для каждого дела предусматривались две инстанции. Предусматривался также непосредственный архиерейский суд по незначительным делам.

Однако подход Заозерского вызвал критику со стороны профессора Новороссийского университета А.И. Алмазова, заявившего, что

³⁸⁰ Там же. 561.

³⁸¹ Там же. 564.

³⁸² Там же. 575.

³⁸³ Заозерский был учеником А.Ф. Лаврова в МДА. См.: *У Троицы*. 637–645.

в духовную сферу переносится целиком весь светский процесс, основанный на формальностях, но формализм, присущий светскому процессу, не должен быть переносим в духовный суд: в последнем должны действовать не столько строгие формальные тонкости, сколько доверие, убеждение и исправление. <...>

Задача духовного суда – исправлять, а не карать. Вы весь результат судопроизводства сводите к формальному расследованию подлежащего суду деяния и каре за него и совершенно оставляете в стороне то исправление внутренней личности, какое именно и должно быть результатом духовного, хотя бы и формального суда³⁸⁴.

Н.А. Заозерский, в свою очередь, отстаивал возможность применения в деле духовного суда принципов, выработанных в светском суде:

С какой же стати стесняться нам применять порядок, представляющий собой результат европейской науки, апробированный, обеспечивающий раскрытие судебной истины, выдерживающий требование гуманности. <...> Лучше всего применять сначала к церковному суду Судебные уставы императора Александра II во всей цельности и чистоте, а искажать, изменять их нормы будем тогда, когда нас вынудит к этому опыт жизни³⁸⁵.

Противники отделения суда от власти епископа считали, что только епископ может смягчать приговоры. Однако Заозерский оспаривал и эту точку зрения:

Вы все упираете на Евангелие, что оно требует снисхождения. Я же скажу вам: *нет преступлений отвратительнее церковных*. Дух Евангелия требует изобличать зло во всей силе³⁸⁶.

На необходимости формального суда настаивал и о. Михаил Горчаков:

Нормы прав и отношений устанавливаются законодательной властью и обычаем. Если таких норм в обществе нет, а споры из-за отношений возникают, требуется, чтобы суд решал такого рода дела³⁸⁷.

В ходе дискуссии стало очевидным, что само понятие церковного суда и его характера вызывает разногласия. В связи с этим возник вопрос о церковной дисциплине и мерах ее поддержания. Выступавшие говорили о необходимости восстанавливать церковную дисциплину на уровне приходов. При этом отмечалось, что священник должен опираться на поддержку прихожан; был поставлен и вопрос о возможности создания приходского суда. Как предлагал о. М. Горчаков,

нужно образовать приходской суд из выборных прихожан, имеющих вес. Когда выборные составят суд, через них и можно было бы действовать на прихожан. <...> В пользу этого суда утверждает и практика некоторых инославных обществ, показывающая, что введение приходского суда сопровождается благотворными последствиями³⁸⁸.

Положения об обвинителях, о судебных следователях, о гласности суда также вызвали дискуссии. Принцип гласности церковного суда отстаивали М.Г. Красножен и о. Ф. Титов.

³⁸⁴ Журналы и протоколы. I. 612, 615.

³⁸⁵ Там же. 614, 653.

³⁸⁶ Там же. 620.

³⁸⁷ Там же. 628.

³⁸⁸ Там же. 665.

Большинство голосов было подано за гласный суд, но профессор Алмазов выступил с особым мнением о неприменимости гласности в деле духовного суда³⁸⁹.

По итогам обсуждения Отделом были приняты следующие положения:

1. В виду неясности и устарелости раздела «Об епархиальном суде» в Уставе духовных консисторий, должен быть составлен и издан, в видах улучшения церковного суда, новый церковно-судный устав, заключающий в себе правила о компетенции церковного суда, о судоустройстве и судопроизводстве.

2. Суд церковный действует по церковно-судному Уставу, составленному на основании Слова Божия, канонов Вселенской Церкви, постановлений Русской Церкви и действующего государственного законодательства.

3. В отделе компетенции церковного суда должны быть изложены определенные положения о подсудности, о мерах исправления и взыскания по церковному суду и применении этих мер.

4. В области судоустройства: необходимо образование в подразделениях епархии местных судов по делам сравнительно меньшей важности.

5. Ряд инстанций церковного суда нужно начать с прихода, в котором желательна организация в известном виде церковной дисциплины, с привлечением прихожан к участию в устранении противохристианских явлений среди церковного прихода.

6. Ближайшая местная над приходом инстанция может быть образована в пределах благочиннического округа или в пределах двух или трех благочиннических округов, сообразно с местными условиями.

7. Отделение суда от администрации желательно в том смысле, чтобы дела административные и судные, состоя в ведении соответственной высшей церковной власти, внедрялись не одним и тем же органом.

8. Обвиняемому предоставляется право иметь защитника, в качестве обвинителя действует один из членов суда, не участвующий в постановлении приговора по данному делу.

9. В каждом местном округе, в котором образована будет местная судебная инстанция, один из членов местного суда есть следовательно, как по делам, входящим в компетенцию местного суда, так по делам, подведомственным епархиальному суду.

10. Для рассмотрения дел по существу допускается не больше двух инстанций: епархиальная – по решениям приходских органов и местных судов, и центральная – по решениям епархиальных судов.

11. Суд непосредственно архиерейский должен быть сохранен, но ст. 155 Устава духовных консисторий³⁹⁰ должна получить такую редакцию, чтобы в ней выдерживалась мысль о непосредственном архипастырском влиянии и назидании, без допущения поручения со стороны архиерея сделать вразумление через доверенное лицо.

12. В области судопроизводства: суд по обвинению членов Церкви в преступных деяниях должен совершаться по началам обвинительного

³⁸⁹ Там же. 690–693.

³⁹⁰ Статья определяла порядок единоличного архиерейского суда.

процесса, а споры и жалобы разрешаются в порядке примирительного разбирательства или процессом состязательно-исследовательным.

13. Церковный суд должен быть открытым для посторонних лиц по усмотрению председателя суда.

14. Приговор о виновности, или невинности подсудимых постановляется по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при следствии и суде³⁹¹.

При возобновлении работы Отдела после летнего перерыва было объявлено, что на обсуждение общего собрания Присутствия будет вынесен главным образом вопрос об отделении судебной власти от административной, а также вопрос о низшей инстанции суда³⁹².

Вопрос о месте архиерея в суде никак не получал однозначного разрешения. Как заметил председатель, легко проектировать разделение властей верхней и нижней инстанций. Иное дело – в епархиях, где

вся власть сосредоточена в лице архиерея. Вот здесь и заключается затруднение. Епархиальный архиерей – сосредоточение административной власти. Оставить ли в его руках и судебную власть или, так или иначе, устранить его от нее?³⁹³

Наиболее последовательно отстаивал необходимость разделения Н.А. Заозерский, не соглашавшийся в этом отношении со своим учителем Алексием (Лавровым). Канонист считал, что последний неправомерно отнес те каноны, которые говорят о чисто административной деятельности архиереев, к их судебной власти. Даже при патриархах суд был в руках пресвитеров. Заозерский утверждал, что если и может быть председателем суда епископ, то только викарный, и не должно быть у епархиальных судей необходимости предоставлять приговоры на утверждение правящего архиерея³⁹⁴. В обоснование своей позиции Н. Заозерский указывал на противоположность деятельности администратора и судьи. Администратор должен заботиться о субординации, в то время как «предметом судебного действия служит только спор о праве или действительное правонарушение». Объединение судебного и административного начала возможно там,

где члены общества отличаются высокими нравственными качествами до самопожертвования своею личностью в пользу общего блага, или там, где численный состав общества мал. Ни того, ни другого нельзя сказать о наших современных епархиях. И нравы, и дух времени, и многочисленность наших епархий требуют непрерывного строгого и независимого суда³⁹⁵.

Кроме того, способ судебного производства различен от административных действий. Судья связан точными правилами судопроизводства, в то время как администратор не может быть нелицеприятен³⁹⁶.

Н.А. Заозерский рассмотрел возражения, содержащиеся в Отзывах архиереев и основанные на мысли о противоречии отделения суда каноническому строю. Речь, однако, не идет о том, что у архиереев хотят отнять судебную власть. Нужно ставить вопрос по-другому: обязан ли епископ сам судить или может поручить исполнение суда другим членам Церкви. Как свидетельствует история, три первых века суд совершался с участием псалом-

³⁹¹ Там же. 694.

³⁹² *Журналы и протоколы. IV. 2.*

³⁹³ Там же. 4.

³⁹⁴ Там же. 7.

³⁹⁵ Там же. 12.

³⁹⁶ Там же. 13.

щиков. Существовал в Церкви и третейский суд. Как свидетельствует правило Карф. 113, подсудимые имели право на избрание судей. И эта практика не вызвала канонического порицания. Независимый суд учреждается не к умалению прав епископа, а ради облегчения его непомерного труда и ради пользы для правосудия и самой епархиальной администрации. При этом епископ может сохранить право председателя на суде – «разумеется, с возложением всей ответственности, соединенной со званием председателя»³⁹⁷.

Кроме того, высказывался довод о том, что в обществе не могут существовать два суда, основанных на разных принципах: *«Суд должен быть один, и правда одна... А то будет какая-то особая правда, особая психология у церковного суда»*.

Аргументы Н. Заозерского поддержал А. Алмазов, сославшись на то, что при разработке Судебных уставов 1864 г. Государственный Совет обстоятельно разъяснил невозможность совмещения судебной и административной власти, поскольку «при таком совмещении администрация является судьей в своем собственном деле и потому не может судить беспристрастно»³⁹⁸. Согласился с этой аргументацией и профессор И.С. Бердников. Вместе с тем, он считал, что председателем суда должен оставаться архиерей,

но фактически должен вести дело наместник архиерея с званием товарища председателя. Личное фактическое присутствие архиерея в заседании суда в качестве председателя неудобно в том отношении, что архиерей подавлял бы членов суда своим саном³⁹⁹.

В итоге обсуждения предложения Отдела были сформулированы И.С. Бердниковым в виде проекта «Основных начал реформы по церковному судоустройству»⁴⁰⁰. Документ открывался тезисом: «Реформа в устройстве церковного суда не должна быть в ущерб полноте архиерейской власти». Далее были описаны судебные органы: благочиннический суд, епархиальный («коллегия пресвитеров под председательством наместника епархиального архиерея») и Особое собрание Святейшего Синода. Приговоры первой и второй инстанции суда сообщаются епархиальному архиерею для просмотра с правом переноса в высшую инстанцию. Для суда над членами Синода предусматривалось Общее собрание Святейшего Синода и Судебное отделение под председательством патриарха.

27 ноября 1906 г. проект был вынесен на общее собрание Предсоборного Присутствия. Прот. М. Горчаков и Н.А. Заозерский пытались направить дискуссию в русло обсуждения церковно-судного устава, что поддержал и Н.Н. Глубоковский:

Суд, коему не дан даже в руководство определенный материальный закон, обречен самою силою вещей, самою сущностью судебной власти, обязанной именно применять закон, на весьма жалкое существование. Какой же это суд, хотя бы и духовный, который не знает, за что и к чему он приговорит⁴⁰¹.

Однако основной проблемой вновь стали полномочия архиерея. За сохранение епископского суда выступил архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), повторяя изложение своей позиции в Отзывах:

Вести дело на строгом основании канонов нельзя, и процессы ведутся заведомо фальшиво. Не лучше ли вместо лицемерного правосудия держаться милосердия? <...> С точки зрения духовных законов большая часть

³⁹⁷ См.: Там же. 14–16.

³⁹⁸ Там же. 16.

³⁹⁹ Там же. 10.

⁴⁰⁰ Журналы и протоколы. III. 171–172.

⁴⁰¹ Там же. 239.

духовенства подлежала бы суду. Если отеческо-пастырскую точку зрения из сферы духовного суда устранить и применить все церковные правила, то не пройдет и года, как все почти духовенство будет отдано под суд, даже и сами архиереи. По церковным канонам за пьянство, блуд, драку и даже самозащиту, также за злоупотребление церковными суммами, – клирики подлежат извержению из сана. Кто же тогда останется в клире? Спрашиваю, кто, кроме архиерея, дерзнет смягчать приговоры Вселенских Соборов, дающих ему только подобные полномочия? Конечно, и такое смягчение канонов есть превышение власти, но архиерей берет уже на свою совесть, кроме того, он может улаживать те или другие инциденты с духовными лицами, например, переводом их в другой приход... Отделение суда от администрации погубит духовенство и сделает совершенно невозможной церковную жизнь⁴⁰².

Архиепископ Сергей (Страгородский) выступил тоже за сохранение за архиереем права «личного пастырского суда»⁴⁰³. Решительными противниками отделения суда от власти епископа выступили Н.П. Аксаков и А.А. Дмитриевский⁴⁰⁴.

Однако И.С. Бердников и профессор церковного права Харьковского университета М.А. Остроумов утверждали, что речь идет не «об умалении власти архиерейской, а об облегчении судебной деятельности епископа, об организации вспомогательного ему органа»⁴⁰⁵.

С решительной критикой существовавшего епископского суда выступил Н.Д. Кузнецов⁴⁰⁶, подчеркивая особенность России: ее *большие епархии*, в которых епископ не может вникать во все дела:

Епископу свойственно весь церковный суд творить нравственно-духовным образом, а не наподобие обыкновенного суда гражданского. Однако «...» одного нравственно-духовного архиерейского суда оказывается далеко недостаточно. Прежде всего, конечно, это объясняется тем, что русские епископы из архипастырей, близко стоящих к пастве и духовенству, превратились в администраторов больших церковных округов, называемых епархиями, которым уже в силу своих человеческих способностей некогда, да и невозможно входить непосредственно в нужды и поступки каждого даже из духовенства. И вот в России в области Церкви, при старании сохранить непременно непосредственный архиерейский суд, в действительности образовалась какая-то пародия на суд вообще. В существующем церковном суде не только уже не видно признаков нравственно-духовного архиерейского суда, но и сам суд совершается епископами по бумагам при полном устранении живой

⁴⁰² Журналы и протоколы. II. 174–175.

⁴⁰³ Журналы и протоколы. III. 174.

⁴⁰⁴ Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929), магистр богословия (1883), д-р церк. истории, проф. Киевской дух. академии по кафедре литургики (1896); член-корр. Российской АН (1903); проф. греч. языка (1918–1922) и проректор Астраханского ун-та; псаломщик Астраханского кафедрального собора; арестован (1922); член Славянской комиссии АН (1923), русско-византийской комиссии; проф. богословских курсов центрального района Петрограда (1923–1925), Высших богословских курсов в Ленинграде (1925–1928).

⁴⁰⁵ Журналы и протоколы. III. 175–176.

⁴⁰⁶ Кузнецов Николай Дмитриевич (1863–1930), присяжный поверенный Моск. суд. палаты (1901), церк. публицист, член Предсоборного Присутствия (1906) и Свящ. Собора (1917–1918); магистр богословия (1911); проф. церк. права Православной народной академии, член исполнит. бюро Совета объединенных приходов Москвы (1918–1919); в заключении (1918, 1919–1921, 1924–1925), в ссылке (1926–1930).

личности подсудимого. Исход дела почти всегда предreshается данными формального следствия, никем не контролируемого и предоставляемого чуть ли не полному усмотрению духовного следователя, часть очень мало даже знакомого с требованиями следственного производства. На такой почве естественно возникает всякого рода жалобы уже давно раздающиеся в России на церковный суд, на его мертвенность и односторонность, на полное игнорирование в нем личности подсудимых и т. п. Если чутко прислушаться ко всем этим жалобам, то можно подумать, что в области русского церковного суда затерялась самая идея правильного отношения к лицам, ему подвергающимся.

Единственным выходом Кузнецов считал полное самоустранение епископов от суда, который планируется как внешний, формальный, а не духовно-нравственный.

Принятие на себя со стороны епископов подобного церковного суда слишком резко выдвинуло бы их в качестве обыкновенных судей, власти внешней, для которой нравственно-духовные отношения не имеют значения, и по-прежнему где-то высоко и далеко стоящей от паствы и духовенства. Поэтому именно в интересах охранения духовно-нравственного пастырского авторитета епископа всего удобнее передать предполагаемый церковный суд другим... Это прямо требуется в интересах правосудия, о которых духовенство тщетно хлопочет уже несколько десятков лет⁴⁰⁷.

В результате дискуссии были выдвинуты на голосование следующие формулировки первого параграфа обсуждаемого документа:

Автор предложения: Аксаков

Формулировка: Суд в Церкви принадлежит епископу, а потому только отдельные части судопроизводства, как-то: судебное следствие, определение состава преступления или проступка и степени виновности обвиняемого, могут и должны быть определены особым органом, при оставлении за епископом самого предания суду кроме случаев частного обвинения, равно и произнесение приговора.

Голосов «за»: 12

Голосов «против»: 30

Автор предложения: Дмитриевский

Формулировка: Церковный суд производится епископом и пресвитерами по его уполномочию.

Голосов «за»: 8

Голосов «против»: 34

Автор предложения: Архиеп. Димитрий

Формулировка: Во главе епархиального суда стоит епархиальный архиерей. Пастырско-судебную власть свою епархиальный архиерей осуществляет через епархиально-судебные учреждения.

Голосов «за»: 25

Голосов «против»: 16

⁴⁰⁷ Журналы и протоколы. III. 192–193.

Автор предложения: Алмазов

Формулировка: Церковный суд производится особо предназначенными для этого церковными установлениями при соблюдении всей полноты прав и власти епископа⁴⁰⁸.

Голосов «за»: 30

Голосов «против»: 12

При этом почти все архиереи проголосовали за формулу архиепископа Димитрия, трое – за формулу Н. Аксакова и ни один – за формулу А. Дмитриевского. Наибольший успех имела выдвинутая последней формулировка А. Алмазова, которая предусматривала создание особых судов, но не определяла, каким образом будет сохранена вся полнота епископской власти. Конкретная разработка устройства суда была оставлена на рассмотрение Синода.

На том же заседании обсуждались возможности участия мирян в суде, выборность судей, число инстанций суда, механизм предания суду, необходимость защиты и обвинения, положение о гласности.

Епископ Могилевский Стефан (Архангельский) высказался против судебных преобразований: если в лице архиерея суд и администрация объединены, то нет надобности и создавать особую судную часть Консистории⁴⁰⁹.

А.А. Папков и Н.П. Аксаков высказались за необходимость введения прокурорского надзора, так как считали нужным «участие в суде лица, не находящегося под властью епископа, и с правом протеста»⁴¹⁰.

Вопрос об участии в суде мирян вызывал споры и разногласия. Высказывались диаметрально противоположные точки зрения:

- «мирянам в епархиальном суде делать нечего» (А.И. Алмазов)⁴¹¹;
- «к приглашению мирян в состав церковного суда не представляется препятствий» (Н.А. Заозерский)⁴¹².

Наиболее резко против участия в суде мирян высказывался, как и можно было ожидать, архиепископ Антоний (Храповицкий):

Выборы представителей от диаконов, псаломщиков и т. д. поведут только к вреду Церкви, так как будут обостряться между ними и пресвитерами отношения; что касается мирян, то это – подсудимые люди. Они вечно под судом и постоянно идут к священнику как к судье в их грехах. Никак нельзя делать подсудимых судьями своих судей. Это – издевательство над Церковью⁴¹³.

В итоге обсуждения Предсоборным Присутствием в течение ноября – декабря 1906 г. были приняты следующие положения о преобразовании церковного суда:

1. Церковный суд производится особыми церковными установлениями, при соблюдении всей полноты прав и власти епископа.

⁴⁰⁸ Там же. 201.

⁴⁰⁹ Там же. 197.

⁴¹⁰ Там же. 207.

⁴¹¹ Там же. 215.

⁴¹² Там же. 215.

⁴¹³ Там же. 222.

2. Органами церковного суда служат: Благочиннический Суд, Епархиальный Суд, Судебное отделение Священного Синода и Общее собрание Священного Синода, и Судебного его отделения.

3. Епархиальный суд составляет судебное учреждение, отдельное от Епархиального правления и от него независимое. Он состоит из коллегии пресвитеров с председателем во главе.

4. Депутаты допускаются только на предварительное следствие.

5. Члены Епархиального суда частично избираются, частично назначаются, и те и другие учреждаются Священным Синодом.

6. Председателем Епархиального суда избирается Преосвященный из членов суда и утверждается Святейшим Синодом.

7. Все решения Епархиального суда представляются епархиальному архиерею на утверждение.

8. Судебное отделение Священного Синода решает дела, касающиеся лиц архиерейского сана, а также рассматривает апелляции на решения Епархиального суда.

9. Для рассмотрения дел по жалобам на приговоры Судебного отделения Священного Синода, постановленные оным в качестве первой инстанции, и для суда над членами Священного Синода составляется Общее Собрание Священного Синода.

10. Предание по суду производится по решению Епархиального Архиерея, основанному на данных предварительного следствия.

11. Обвинительный доклад на суде поручается одному из членов суда, не участвующему в составе присутствия по данному делу.

12. Защитниками в церковном суде допускаются только священнослужители⁴¹⁴.

* * *

По завершении трудов Предсоборного Присутствия его члены продолжали начатую дискуссию на страницах духовной печати. Так, И.С. Бердников опубликовал работу «О реформе церковного суда»⁴¹⁵, в которой рассматривал историю вопроса и защищал предложенный им проект реформы, представлявший собой переработанный вариант проекта А.Ф. Лаврова.

Н. Аксаков в 1907 г. опубликовал статью «Церковный суд», где обосновывал свои взгляды на желательное устройство суда ссылкой на предписания «Апостольских Постановлений»⁴¹⁶:

«На судилище же пусть присутствуют с вами и диаконы, и пресвитеры, судя, как люди Божии, со справедливостью и нелицеприятно. Когда же придет, как и закон говорит (Втор. 19, 17), то и другое лицо, у которых есть тяжба, то каждый пусть станет посреди судного места, и вы, выслушав их, праведно выньте жребий, стараясь сделать их обоих друзьями, прежде мнения епископа, чтобы суд против согрешившего не сделался гласным,

⁴¹⁴ Там же. 385–386.

⁴¹⁵ Бердников. О реформе.

⁴¹⁶ Апостольские Постановления – памятник IV–V вв., восходящий к более ранним христианским источникам. Трулльским собором этот документ был отвергнут в качестве источника канонического права.

потому что епископ и на судилище имеет одобрителем и свидетелем Христа Божия» (2, 47). <...>

«Итак, ты, епископ, обращай внимание на обвиняющего и с мудростью наблюдай, какая и какова жизнь его, и если найдешь, что он говорит истину, то поступи по наставлению Господа. Опрося обвиняемого одного, обличи его наедине с тобой, чтобы раскаялся. Если он не убедится, то укажи ему прегрешение его в присутствии двух или троих, вразумляя его с кротостью и учением» (2, 38)⁴¹⁷.

На этом основании автор делал следующие выводы:

1) церковный суд принадлежит Церкви, которая и совершает его во всей полноте своего состава;

2) церковный суд неотделим от епископа, как и сама Церковь от него неотделима, равно как и епископ неотделим от нее, ибо нет Церкви без епископа, как пастыря, равно как нет и епископа без паствы, ему вверенной и ему вверившейся;

3) в союзе с епископом действуют и участвуют в суде церковном все части и все члены тела церковного, ибо «Церковь заключается в епископе, клире и всех, стоящих в клире» (Киприан. Письмо 17 к падшим <...>);

<...> В свете всего вышеизложенного открывается, насколько беспочвенны и чужды истинного, действительного предания церковного многообильные и многообразные рассуждения т. н. предсоборных канонистов, усердно доказывавших, что судебная власть в Церкви, исходя от епископа, может быть отчуждаема им, на праве делегации, но не иначе, как пресвитерам, при чем всякое участие в суде диаконов или мирян не только являлось бы нарушением канонического строя и церковных преданий, но представлялось бы якобы даже нарушением догмы⁴¹⁸.

Вместе с тем, появляются статьи, весьма критически оценивающие примирительные предложения Предсоборного Присутствия о месте епископа в церковном суде; предлагается учитывать опыт Комитета 1870-х гг.:

Если исключить ошибки, вполне исправимые, то проект толстовского комитета был, во всяком случае, основательнее новейших проектов. Последние вращаются в неумолимом круге: они хотят и отделить администрацию от суда и в то же время все нити той и другой свести к архиерею. Задача, разрушаемая своим внутренним противоречием! И нет ничего удивительного, что удовлетворительно разрешить ее не удастся. Выход тут только один: независимость судей и внепархияльность судебных установлений. Пока боятся первого и не считают нужным второго, преобразовательные попытки будут бесплодны. Правда есть и другой выход: возвращение к древнему типу епархиального устройства, когда не понадобится особых судебных трибуналов. Но если подобная мысль считается утопией, то тогда уже нужно мириться с тем ограничением архиерейских прерогатив, без какового недостижима судейская независимость⁴¹⁹.

⁴¹⁷ Цит. по: Аксаков. *Церковный суд*. 70.

⁴¹⁸ Аксаков. *Церковный суд*. 171–172.

⁴¹⁹ *Духовный суд*. 2.

Предсоборное Совещание

Предсоборное Совещание при Святейшем Синоде было учреждено с соизволения императора 28 февраля 1912 г. под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) в составе архиепископа Волынского Антония (Храповицкого), епископа Холмского Евлогия (Георгиевского), члена Государственной Думы протоиерея Тимофея Буткевича, профессоров М.А. Остроумова и И.И. Соколова при делопроизводителе С.Г. Рункевиче. Целью Совещания было «сопоставление и согласование предположений различных отделов» Предсоборного Присутствия с суждениями общего его собрания, «а равно и с изменившимися условиями церковной и гражданской жизни <...> и вообще всякого рода подготовительные к Собору работы»⁴²⁰.

В записке С.Г. Рункевича, подготовленной в сентябре 1916 г., дополнительно разъяснялось:

По важнейшим предметам, подлежащим разрешению Собора, – реформе церковного управления и суда – Предсоборным Присутствием были выработаны лишь общие положения, в виде директив, но каких-либо законопроектов, которые заключали бы в себе новый церковно-административно-судебный кодекс, изготовлено не было. <...> Отсутствие указанных законопроектов не могло не создавать для Собора весьма существенных затруднений. Кто знаком с действительным положением дела, тот знает, что выработка таких законопроектов – при подобных условиях – являлась бы делом весьма сложным, трудным и требующим затраты продолжительного времени. Собору предстояло бы, таким образом, или потратить много в полном смысле дорогого времени на изготовление законопроектов, или же, санкционировав новые формы церковного управления и суда, предоставить последним, впредь до выработки новых кодексов, действовать по старым, т. е. по тому же уставу духовных консисторий.

И то, и другое было бы, разумеется, и ненормальным, и нежелательным.

Вопрос о преобразовании церковного суда обсуждался на заседании Совещания с 4 апреля 1912 г. Члены Совещания в своих решениях пытались реализовать тезис о необходимости отделения суда от администрации. Было признано, что епархиальный суд должен быть организован особо от епархиального правления, председатель и члены епархиального суда избираются архиереем и утверждаются Синодом.

Предполагался также входящий в состав суда «представитель государственной власти, дающий заключения а) о соответствии решений суда церковным и гражданским законам, б) по существу дел»⁴²¹.

Было решено, что обвиняемый должен иметь возможность личного присутствия на епархиальном суде:

На судебном следствии обвиняемому предоставляется право присутствовать лично, давать объяснения по делу и представлять доказательства в подтверждение своих объяснений. Со стороны обвинения

⁴²⁰ Предсоборное совещание. 297–298.

⁴²¹ Журналы Предсоборного Совещания. 5.

вызываются наиболее определенные в своих показаниях — типичные свидетели. Защитники со стороны обвиняемого не допускаются.

Роль епархиального архиерея оговаривалась следующим образом:

Епархиальный архиерей по своему усмотрению присутствует и участвует в судебном следствии, в особенности при разбирательстве дел важнейших, но при постановлении судебного приговора он не присутствует; все решения Епархиального суда, предварительно вступления в силу, представляются на утверждение архиерея⁴²².

Тем временем думское духовенство, ничего не зная о деятельности Предсоборного Совещания, в 1915 г. подало обер-прокурору Святейшего Синода А.Д. Самарину записку, в которой говорилось о необходимости реформы суда:

Духовенству приходится переживать много унижения и страдания от предания суду по самому ничтожному случаю: сплошь и рядом священник подпадает под следствие, навсегда роняющее его авторитет в глазах прихожан, по анонимному доносу или простой устной клевете. От большой тяготы было бы избавлено духовенство, если бы соответствующие статьи консисторского устава были изменены в смысле ограничения прав епископов: 1) перемещать духовных лиц на другое место без суда и следствия, 2) увольнять за штат в административном порядке, 3) заключать в монастырь без суда, 4) предавать суду без достаточных оснований.

Но нужно сказать, что консисторский устав и весь строй консисторской жизни, а также духовный суд вообще нуждаются в неотложной реформе. Почти каждая сессия Государственной Думы заканчивается выражением пожелания немедленно приступить к этой реформе, причем представители духовного ведомства давали обещание приступить к этому делу в ближайшее время, но не пожелания, ни эти обещания до сих пор не дали ничего⁴²³.

Как бы откликаясь на эти и подобные заявления, члены Предсоборного Совещания в начале 1916 г. обратились к вопросам церковного суда; в заседании 16 января признано необходимым создать особую Комиссию для разработки законопроекта о церковном суде «ввиду особенной его сложности, при недоработанности этого предмета в предшествующей практике». Основной задачей комиссии представлялось обозрение «всех частей проекта с точки зрения соразмерности применения к ним основных начал церковного и светского суда»⁴²⁴.

В Комиссию под председательством архиепископа Сергия (Страгородского) вошли исполняющий обязанности обер-прокурора Судебного департамента Правительствующего Сената С.Я. Утин (заместитель председателя), члены Государственного Совета протоиереи Т.И. Буткевич и А.П. Надеждин, члены Государственной Думы протоиереи Г.Т. Алферов и В.П. Шеин, а также А.П. Пилкин⁴²⁵, профессор М.А. Остроумов, помощник управляющего канцелярией Св. Синода С.Г. Рункевич, делопроизводители П.П. Смердынский, В.С. Шафранов и Н.В. Нумеров⁴²⁶.

⁴²² Журналы Предсоборного Совещания. 6.

⁴²³ Записка думского духовенства. 146.

⁴²⁴ Журнал Особого совещания. 28.

⁴²⁵ Пилкин Александр Петрович († 1944), товарищ обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената; член Предсоборного Совета (1917) и, в качестве такового, избран членом Поместного Собора, но на Собор не прибыл. Эмигрировал; скончался в Париже

⁴²⁶ Записка Рункевича. 7.

Комиссия, начавшая свою работу 19 января 1916 г., работала вплоть до 30 января 1917 г. Лишь за первые два с половиной месяца своей деятельности она имела 34 заседания, в ходе которых были рассмотрены вопросы о месте архиерея в судебном процессе, о видах преступления и о наказаниях, о следствии и защите, а также о соотношении церковного и уголовного суда.

По последнему вопросу предполагалось установить порядок, при котором приговор уголовного суда мог бы становиться основанием для приговора и суда церковного, поскольку, как заявил С.Я. Утин,

приговор суда уголовного, как и приговор суда церковного постановляется по Указу Его Императорского Величества, и противоречия между ними приговорами не должно быть. <...>

Если уголовный суд оправдает подсудимого или прекратит дело за недостаточностью улик, или за отсутствием состава преступления, то подсудимый не может быть привлечен к ответственности церковным судом. Если же уголовный суд признает подсудимого виновным и приговорит к лишению или ограничению прав состояния, то церковная власть снимает с осужденного священнослужителя сан или налагает и иные наказания, являющиеся каноническими последствиями признанного надлежащим судом преступления.

Однако С.Г. Рункевич заметил, что в «политических делах» 1905–1906 гг. церковный суд, «являясь, так сказать, более тонким аппаратом» выносил суждение «о несоответствии священника его пастырскому долгу» и в тех случаях, когда уголовный суд его оправдывал⁴²⁷.

Из этого видно, что и накануне революции церковный суд, в представлении членов комиссии, должен был «удерживать в своих судебных отправлениях черты государственной, уголовной, судногражданской и полицейской власти», по выражению протоиерея М.И. Горчакова; в эпоху политической реакции совершенно неуместными, вероятно, представлялись все призывы о. Михаила к «организации <...> церковно-общественной судной власти, независимой во внутреннем ее строе и деятельности от государства»⁴²⁸. «Изменившиеся условия церковной и гражданской жизни» учтены были в полной мере.

Далее Комиссия приступила к составлению церковно-судебного устава или «Церковного судебника», который, согласно представлению архиепископа Сергия, «должен строго юридически расчленил спутанный ныне порядок церковного суда»⁴²⁹.

Устав этот должен был состоять из 6 книг:

1. Устав об устройстве церковно-судебных установлений.
2. Устав церковного судопроизводства по делам о преступлениях и проступках и о наложении дисциплинарных взысканий.
3. Устав судопроизводства по делам о расторжении браков и о признании браков незаконными и недействительными.
4. Устав судопроизводства по делам об удостоверении событий рождения, бракосочетания и смерти.
5. Устав судопроизводства по делам о спорах имущественных.
6. Устав церковно-карательный⁴³⁰.

⁴²⁷ Журналы комиссии Предсоборного Совещания (1). 18–21.

⁴²⁸ См. выше, гл. 4. Проблема церковного суда. Вопрос о церковном суде в русском обществе в эпоху реформ.

⁴²⁹ Журнал Особого совещания. 28.

⁴³⁰ Записка Рункевича. 6 об.

Составленный сенатором Утиным проект первой книги, заключающий в себе до 200 статей, был рассмотрен Комиссией и принят со сделанными ею изменениями и поправками⁴³¹.

Работа над остальными книгами была распределена между Утиным, Радзимовским, Шафрановым и Пилкиным⁴³². Таким образом, к составлению «Судебника» были подключены только юристы – светские члены Комиссии⁴³³.

Все эти документы Предсоборного Совещания были переданы в Предсоборный Совет, а затем в Отдел о церковном суде Поместного Собора, который рассматривал их на своих заседаниях. Поэтому содержание этих проектов будет изложено в связи с работой Отдела о церковном суде.

⁴³¹ См.: *Проект узаконений*.

⁴³² *Журналы комиссии Предсоборного Совещания* (2). 46.

⁴³³ *Журнал Особого совещания*. 28–31.

Предсоборный Совет

Следующей инстанцией, рассматривавшей вопрос о церковном суде, был 4 Отдел Предсоборного Совета, заседавшего в июне-июле 1917 г. в Петрограде под председательством архиепископа Литовского Тихона (будущего патриарха) в следующем составе: архиепископ Финляндский Сергей, епископы Пермский Андроник и Минский Георгий, П.И. Астров⁴³⁴, В.Н. Бенешевич, П.В. Верховской, Н.Д. Кузнецов, А.П. Пилкин, В.В. Радзимовский, В.П. Шеин, В.И. Яцкевич.

Общие положения о церковном суде были 16 июня 1917 г. рассмотрены и приняты общим собранием Предсоборного Совета.

На заседании Отдела 1 июля 1917 г. (присутствовали архиепископ Сергей, епископ Андроник, Кузнецов, Пилкин, Радзимовский и Яцкевич) был поставлен вопрос о том, не следует ли материалы Предсоборного Сопещения «пересмотреть, и, в чем следует, исправить, применительно к изменившемуся церковно-государственному строю». Было принято решение

в виду краткости времени и в виду того, что вопросы о преобразовании церковного суда были предметом продолжительных занятий и разработки Предсоборного Сопещения и «...» Комиссии, выработавшей проект суддебника

- а) поручить юрисконсульту при обер-прокуроре Свѣтейшего Синода В.В. Радзимовскому, приняв в соображение работы Предсоборной Комиссии, изготовить проект основных Положений для Церковного Суда и
- б) поручить особой Комиссии, в составе преосвѣщенного Андроника, епѣскопа Пермского, и А.П. Пилкина пересмотреть и проредактировать изготовленный проект церковно-карательного устава.

На последующих заседаниях был заслушан составленный В.В. Радзимовским Проект оснований устройства Церковного Суда, изложенный в 44 тезисах. Основные разделы Проекта включали положения:

- а) о благочиннических судах,
- б) о епархиальных судах,
- в) о церковно-областных судах,
- г) о высшем церковном суде и
- д) о Всероссийском Поместном Сопоре, в лице Особого суддебного присутствия.

Отдел принял проект с внесенными исправлениями и дополнениями. Тезисы об устройстве церковного суда были доложены В.В. Радзимовским на заседаниях Предсоборного Совета 30 и 31 июля 1917 г. Отметим, что вопрос о месте епископа в церковном суде не вызвал здесь дискуссий. Как основные принципы, лежащие в основе устройства церковного суда были названы: гласность, состязательность процесса и отделение суда от администрации⁴³⁵. Споры вызвало положение о допустимости мирян участвовать в церковном суде. Архиепископ Сергей (Страгородский) считал необходимым участие мирян в низшей суддебной инстанции:

⁴³⁴ Астров Павел Иванович, канд. юридич. наук, член Московского окружного суда; член Предсоборного Совета; член Свѣщ. Собора, избран заместителем члена ВЦС.

⁴³⁵ *Предсоборный Совет (1)*. 62.

В благочиннических судах будут разбираться случаи житейских недоразумений между клиром и мирянами, случаи неблагоповедения, которые не будут доходить до епархиального архиерея, случаи невыполнения мирянами приходских обязанностей, все это должно быть определено в карательном уставе, и в таком случае нет оснований отстранять мирян от участия в таком суде⁴³⁶.

В защиту участия мирян в суде выступили А.А. Осецкий, П.И. Астров, И.М. Громогласов, В.В. Радзимовский.

В результате обсуждения общие положения о судебных инстанциях были утверждены Предсоборным Советом⁴³⁷, подготовленные А.П. Пилкиным 175 статей Церковно-карательного устава⁴³⁸ на заседания Совета не были вынесены.

* * *

Таким образом, к началу работы Собора были подготовлены материалы по устройству церковного суда. Выработанный проект предусматривал создание нескольких судебных инстанций с выборностью судей и с включением в состав суда всех уровней мирян. Все эти материалы рассмотрены при изложении работы Отдела о церковном суде Поместного Собора.

⁴³⁶ Там же. 62 об.

⁴³⁷ Там же. 64 об.

⁴³⁸ См.: *Заседания 4 Отдела.*

Отдел о церковном суде Поместного Собора 1917–1918 гг

Отдел о церковном суде начал свою работу 29 августа 1917 г. Председателем был избран архиепископ (с ноября 1917 – митрополит) Владимирский Сергей (Страгородский), заместителями председателя – одесский нотариус П.В. Цветков и В.В. Радзимовский. В отдел записались 54 члена Собора, в том числе 10 архиереев⁴³⁹.

С первого заседания Отдел приступил к рассмотрению документов, подготовленных Предсоборным Советом и представленных Св. Синодом на Собор. Основу этих документов составил уже упомянутый Церковный судебник, выработанный Комиссией Предсоборного Совещания, и Общие положения об основании устройства церковного суда, принятые Предсоборным Советом.

Деятельное участие в работе Отдела принимали члены Собора, уже знакомые с предыдущей стадией разработки проекта реформы духовного суда – П.И. Астров и В.В. Радзимовский. Как правило, им приходилось объяснять и защищать те положения проекта, которые при первом знакомстве вызвали вопросы или недоумение.

Обсуждение Общих положений об основании устройства церковного суда. Дискуссия о роли епископа

Отдел начал свою работу с обсуждения Оснований устройства церковного суда. При этом оживленные споры вызвал известный уже вопрос, насколько применимы к церковному суду принципы отделения суда от администрации и каково место епископа в этом суде. На заседании 11 сентября (участвовали 22 члена Отдела), посвященном рассмотрению Оснований устройства церковного суда,

одни из участвовавших в прениях доказывали, что епископам на основании Слова Божия и канонов должна принадлежать вся полнота церковно-судебной власти, что судебные учреждения могут быть изменены, но епископам должно быть предоставлено право утверждения и отмены приговора церковного суда; другие высказывали мысль, что принцип отделения суда от администрации должен быть проведен и в церковном суде, и за епископами следует оставить только дисциплинарный суд, при чем указывали, что и в древнее время каноны изменялись сообразно потребностям времени; третьи стояли на той точке зрения, что принцип отделения суда от администрации должен быть применен и при устройстве церковного суда, но не в такой мере, как при устройстве светского суда⁴⁴⁰.

Вопрос об объеме судебной власти епископа рассматривался и на последующих заседаниях Отдела. На одном из них П.В. Цветков предложил уяснить вопрос, должна ли принадлежать судебная власть епископу, а «решение вопроса относительно объема этой власти отложить». Было вынесено решение «признать, что епископам должна принадлежать церковно-судебная власть, но вопрос относительно объема этой власти обсуждать при дальнейшем рассмотрении оснований церковного судопроизводства»⁴⁴¹.

⁴³⁹ Список членов см.: *Списки членов Отделов*. 66, 70–71.

⁴⁴⁰ *Протоколы ОЦС (1)*. 9–9 об.

⁴⁴¹ Там же. 10 об.

Отдел путем голосования, как правило, подтверждал те принципы устройства суда, которые были сформулированы в представленных Отделу документах, в том числе *Уставе об устройстве церковно-судебных установлений*, который рассматривался вместе с *Общими положениями*. Так, Отдел одобрил тезис о том, что кроме отдельного епископского суда все другие судебные инстанции должны носить коллегиальный характер и принял предложенные в проекте инстанции: благочиннический, епархиальный, церковно-областной и Высший церковный суд⁴⁴².

Низшей судебной инстанцией являлся **благочиннический суд**, избираемый в составе трех клириков и двух мирян. Устройство этой судебной инстанции не вызывало споров. Был поднят, однако, вопрос о том, кто утверждает избранных судей. П.Е. Крутиков высказался в пользу епископа; А.Г. Чагадаев настаивал на том, чтобы судей утверждал Высший церковный суд. Эту точку зрения поддержали А.И. Ивановский, Г.А. Моцок и П.В. Любинский. В протоколе их мнение выражено следующими словами:

Для сохранения престижа суда необходимо право утверждений судей предоставить Высшему церковному суду, так как с предоставлением этого права епископу произойдет смешение административной власти с судебной⁴⁴³.

Голосованием 11 против 6 было решено, что право утверждать судей принадлежит Высшему церковному суду. Судьи избирались сроком на три года. Председателем благочиннического суда должен быть пресвитер, избираемый на это звание самим судом из числа своих членов⁴⁴⁴.

При рассмотрении вопроса о следующей судебной инстанции – **епархиальном суде** – вновь вызвало споры положение о его составе и о месте в нем епископа. Обсуждение продолжалось три заседания. Вопрос владыки Сергия был сформулирован так: может ли епископ председательствовать в епархиальном суде?⁴⁴⁵

Как считал профессор Казанского университета В.К. Соколов,

за епископом нужно сохранить нравственно-судебную власть, а внешние юридические формы должны быть переданы особым органам. Как пастырю, епископу не следует входить в технику суда, а достаточно наблюдать за правильным отправлением правосудия. Епископу должны быть предоставлены все права прокурорской власти. Как пастырю, епископу достаточно наблюдать в качестве прокурора, чтобы лица, совершившие проступок против церковной дисциплины, не оставались безнаказанными, а были преданы суду: епископу должно быть предоставлено право наблюдать за производством следствия, за единообразным применением закона, а также право протеста против тех приговоров, которые он признает несправедливыми⁴⁴⁶.

В.В. Радзимовский напомнил, что вопрос уже рассматривался на Предсоборном Совете:

Было принято решение, что епископ не может быть председателем в епархиальном суде. Ему предоставлялись следующие права: непосредственного суда, право утверждения приговоров благочиннического

⁴⁴² Там же. 73.

⁴⁴³ Там же. 17.

⁴⁴⁴ Там же. 19 об.

⁴⁴⁵ Там же. 24.

⁴⁴⁶ Там же. 28 об.

и епархиальных судов, право рассматривать дела единолично или передавать их суду. Таким образом, ни одно дело не могло начаться и кончиться без епископа. Для того чтобы предоставить епископу наблюдение за правильным отправлением правосудия, ему предоставлено было право протеста, то есть не отменять приговор, а переносить дела в высшую инстанцию⁴⁴⁷.

Однако председатель считал, что сведение роли епископа к прокурорскому надзору не соответствовало бы канонам:

Образование органов суда, наряду с судом епископа необходимо для ограждения епископа от подозрений, а также ввиду того, что в церковном суде есть дела не чисто церковного характера, которые сопровождаются гражданскими последствиями, для которых необходимы известные формы. Но отделение суда от администрации в церковной области встречает возражения с догматической стороны. Здесь серьезные дела касаются благодатных полномочий. Не важно, кто налагает штраф, но не допустимо, чтобы запрещение в священнослужении и лишение сана было предоставлено суду без епископа. Епископу должны быть предоставлена не только прокурорская власть, но и право утверждения приговоров. При этом утверждение понимается не в смысле права перерешать дела, тогда бы епископу необходимо было находиться в зале суда, иначе решения епископа будут постановляться на основании только канцелярских данных. Таким образом, образование отдельного суда необходимо, но он должен быть связан с епископом⁴⁴⁸.

Эту позицию поддержал Евсевий (Гроздов), епископ Псковский:

Епископу должно быть предоставлено право утверждения приговоров, т. к. такие решения суда как о снятии сана, о наложении епитимьи, запрещении священнослужения не могут быть постановлены без епископа⁴⁴⁹.

Однако миряне оспаривали такую точку зрения. Так, преподаватель Воронежской духовной семинарии Ф.Г. Гаврилов утверждал:

Епископу не должно быть предоставлено право утверждать судебные приговоры. Если предоставить это право епископу, то недовольные приговором должны будут приносить жалобы на епископов. Но епископ должен быть свободным от нареканий. Поэтому лучше предоставить право утверждать судебные приговоры высшим судебным инстанциям⁴⁵⁰.

Ему вторил В.К. Соколов:

Если дадим право епископу утверждать судебные приговоры не только по существу, но и по форме, то введем епископа в суд и попытка отделить административную власть от судебной сведется к нулю⁴⁵¹.

Большинством голосов решили сохранить неизменными те принципы, которые были заложены в основу проекта. Было постановлено, что архиерей принимает решения:

1) о предании суду;

⁴⁴⁷ Там же. 28.

⁴⁴⁸ Там же. 28 об.

⁴⁴⁹ Там же. 29 об.

⁴⁵⁰ Там же. 29.

⁴⁵¹ Там же. 28 об. – 29.

- 2) о приведении приговора в исполнение;
- 3) о передаче дела в другую инстанцию.

Архиепископ Сергей внес также предложение, чтобы в некоторых особых случаях епископ мог рассматривать дело, не передавая в суд:

В особых случаях, когда дело по обвинению клирика не получило огласки до суда и когда передача дел коллегиальному суду грозит интересам Церкви, епископ под ответственностью перед Высшей властью может решить дело личным судом.

Предложенная председателем поправка была отвергнута большинством голосов (10 против 6). Отдел постановил:

Не вносить к положениям о пределах судебной власти епископа, принятым на прошлом заседании, примечания о предоставлении обвиняемому клирику права требовать суда епископа вместо обычного суда⁴⁵².

Новая редакция статей, касающихся участия епископа в судебном процессе, была представлена Ф.Г. Гавриловым и принята Отделом⁴⁵³. За епископом сохранялось право единоличного суда только по проступкам, влекущим за собой наложении епитимьи и не подлежащим оглашению. Епископ получал право опротестовать и обжаловать приговоры, но не пересматривать их, а направлять в следующую инстанцию. Таким образом, судебный процесс производился с ведения епископа, но сам суд был независим от него.

Епархиальный суд, в соответствии с проектом Предсоборного Совещания, должен был состоять из пяти лиц белого или черного духовенства и трех мирян, избираемых в епархии на три года. При утверждении статьи о председателе епархиального суда вопрос о месте епископа вновь был поднят председательствовавшим Иаковом (Пятницким), архиепископом Казанским, который заявил, что «нет оснований лишать епископов права быть председателями в епархиальном суде»⁴⁵⁴.

Однако подобное заявление шло вразрез с идеей отделения суда от администрации, что было сразу отмечено выступавшими. Мировой судья из Ташкента А.Г. Чагадаев указал, что правящие епископы

не могут быть председателями епархиальных судов уже на основании принятых положений о судебной власти епископа, неудобно возлагать обязанности председателя суда и на викарных епископов, пребывающие же на покое епископы найдут себе место в церковно-областном суде⁴⁵⁵.

Голосованием было определено, что правящий и викарный епископы не могут быть председателями суда, но могут – епископы, находящиеся на покое⁴⁵⁶. Таким образом, вопрос о судебной власти епископов был дискуссионным и в Отделе; позиции епископов и других членов Отдела не совпадали. Это противоречие выяснялось при обсуждении устройства епархиальных судов, в то время как устройство низшей и высших инстанций не вызывало острых дискуссий.

⁴⁵² Там же. 35.

⁴⁵³ См. первые шесть статей Приложения 2.

⁴⁵⁴ *Протоколы ОЦС (1)*. 42.

⁴⁵⁵ Там же. 42 об.

⁴⁵⁶ См.: Там же.

Высшие судебные инстанции

По утвержденному Отделом проекту, **церковно-областной суд** (задуманный в связи с планируемой реформой церковного управления и формированием митрополичьих округов) должен был состоять из трех епископов, четырех клириков и четырех мирян, избираемых областным собором на три года. Председателем этого суда должен быть архиерей, избираемый судом из числа своих членов. Особо был поставлен вопрос о составе суда в случае рассмотрения дела по обвинению епископа. Митрополит Сергей сделал замечание, что по канонам⁴⁵⁷ епископа могут судить только 12 епископов, и высказался за необходимость определения минимального числа для настоящего времени:

Епископа судят епископы всей области, и, во всяком случае, не менее 12 епископов. Тогда, может быть, было легко собрать такое число епископов, т. к. епископов было много. В настоящее время собрать 12 епископов трудно – препятствием послужит самое расстояние, мало и епископов, так что придется собирать епископов из разных округов⁴⁵⁸.

В результате Отдел счел минимально необходимым участие трех епископов в суде.

Наконец, **Высший церковный суд** должен был включать в свой состав четырех архиереев, трех клириков и трех мирян, избираемых Всероссийским Поместным Собором на срок до созыва следующего Собора.

Обсудив устройство судебных инстанций, Отдел стал рассматривать положения о **духовных следователях**. Напомним, что именно на институт духовных следователей архиереи в своих Отзывах возлагали надежды как на меру, которая должна улучшить работу суда. Однако в новых условиях создание этого института, требовавшего определенных денежных расходов, выглядело весьма проблематично. Согласно проекту, должность духовного следователя не должна была совмещаться ни с какими должностями по церковно-административному управлению и была выборной. Духовные следователи не должны были состоять членами суда, хотя проведение следствия могло быть поручено и члену суда. Было решено, что духовные следователи избираются на три года и должны иметь образование не ниже среднего. Обсуждался вопрос о материальном положении следователей. Здесь интересно мнение митрополита Сергея:

Пожелание, чтобы судьями были лица, совершенно независимые во всех отношениях, в частности и в материальном, признано не осуществимым, и поэтому Отделом допущено, чтобы судьи занимали места приходских священников, необходимо такую же уступку сделать и в отношении к духовным следователям⁴⁵⁹.

Завершение работы над докладом церковного суда

Далее Отдел перешел к рассмотрению положений о канцелярии судебных мест. Были рассмотрены главы, включающие отчетность по церковно-судебному управлению, порядок сношения церковно-судебных мест и должностных лиц, порядок выбора судей. Проект предусматривал положение о том, что судьи могут быть уволены только по суду. Обсуждались и статьи о правах и преимуществах судей, о надзоре за церковно-судебными установле-

⁴⁵⁷ Карф. 12.

⁴⁵⁸ *Протоколы ОЦС (1)*. 60.

⁴⁵⁹ Там же. 49.

ниями и должностными лицами, об ответственности должностных лиц церковно-судебных установлений, о взысканиях дисциплинарных, о порядке дисциплинарного производства. Всего было рассмотрено 114 статей. Работа по рассмотрению проекта была закончена в декабре 1917 г. На Собор решено было вынести Общие основания, а не текст Устава в полном объеме⁴⁶⁰.

Работа по выработке доклада «Об устройстве церковного суда» была возобновлена в марте 1918 г., после рождественских каникул⁴⁶¹. Были определены докладчики: А.Г. Чагадаев, член Пермского окружного суда И.С. Стахийев, В.В. Радзимовский. 12 марта текст доклада был утвержден Отделом, 8 апреля 1918 г. Соборный Совет принял решение напечатать доклад и поставить на обсуждение Собора⁴⁶².

Устав о церковных наказаниях (Церковно-карательный устав)

На заседаниях с марта по июнь Отдел рассматривал постатейно Устав о церковных наказаниях, в основе которого лежал документ, составленный А.П. Пилкиным в ходе работы Предсоборного Сопевания⁴⁶³. При составлении Устава А.П. Пилкин опирался на Устав духовных консисторий и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, из которого Законом 14 марта 1906 г. были изъяты многие статьи, относящиеся к преступлениям против веры⁴⁶⁴. Эти статьи, по которым государство уже не наказывало, были перенесены в новый Устав.

Устав давал перечень преступлений, по которым миряне и духовные лица подлежали церковному суду. Устав не содержал отсылок к церковным канонам, хотя многие положения Устава могли найти подкрепление в каноническом материале. Но некоторых видов преступлений каноны не знают, например, «открытый безнравственный образ жизни».

Исправления, внесенные Отделом в проект, носили преимущественно редакционный характер⁴⁶⁵. В необходимых случаях привлекались и члены других соборных отделов. Так, при рассмотрении 23 июля 1918 г. отделения, посвященного преступлениям против монашества, присутствовали представители Отдела о монашестве епископ Старицкий Серафим (Александров), епископ Охтенский Симон (Шлеев) и В.Г. Добронравов.

Проблема лишенных сана

В связи с рассмотрением Устава о церковных наказаниях 29 мая 1918 г. обсуждалась тема о восстановлении в священном сане лиц, лишенных сана по суду. В дискуссии принимали участие и члены Отдела о церковной дисциплине.

Были поставлены следующие вопросы: если решение суда о лишении сана состоялось, может ли оно быть отменено? Можно ли вернуть сан раскаянием, и что делать в случаях судебной ошибки?

Профессор Пермского университета Н.Н. Фиолетов предложил обсудить,

⁴⁶⁰ *Протоколы ОЦС (1)*. 95 об. Первоначально эти положения составили 25 статей; ср. окончательный вариант доклада Отдела: Приложение 2.

⁴⁶¹ На заседании Отдела присутствовало лишь 7 человек.

⁴⁶² *Доклады о суде (2)*. 4.

⁴⁶³ См. выше, гл. 4. Проблема церковного суда. Предсоборный Совет.

⁴⁶⁴ См.: *Уложение о наказаниях*. 285–303.

⁴⁶⁵ Окончательный текст Устава см.: Приложение 5.

что является существенным в акте лишения сана – преступление или приговор суда как распоряжение власти. Если признаем, что приговор суда лишает сана, то тогда трудно установить признаки снятия сана, т. к. приговор может быть ошибочным. Поэтому, как будто приходится признать, что само преступление разрушает благодать полномочия священника⁴⁶⁶.

Такую постановку вопроса счел недопустимой профессор МДА И.М. Громогласов. Он считал необходимым выяснить, изгладима ли благодать священства и отменяется ли ее действие решением суда. Председатель, в свою очередь, выступил против рассмотрения такого вопроса, поскольку вряд ли он может быть решен с определенностью, кроме того,

едва ли Поместный Собор правомочен решать догматический вопрос о изгладимости или неизгладимости благодати⁴⁶⁷.

По мнению митрополита Сергия, обсуждению подлежал вопрос о запрещении в церковном служении. При такой постановке

легко разрешается вопрос, когда была ошибка в приговоре суда. Что касается тех случаев, в которых наблюдается раскаяние в совершенном преступлении, то к ним можно подходить не с догматической точки зрения, а с точки зрения церковной экономии или душеспасительства. Эти случаи в церковной практике разрешаются отрицательно⁴⁶⁸.

Однако профессор Громогласов настаивал, что вопрос не может быть решен без ясного понимания изгладимости или неизгладимости священства:

Если разделим католическое учение, что благодать священства неизгладима и признаем, что лишение сана только связывает проявление благодати, то тогда остается решить вопрос о том, возможно ли вновь даровать право действия по благодати священства лицу, в котором эта благодать приговором духовного суда была лишь связана. Если же признали, что благодать священства изглаживается по приговору о лишении сана, то тогда неизбежно приходится решать вопрос о допустимости вторичного рукоположения, что является актом неслыханным.

Нельзя допустить, что сан снимается преступлением. Конечно, является вопрос, лишается ли священник благодатных полномочий, когда допущена судебная ошибка. Нужно признать, что формально он лишается сана, хотя реально может быть нет⁴⁶⁹.

И.М. Громогласов предлагал рассмотреть вопросы: 1) изгладима ли благодать; 2) возможно ли возвращение сана; 3) что происходит в случае ошибочного решения суда. Он подтвердил, что в церковной практике не найдется обоснования восстановления сана после раскаяния священника. Следовательно, речь может идти только о том случае, когда лишение сана произошло в результате судебной ошибки.

⁴⁶⁶ *Протоколы ОЦС (1)*. 113.

⁴⁶⁷ Там же. 116.

⁴⁶⁸ Там же. Митр. Сергий ссылаясь на каноны Карф. 36 («пресвитеров и диаконов, обличенных в некоем тяжком грехе, неизбежно удаляющем от священнослужения <...> не попускати <...> восходить на степень клира») и VI Всел. 21 (дозволяющий «подвергнутым совершенному и всегдашнему извержению» по раскаянии лишь стричь волосы «по образу клира»).

⁴⁶⁹ *Протоколы ОЦС (1)*. 116 об.

И.С. Стахийев и законоучитель из Саратовской епархии священник М.Ф. Марин настаивали на том, что лишение сана – дело рук человеческих, не является таинством и может быть отменено.

Громогласову поручили подготовить доклад по вопросу о неизгладимости священства, который был заслушан на 33 заседании Отдела и обсуждался в марте 1918 г. на 35 и 36 заседаниях.

Докладчик указал, что положение о неизгладимости священства было сформулировано на Тридентском соборе, провозгласившем анафему тем, кто говорит, что духовное лицо может быть мирянином. Далее он сделал обзор православной литературы, а также привел те тексты, которые говорят о неизгладимости священства. Так, в Исповедании Восточных Патриархов 16-й член содержит утверждение: «Налагает же крещение и неизгладимую печать, как и священство»⁴⁷⁰.

И.М. Громогласов отмечал, что среди православных канонистов не существует единства по этому вопросу: В.И. Экземплярский писал о неизгладимости священства, отсюда он делал вывод, что виновный может быть повергнут только пожизненному запрещению. Н.К. Соколов считал, что преступление уничтожает действие хиротонии. А.С. Павлов различал лишение сана и запрещение в священнослужении. Епископ Никодим (Милаш) также различал пожизненное запрещение и окончательное лишение сана. Н.С. Суворов трактовал запрещение и лишение сана как совершенно разные наказания: запрещение в священнослужении мера исправительная, которая может быть ослаблена, а извержение – очистительная, крайняя мера наказания.

Каноны говорят как о лишении полномочий (Анкир. 1, 2), так и запрете в священнослужении (Ап. 62; Ант. 31; VI Всел. 21).

На основании изучения канонической литературы И.М. Громогласов делал вывод о том, что можно говорить о двух формах церковного прещения – лишении сана, которое бесповоротно, и запрещении (пожизненном).

Лишенный сана утрачивает его навсегда и безвозвратно, и этим лишение сана отличается от запрещения в священнослужении, хотя бы пожизненного⁴⁷¹.

Докладчик также отметил, что церковное право допускает возможность обжалования приговора о лишении сана в высших инстанциях:

Отсюда, если мы можем посмотреть на синодальные решения как на решения первой инстанции, а на Собор, как на высшую инстанцию, то формально все будет ясно. Но тогда мы должны будем допустить, что до Собора лишенные сана были еще в неопределенном состоянии, т. е. в ожидании утверждения приговора. Кроме того, если мы станем на такую точку зрения, то должны будем указать определенный порядок обжалования, т. е. указать и ту инстанцию, приговор которой будет считаться окончательным⁴⁷².

При обсуждении доклада И. Громогласова митрополит Сергей познакомил Отдел с мнением митрополита Филарета (Дроздова) по делу епископа Феофилакта (Лопатин-

⁴⁷⁰ Докладчик имел в виду Исповедание веры патриарха Иерусалимского Досифея (1672). См.: *Καριρίς*. 760 (указано С.Н. Говоруном).

⁴⁷¹ *Протоколы ОЦС (1)*. 125.

⁴⁷² Там же.

ского)⁴⁷³. Святитель Филарет писал, что благодать – изгладима, но низложение по неправильному суду недействительно⁴⁷⁴.

И.М. Громогласов, А.Г. Чагадаев и Ф.Г. Гаврилов предложили отметить, что приговор духовного суда, неправильный по существу, признается недействительным и дело о лишении сана может быть пересмотрено присутствием Высшего церковного суда. В проекте определения по вопросу об отмене решения о лишении сана говорилось:

Лица, лишенные сана правильно по существу и по форме приговорами духовных судов, ни в каком случае не могут быть восстановлены в сане.

Приговоры суда о лишении сана, неправильные по существу или по форме, могут быть пересмотрены и признаны подлежащими отмене.

Впредь до принятия Св. Собором положения об устройстве церковного суда дела о признании недействительными утвержденных Св. Правительствующим Синодом приговоров о лишении сана подлежат по уполномочию Священного Собора рассмотрению Св. Синода, который и направляет дело к новому рассмотрению, если найдет основания к отмене приговоров.

По введении в действие новых церковно-судебных установлений, указанные <...> дела подлежат по уполномочию Св. Собора ведению Особого присутствия Высшего церковного суда, состоящего из 3 епископов-членов сего Суда, и 9 епископов, приглашаемых по жребию Высшим Церковным Судом из числа всех архиереев Российской Церкви⁴⁷⁵.

Доклад был вынесен на Собор 26 июня 1918 г. Докладчиком выступал И.М. Громогласов. Доклад не вызвал бурной дискуссии, так как епископ Старицкий Серафим (Александров) предложил не обсуждать вопрос о «неизгладимости хиротонии», а понимать данный вопрос как пересмотр неправильного решения суда⁴⁷⁶. П.И. Астров предложил уточнить срок, в который может быть обжалован приговор, в результате чего появилась поправка, предполагающая особое решение Собора о сроке подачи ходатайств о пересмотре⁴⁷⁷.

15 августа 1918 г. Собор вынес Определение «О возможности восстановлении в священном сане лиц, лишенных сана по суду», которое соответствовало первым трем пунктам решения Отделов. Согласно 2 пункту Определения,

приговоры суда о лишении священного сана, признанные Высшим церковным судом неправильными по существу или по форме, подлежат пересмотру и могут быть отменены за признанием их недействительными.

Лишенным сана до открытия Священного собора предоставлялось право

возбудить ходатайство о пересмотре состоявшихся о них приговоров духовного суда в срок, назначаемый для сего особым соборным определением⁴⁷⁸.

⁴⁷³ По политическому обвинению был лишен сана в 1738 г., в царствование Анны Иоанновны; восстановлен в сане в 1741 г., при регентстве Анны Леопольдовны.

⁴⁷⁴ Там же. 132 об.

⁴⁷⁵ Там же. 134 об.-135.

⁴⁷⁶ См.: *Обзор*. III. 79.

⁴⁷⁷ См.: Там же. 80, 81.

⁴⁷⁸ По-видимому, такого определения не последовало. В протоколах Отдела о церковном суде не обнаружено свидетельств обсуждения данного вопроса.

До установления нового устройства суда эти дела подлежали рассмотрению Священного Синода⁴⁷⁹.

Таким образом, Собор не стал рассматривать дела о возвращении сана священникам, предоставив это Св. Синоду.

Давность наказуемых преступлений

Следующая проблема, вызвавшая оживленные дискуссии, – установление срока давности как обстоятельства, устраняющего наказуемость. Положение о давности вызвало нарекания в неканоничности. Митрополит Сергей, епископ Серафим (Александров), Н.Е. Крутиков, Н.Н. Фиолетов высказали сомнения в том, что давность вообще может применяться к каноническим нарушениям.

Защищал принцип давности И.С. Стахийев. Он заявил, что

применение понятия давности вполне согласуется с христианским всепрощением, не противоречит христианскому учению и может, по моему, иметь место в церковном суде⁴⁸⁰.

В качестве аргумента в защиту применения принципа давности он выдвинул отсутствие необходимости рассматривать давно прошедшие дела, по которым суд не в состоянии получить убедительные доказательства виновности.

Митрополит Сергей заявил, что

в церковном суде наказание не есть то наказание, что в светском законе. Оно, скорее, исправление, оно – естественное последствие нарушения канонических правил. <...> Применение давности в том виде, в каком она применяется в светском суде, не возможно в церковном суде по самому свойству проступков, рассматриваемых с церковной точки зрения. В судебной практике Синода был случай, когда диакон совершил кражу, которая стала известна лишь по истечении 10 лет. Гражданский суд его освободил от наказания за давностью проступка, но духовный суд лишил его сана⁴⁸¹.

В качестве другого примера он привел вероотступничество. Ф.Г. Гаврилов также выступил против давности по отношению хотя бы к таким преступлениям как убийство и вероотступничество. Митрополит Сергей предложил выработать общие понятия церковных преступлений, к которым давность не применима, отнеся к ним «преступления, которые по каноническим правилам разрешают самую правоспособность пользоваться благами Церкви»⁴⁸².

Епископ Серафим говорил, что каноны (II Всел. 25) упоминают давность только в имущественном отношении и утверждают за епископом приход, который он имел в своем управлении и ведении 30 лет.

В результате определенные сроки давности не были установлены, принята следующая формулировка:

Устранение или смягчение наказания вследствие истечения давности срока зависит от власти церковного суда. При применении давности

⁴⁷⁹ *Определения. IV. 45.*

⁴⁸⁰ *Протоколы ОЦС (2). 29 об.*

⁴⁸¹ Там же. 36 об. – 37.

⁴⁸² Там же. 29 об.

церковный суд входит в обсуждение дела и мотивов преступления по существу⁴⁸³.

Было решено, что к наиболее тяжким преступлениям, которые влекут за собой отлучение от Церкви, давность не применяется; в случае же проступков малозначительных, за которые положено лишь взыскание и обличение, давность может устранять наказание⁴⁸⁴.

Дополнения, связанные с революционными событиями

26 июня 1918 г., после возобновления работы Собора (3 сессия), в Устав о наказаниях по предложению митрополита Сергия были внесены дополнительные статьи 98 и 99, вытекающие из соборного Определения о мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни от 19 апреля 1918 г.⁴⁸⁵. В указанных статьях речь шла о виновных в противлении церковной власти с обращением за содействием к власти гражданской, а также о виновных «в содействии проведению в жизнь распоряжений гражданской власти, враждебной Церкви»⁴⁸⁶. В случае принятия Устава Собором данные статьи могли бы сыграть свою роль в борьбе с обновленчеством, использовавшем гражданскую власть в борьбе с «тихоновщиной».

Временные правила о церковном суде

Вместе с другими докладами, не рассмотренными Собором, доклад «Об устройстве церковного суда» был передан 11 мая 1918 г. в Высшее церковное управление, которое тогда же постановило образовать для рассмотрения вопроса комиссию, в состав которой были приглашены митрополит Сергей (в качестве председателя), профессора П.Д. Лапин и И.М. Громогласов, а с 19 июня С.Г. Рункевич. Комиссия, «исходя из предположения, что Собор в течение третьей Сессии не успеет закончить дело преобразования церковного суда»⁴⁸⁷, подготовила Временные положения о церковном суде и объяснительную записку по этому вопросу⁴⁸⁸.

По сравнению с проектом Отдела, Временные положения значительно расширили права епископа в суде. Сохранялся архиерейский суд. Учреждались также коллегиальные инстанции: окружные суды (на благочиннический округ), епархиальные суды и Высший церковный суд. В состав окружного суда входили председатель в священном сане и два члена из клириков или мирян, избираемые благочинническим или окружным собранием и утверждаемые архиереем. Председатель епархиального суда назначается по представлению епархиального архиерея Высшим церковным судом и два члена избираются из лиц священного сана Епархиальным собранием и назначаются архиереем. Епархиальному архиерею предоставлялось право смягчить постановленный судебный приговор в пределах допускаемых действующими правилами. Высший церковный суд действует в составе архиерея и четырех членов: двух из архиереев и двух пресвитерского сана из белого или монашеского духовенства. Члены суда избираются Синодом и Высшим Церковным Советом из наличных членов Синода и Совета⁴⁸⁹.

⁴⁸³ *Протоколы ОЦС (2)*. 36.

⁴⁸⁴ Там же. 45 об. – 46.

⁴⁸⁵ См.: *Определения*. III. 58–60.

⁴⁸⁶ *Проект устава*. 15 об.; *Протоколы ОЦС (2)*. 7–7 об.

⁴⁸⁷ *Доклады о суде (2)*. 63.

⁴⁸⁸ См.: Приложение 2.

⁴⁸⁹ *Доклады о суде (2)*. 63 об.-66.

Временные положения были составлены как промежуточный документ, который дал бы возможность осуществлять деятельность духовных судов «до установления Священным Собором нового порядка церковного судоустройства и судопроизводства»⁴⁹⁰.

После возобновления работы Собора 26 июля Временные положения были переданы по решению Соборного Совета в Отдел с тем, чтобы доклад был представлен Собору не позднее чем через 7 дней⁴⁹¹. Митрополит Сергей следующим образом прокомментировал задачу, стоявшую перед Отделом:

Отделу предстоит сейчас высказаться по синодальному Положению о церковном суде или же остаться при прежнем своем докладе, представив вновь свой доклад на уважение Священного Собора. При обсуждении вопроса Отделом могут быть приняты во внимание следующие соображения: 1) положение о церковном суде не является уставом, определяющим постоянное устройство церковного суда, а имеет лишь характер временного положения, ставящего своей задачей организацию суда впредь до выработки Собором правил нового церковно-судебного устава. 2) Устав об устройстве церковного суда разработан Отделом и общие положения этого устава уже были предоставлены на рассмотрение Священного Собора, но не были рассмотрены Собором за наступлением перерыва в занятиях Собора. 3) Проект других частей церковного судоустройства (устав церковного судопроизводства и устав о церковных наказаниях) в настоящее время подготовлен Отделом для представления в непродолжительном времени на уважение Собора. 4) Положение о церковном суде, создавая временный орган церковного суда, является приспособлением тех же начал, которые приняты Отделом в Уставе об устройстве церковного суда. 5) Рассмотрение временных правил о церковном суде в то время, когда идет речь о выработке правил нового церковно-судебного устава, как постоянно действующего закона, представляется нецелесообразным и невызываемым обстоятельствами дела, тем более, что не рассмотрение временных правил, а выработка постоянно действующего закона, является задачей в деятельности Собора, каковая задача в отношении устройства церковного суда уже почти выполнена Отделом⁴⁹².

После этого разъяснения Отдел постановил просить Соборный Совет принять на рассмотрение ранее поданный и уже отпечатанный доклад⁴⁹³. Соборный Совет принял 6 августа решение:

Доклад Отдела о церковном суде об устройстве этого суда раздать членам Собора, и поставить на повестку одного из ближайших заседаний Собора.

Проект временных правил устройства церковного суда, выработанный при Священном Синоде и настоящее сообщение по нему Председателя Отдела о церковном суде размножить в Канцелярии и, для объявления

⁴⁹⁰ Доклады о суде (2). 63 об.

⁴⁹¹ Соборный Совет (II). 253.

⁴⁹² Протоколы ОЦС (2). 49 об.

⁴⁹³ Там же. 50.

членам Собора, вывесить на стенах при входе в Соборную Палату и в Скорбященском монастыре⁴⁹⁴.

Однако Временные положения были отпечатаны типографским способом и розданы членам Собора как приложение к докладу, поэтому на Соборе звучали предложения ограничиться рассмотрением Временных положений; в результате обсуждения это предложение было отвергнуто⁴⁹⁵.

Итоги работы Отдела

Отдел о церковном суде проделал огромную работу по вопросам, крайне актуальным для своего времени. Отдел располагал уже большим материалом, подготовленным Предсоборным Советом, однако этот материал готовился юристами, исходившими из ситуации дореволюционной России. В новых условиях документы требовали определенной корректировки. Отдел не имел ни времени, ни возможностей, ни достаточно четкого представления (и это весьма существенно) о направлении, в котором должны быть внесены коррективы.

Отметим, что новый проект устройства церковного суда представлял собой вполне законченную систему. Выборность и независимость судей осуществлялась во всех инстанциях. Однако положение епископа в этой системе при обсуждении в Отделе вызывало сомнения, в первую очередь у самих архиереев.

Отдел сумел подготовить целый ряд документов для вынесения на Поместный Собор: **Устав об устройстве церковного суда** (представлен в Соборный Совет 19 сентября⁴⁹⁶); **Устав церковного судопроизводства** (представлен в Соборный Совет 23 августа⁴⁹⁷); **Устав о церковных наказаниях** (представлен в Соборный Совет 24 августа⁴⁹⁸); **О восстановлении в священном сане лиц, лишенных сана по суду**; **О поводах к расторжению церковных браков**; **Правила делопроизводства о расторжении брачного союза, освященного Церковью**, – однако на пленарных заседаниях Собора успели рассмотреть лишь три доклада Отдела: «О восстановлении в священном сане лиц, лишенных сана по суду» (26 июня 1918 г.), «О поводах к расторжению церковных браков» (26 и 29 августа 1918 г.), «Об устройстве церковного суда» (29 августа 1918 г.).

⁴⁹⁴ *Соборный Совет (III)*. 13–13 об.

⁴⁹⁵ См. ниже, гл. 4. Проблема церковного суда. Обсуждение на Соборе.

⁴⁹⁶ *Соборный Совет (III)*. 72 об.

⁴⁹⁷ Там же. 27.

⁴⁹⁸ Там же. 30.

Обсуждение на Соборе

На Соборе доклад «Об устройстве церковного суда» был заслушан только 29 августа 1918 г. (151 заседание)⁴⁹⁹. Докладчик И.С. Стахив освятил предысторию вопроса, начиная с 1864 г., и изложил принципы организации суда, которыми руководствовался Отдел⁵⁰⁰.

Докладчик Ф.Г. Гаврилов подчеркнул достоинства Приложения (т. е. Временных положений), которое может служить практическим руководством для создания новых органов суда, так как учреждение областных судов в новых условиях стало проблематичным.

Положение, выработанное Отделом, практически в настоящее время, может быть, и не осуществимо. Потребуются громадные средства. Проект составлялся до Рождества, когда отделения Церкви от государства не было, и когда можно было рассчитывать на материальную поддержку от государства. Конечно, с точки зрения принципов, положенных в основу проекта, и с точки зрения идеала он заслуживает полного внимания. Но, принимая во внимание невозможность практического осуществления его, необходимо со вниманием отнестись и к Приложению.

Приложение имеет в виду сокращение расходов с соблюдением основных принципов правильного судопроизводства. Основной принцип – отделение судебной власти от административной – в нем соблюден. Кроме того, указаны и главные положения судопроизводства. Поэтому данный проект может служить прекрасным руководством к устройству временного суда. Особое достоинство судопроизводства, как оно представлено в докладе, устройство областных судов. Между тем, существование областных судов проблематично. <...>

Вот почему я решаюсь сказать: принимая основные положения доклада, можно иметь в виду, что в таких случаях, когда нет возможности осуществить их, можно будет заимствовать уже готовые статьи из Приложения⁵⁰¹.

Против проекта первым выступил архиепископ Гродненский Митрофан (Краснопольский). Он напомнил, что против реформы церковного суда выступал еще А. Лавров. Архиепископ сослался (не указывая авторства) на проект И. Бердникова, который, как считал выступавший, более соответствует каноническим правилам:

В центре этой жизни стоит епископ, сосредоточивающий в себе всю полноту власти в Церкви, его окружают пресвитеры, помогающие ему в делах церковного управления и разъясняющие дела, которые восходят к нему от мирян. Обращаясь, в частности, к вопросу об устройстве церковного суда, нужно сказать, что с канонической точки зрения церковный суд немыслим без епископа. Со всеми тяжбами, со всеми церковно-судебными делами

⁴⁹⁹ Прения на Соборе зафиксированы в двух видах: кратком протокольном (в основном в таком формате они опубликованы в издании под общей редакцией Г. Шульца, см.: *Обзор I–III*) и пространном (расшифровка стенограммы), представляющем собой отредактированную запись выступлений. Пространственный вариант имеется не для всех выступлений. Мы использовали *Обзор*, а в нужных случаях для восполнения текста обращались к архивным материалам ГАРФ. В процессе работы над книгой появилось издание Деяний, подготовленное Новоспасским монастырем, на которое даны ссылки в тексте. Имеющиеся разночтения между архивными материалами и опубликованным текстом мы отмечаем. Причины возможных разночтений в передаче текстов Деяний рассмотрены в статье А.А. Плетневой (*Обзор II*. 23–27).

⁵⁰⁰ *Деяние 151. 25–27; Деяния. X. См.: Прилож. Преамбула.*

⁵⁰¹ *Деяние 151. 30; Деяния. X. 245.*

сыны Церкви обращаются к нему. Он и разрешает эти дела. Ему помогают в этом пресвитеры, но по благословению епископа, так что то или иное судебное решение получается из рук епископа. С точки зрения канонической епископ близок к церковному суду.

Выступавший считал, что основной недостаток доклада – это *несоответствие его канонам*, поскольку отделение суда от епископа приведет к отделению последнего от паствы:

По ознакомлении с трудами Отдела каждый, кто стоит в вопросах церковного судоустройства на канонической точке зрения, приходит к такому выводу, что те основы, на которых построен церковный суд в докладе Отдела, далеко отводят его от канонических и церковно-исторических норм. <...>

Выработанный Отделом проект церковного судоустройства основан не на принципе приближения суда к епископу, а на принципе удаления от него. Епископу в этом проекте оставлено лишь формальное отношение к церковному суду. <...> Существо церковного суда уходит полностью от епископа, уходит самое главное – внутренняя, духовная сторона церковного суда. Может быть, при принятии обсуждаемого проекта мы приобретем лучшие формы церковного суда, но вместе с тем утратим самое главное (-) тесное общение епископа с его паствою, каковой утраты не заменят хотя бы самые совершенные внешние формы⁵⁰².

Владыка Митрофан выступил против аргументов о перегруженности епископов:

Мы настолько освободили епископа от дел, что надо говорить не о перегруженности его ими, а о недостатке их, о том, что кроме богослужбной и проповеднической деятельности у епископа не остается жизненного общения с паствою.

Выход архиепископ усматривал в *открытии новых епархий*:

Если бы их умножить до желательного в интересах Церкви количества, тогда не было бы никаких препятствий к непосредственной связи церковного суда с епископом, как это и требуется по каноническим правилам⁵⁰³.

Выступавший считал неприменимым принцип отделения администрации от суда:

В епископе, представляющем собою средоточие всей власти в Церкви, разъединение административных и судебных функций невозможно.

Однако и Приложение к докладу он считал еще более неудовлетворительным, чем сам доклад, так как в нем виден только бюрократизм и желание устранить епископа от суда⁵⁰⁴.

В поддержку проекта выступил управляющий Черниговской казенной палатой, член Высшего Церковного Совета С.М. Раевский, настаивавший на отделении суда от администрации. Он говорил, что только этот принцип может получить поддержку у общества:

Если бы не было разрухи, то деяние Святейшего Собора 1917–1918 гг. о церковном суде было бы принято и приветствовано с восторгом всей необъятной Россией⁵⁰⁵.

⁵⁰² Деяние 151. 33; Деяния. X. 246.

⁵⁰³ Деяние 151. 33; Деяния. X. 247.

⁵⁰⁴ Деяние 151. 36; Деяния. X. 248.

⁵⁰⁵ Деяние 151. 40; Деяния. X. 249.

Защитить проект пытался и П.Д. Лапин, который также настаивал на отделении суда от администрации. Хотя каноны не знают этого принципа, однако в некоторых Православных Церквях он практикуется:

Рассматриваемый проект покоится на принципе отделения суда от администрации, и этот принцип проводится в нем через все инстанции церковного суда. «...» Принцип отделения суда от администрации имеет важные преимущества перед принципом совмещения этих учреждений в руках одних и тех же органов, и он естественно вытекает из самого существа дела. Администрация и суд ведают собственно разные дела. Администрация заботится о положительном или практическом осуществлении в жизни законов и о предупреждении их нарушений. Предметом же деятельности суда являются споры о правах и действительные правонарушения. Приемы деятельности суда и администрации также неодинаковы. Администратор в своей деятельности не так сильно стеснен формализмом, как судья, который, можно сказать, от начала и до конца судебного процесса решительно связан правилами и формальностями, отступление от которых делает недействительным самый судебный приговор. Затем, судебное беспристрастие, что особенно важно, скорее осуществимо при отделении суда от администрации, чем при совмещении этих функций в одних и тех же органах. Если одна и та же власть и предъявляет требование, и сама же оценивает последствия его неисполнения, то она естественно может впасть в опасность нарушения судебного беспристрастия. «...» Проведение этого принципа желательно было бы и здесь, в церковном судостроении. И неудивительно, что в нынешнее время в некоторых Православных автокефальных Церквях мы встречаем опыты отделения церковного суда от администрации и в устройстве епархиального суда, и в устройстве суда высшего⁵⁰⁶.

Далее выступавший привел примеры устройства суда в Сербском королевстве, где существует Великий духовный суд. Важно отметить, как П.Д. Лапин обосновывал возможность изменения канонов:

Правда, каноны не знают принципа отделения суда от администрации. Каноны не имели в виду связывать церковную жизнь во всех ее подробностях и представляли Церквам право, как выразился в 12-м своем правиле Трулльский Собор, право преуспевания на лучшее. В частности, каноны не воспрещают внесения в Церковь устройства порядков из государственной жизни, если они оказываются хорошими и целесообразными⁵⁰⁷.

В качестве примера докладчик привел использование Церковью римского права в судебных делах.

Необходимо лишь, чтобы при устройстве у нас церковного суда, при проведении и у нас в церковном судостроении принципа отделения суда от администрации, были соблюдены основные канонические начала,

⁵⁰⁶ Деяние 151. 41–42; Деяния. X. 250.

⁵⁰⁷ Деяние 151. 43; Деяния. X. 251.

обязательная сила которых простирается на все Церкви и притом на все времена⁵⁰⁸.

Как считал П.Д. Лапин, полнота судебной власти должна остаться за архиереями. В епархиальном суде отделение суда от администрации должно осуществляться

не в направлении лишения архиерея судебной власти, а лишь в направлении создания при епархиальном архиерее особого вспомогательного органа, отдельного от органа, ведущего администрацию.

Высший суд организован на соборном начале. <...> Эти принципы в рассматриваемом проекте достаточно соблюдены <...>. Таким образом, с точки зрения основных канонических начал рассматриваемый проект, по моему мнению, приемлем⁵⁰⁹.

Лапин считал невозможным устройство суда, при котором архиерей рассматривает все дела, а над ним существует лишь Собор:

Каноническое устройство церковного суда во всех его подробностях является неосуществимым при условиях нашей церковной жизни <...>. Епархии слишком обширны, епископы обременены массой дел. <...> Соборы <...> не могут быть церковными трибуналами⁵¹⁰.

Он высказался «за принятие проекта в его существе»⁵¹¹.

Обсуждение доклада было продолжено на 152 заседании 30 августа 1918 г.

С подробным докладом выступил епископ Старицкий Серафим (Александров), который категорически возражал против независимости церковного суда от епископов.

Им были приведены следующие аргументы. Во-первых, у епископа отнимают право суда, предоставленное ему канонами.

От епископа отнимают то, что он имел и имеет по Божественному праву, получив это право преемственно через св. апостолов от основателя Церкви Господа нашего Иисуса Христа. Защитники того судеустройства, о котором идет речь в предложенном докладе, говорят, что тогда де суд будет и независимый, и самостоятельный, и правый, суд будет коллегиальный. Так ли будет на самом деле? <...> Епархиальный архиерей отстранен по этому проекту даже от председательствования в этом суде. Но ведь епископ и по Слову Божию, и по церковным канонам есть единственный обладатель собственной судебной в Церкви власти, и для его паствы нет другого источника церковно-судебной власти, кроме архиерея. Судит епископ (это особенно ясно изложено в 14-м правиле Карфагенского Собора). Могут ли в суде участвовать и пресвитеры на условии поручения от своего архиерея и в зависимости от него? Подготовительная работа совершается ими: они допрашивают подсудимого, обвинителя и свидетелей, но суд независимо от пресвитеров совершался всегда епископом (Апостольские постановления, гл. 42)⁵¹².

Второе выдвинутое им возражение состояло в том, что предлагаемое устройство противоречит практике других автокефальных Церквей.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Деяние 151. 44; Деяния. X. 251 (в публ. пропущены несколько слов в начале цитаты).

⁵¹⁰ Деяние 151. Деяния. X. 252.

⁵¹¹ Деяние 151. 43–44; Деяния. X. 252.

⁵¹² Деяние 152. 49–50; Деяния. XI. 15.

Если мы примем доклад в предложенном нам виде, то у нас будет твориться то, чего нет у единоверных нам Православных автокефальных Церквей. Почти во всех Православных Церквях архиерей занимает место председателя церковного суда. Так в греческой Церкви Константинопольского Патриархата, в Церкви греческого королевства, так у православных австрийских сербов, так в Румынской Церкви, в Болгарской Церкви, так в Церквях древних Восточных Патриархий. И только в Церкви Сербского Королевства по закону, изданному князем Михаилом 30 сентября 1860 г., архиерей устраняется от участия в суде⁵¹³.

Третье возражение состояло в том, что проект не соответствует церковным догматам:

Он в основе своей нарушает основные догматы веры и церковно-основные каноны – учение Христа Спасителя и святых апостолов⁵¹⁴. «...» Все решительно данные говорят за то, что во главе верховного суда стоит епископ, он не только руководитель, но и единственный в своей епархии для клириков судья⁵¹⁵.

Главной причиной возражений выступавшего было появление нового лица – судьи. «Судья независим от епископа и в своей судебной деятельности становится самостоятельным носителем судебных полномочий»⁵¹⁶.

Заседание 153 было закрытым. На нем, в частности, митрополит Арсений (Стадницкий) отметил:

Все наши узаконения рассчитаны на нормальную жизнь, с разной стороны все наши узаконения теряют силу, если воцарится порядок, устраняющий земное существование Церкви⁵¹⁷.

На заседании 154 Собор был занят обсуждением изменения положения Церкви в стране и искал способы повлиять на это положение. Вопрос о церковном суде был поднят в связи с потребностью оказать воздействие на гонителей Церкви, которые еще вчера значились по документам православными. Как сказал В.И. Зеленцов⁵¹⁸,

гонители Церкви вышли из недр самой Церкви, попустители гонений и насилий – тоже вышли из Церкви. По власти, от Бога данной, епископы имеют право судить их, и по долгу своего звания обязаны судить их. И Священный Собор обязан сказать, что пришла пора суда церковного над гонителями веры и Церкви, их пособниками и попустителями⁵¹⁹.

Однако идея суда над гонителями не получила поддержки у членов Собора. По мнению Н.Д. Кузнецова, это «странная мера», которая «едва ли когда применялась, а тем более не применима в наше время»⁵²⁰.

⁵¹³ Деяние 152. 50; Деяния. XI. 15.

⁵¹⁴ Далее даны ссылки на Мф. 15–19; I Тим. 5, 19–21; Ап. Пост. II. 11, 12, 13; Ап. 12, 13, 32; I Всел. 5; Ант. 4, 6, 9; а также творения Иоанна Златоуста и Симеона Солунского, определения Стоглава и статьи УДК, показывающие, что суд совершался под непосредственным начальством епархиального архиерея.

⁵¹⁵ Деяние 152. 55; Деяния. XI. 18.

⁵¹⁶ Деяние 152. 57; Деяния. XI. В публ. вместо судья – «суд».

⁵¹⁷ Обзор. III. 240 (Деяние 153).

⁵¹⁸ Зеленцов Василий Иванович (ок. 1870–1930), миссионер Екатеринославской, затем Полтавской епархии; член Поместного Собора; священник (1919); в заключении (1922–1925); еп. Прилуцкий Василий, вик. Полтавской епархии (1925); аресты и ссылки (1926–1930); расстрелян. Канонизован (2000).

⁵¹⁹ Деяния. XI. 44 (Деяние 154).

⁵²⁰ Обзор. III. 261 (Деяние 154).

3 сентября 1918 г. на закрытом заседании 155 Собор продолжил рассмотрение доклада. С.Г. Рункевич в своем выступлении отметил:

В настоящих обстоятельствах при речи о реформах по переустройству церковных установлений уста смыкаются. Но мы живем надеждою, и в этой надежде будем продолжать обсуждение доклада об организации церковного суда⁵²¹.

Выступления о неканоничности представленного проекта заставили Рункевича вновь привести историческую справку о почти полувековой подготовке реформы духовного суда.

Возражения, слышимые ныне, были заявлены на самых первых порах обсуждения реформы церковного суда, тем не менее, все комитеты и совещания, занимавшиеся вопросом о преобразовании церковного суда, приходили к решению об отделении в Церкви суда от администрации⁵²².

С.Г. Рункевич попытался объяснить, почему 53 года вопрос о церковном суде не находит своего разрешения:

Весь вопрос сводится к согласованию двух принципов: принципа отделения суда от администрации и принципа обеспечения полноты епископской власти.

Время, когда судебная власть сосредотачивалась в руках епископов, было ограничено:

Позволю себе напомнить, что в патриархальную эпоху судебная власть сосредотачивалась в руках епископа не только по праву, но и по факту, в действительности. Но затем, с расширением пределов епископии и ростом церковной жизни, оказалось, что один епископ не может фактически осуществить судебную свою власть во всей полноте. Появляется ему на помощь пресвитерион, на участие которого в суде есть указания уже св. Игнатия Богоносца, затем – диаконы, о чем речь идет в Апостольских постановлениях, и, наконец, миряне, упоминаемые там же. С V в. в Церкви появляются уже особые судебные установления – Священный суд с председателем хартофилаксом, иногда и епископом. Возникают и особые судебные должности. Постепенно совершается централизация церковного суда, и появляются инстанции церковного суда – суды епархиальные, митрополичьи, подпатриаршие. Наконец, суд совершается и на Соборе. Твердо сформировываются три инстанции церковного суда: и в настоящее время мы встречаем эти три инстанции в Церквах Константинопольской, Антиохийской, Александрийской. Аналогии особых судебных установлений мы имеем в Константинопольской Церкви, в Сербской, в Австро-Сербской, Элладской. И вот теперь Собору предстоит разрешить мучительный и длительный вопрос об устройстве Российского церковного суда: остается ли суд в прежнем положении или будет иметь особые установления? За особые установления, несмотря на резкие возражения, говорит, как я уже сказал, вся история реформы. Сказал, в сущности, свое слово и сам Священный Собор, образовавший административные учреждения, в которых не оставлено место для суда⁵²³.

⁵²¹ Деяние 155. 220.

⁵²² Деяния. XI. 86 (Деяние 155).

⁵²³ Деяния. XI. 89 (Деяние 155).

Однако и после столь обстоятельного разъяснения С.Г. Рункевича миссионер из Пермской епархии А.Г. Куляшев выступил с предложением отклонить доклад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.